

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Г. Н. М А К А Р О В

ОБРАЗЦЫ
КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

КАЛИНИНСКИЕ
ГОВОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 3

АННОТАЦИЯ

Книга содержит тексты на собственно карельском диалекте карельского языка, на котором говорят карелы, проживающие в Калининской области. Тексты напечатаны в фонематической транскрипции и переведены на русский язык, в необходимых случаях комментированы. По содержанию материал книги представляет собой рассказы из жизни колхозной деревни, воспоминания об Отечественной войне, предания о переселении предков карел на современную территорию, старинные игровые и обрядовые песни, причитания, сказки, пословицы, образцы детского фольклора, описание крестьянских обычаев и промыслов.

Материал сборника представляет интерес не только для языковедов, занимающихся вопросами прибалтийско-финских языков, но и для тех, кто изучает народное творчество, духовную и материальную культуру карельского и родственных народов.

Ответственный редактор
А. А. БЕЛЯКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

После окончания русско-шведской войны и заключения Столбовского мира (1617 г.) одна часть карельского народа с территории Приладожья и Карельского перешейка в течение первой половины XVII века переселилась в глубь России — на земли современной Новгородской и Калининской (а также частично Ярославской и Тамбовской) областей, а другая часть пошла в направлении к северу и северо-востоку — на территорию центральных и северных районов Карельской АССР. (Отдельные группы дошли даже до Архангельска). Те, что направились на юг, образовали группу так называемых верхневолжских (т. е. тверских, или калининских) и валдайских (или новгородских) карел. Их новым местожительством оказались верховья реки Волги, остроги Валдайской возвышенности и Бежецкого верха.

В Калининской области карельское население живет главным образом в районах¹ Лихославльском, Спиrowsком, Рамешковском и Максатихинском (около 90—100 тыс.). Второй крупный массив карельских селений (с количеством населения до 20 тыс.) расположен в Весьегонском, Сандовском, Брусовском и Лесном районах. Остальная часть (около 12—14 тыс.) живет разбросанно в Молоковском, Краснохолмском, Вышневолоцком и других районах. Небольшой островок карельских деревень находится по реке Держа на юго-западе области, недалеко от г. Ржева. В списке карельских селений, составленном проф. А. Н. Вершинским, насчитывается более тысячи карельских сел и деревень, часть которых имеет смешанное (с русским) население.²

Вопросы переселения, жизни и быта карел, поселившихся на «тверских землях», нашли освещение в ряде исторических и этно-

¹ Названия районов даны по административному делению Калининской области начала 1957 г.

² А. Н. Вершинский. Список карельских селений Московской области. М., 1932. — В это время территория Калининской области входила в состав Московской области. По переписи 1939 г., в Калининской области насчитывалось около 150 тыс. карел из общего количества 252 559 человек (см.: БСЭ, т. 20, 1953, стр. 196). По переписи 1959 г., данные о калининских карелах отдельно не приводятся.

графических исследований дореволюционного и советского времени.³

В конце прошлого и начале этого века языковеды и фольклористы Финляндии (В. Алава, Й. Куйола и др.) собирали материал по народному творчеству и языку в тверских краях. Часть этого материала напечатана в серии «Старинные руны финского народа»⁴ (изданы Р. Ниэми) и «Образцы речи карельского языка»⁵ (изданы Э. Лескинемом).

Собиранием языкового, фольклорного и этнографического материала среди этой группы карел в 30-е годы занималась также кафедра языка и литературы Калининского педагогического института. Начиная с 1957 г. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР ежегодно проводились лингвистические экспедиции к карелам Калининской области.⁶ Настоящий сборник «Образцов карельской речи» является первой наиболее значительной публикацией текстов,⁷ записанных главным образом в этих экспедициях. По содержанию тексты представляют собой рассказы о жизни колхозной деревни, воспоминания об Отечественной войне, предания о переселении предков карел на современное местожительство, старинные игровые и обрядовые песни, причитания (плачи), сказки, пословицы, поговорки, народные приметы, образцы детского фольклора, загадки, описание различных крестьянских обычаев, промыслов и т. д.

Поскольку такого рода сборники имеют своей целью, в первую очередь, воспроизведение характерных особенностей диалекта или говора, то в основу расположения материала принят принцип языковой общности или близости. Этот принцип в основном отражает и определенную географическую общность. По этой причине в пред-

³ См.: Ю. В. Готье. Замоскворецкий край в XVII веке. М., 1906, (2-е изд., 1937); А. Н. Вершинский. Очерки истории Верхневолжских карел XVI—XIX вв. Исторический сборник, вып. II, М.—Л., 1935; А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; Г. С. Маслова. 1) Материалы по этнографии карел Калининской области. Сов. этнография, 1936, № 2, стр. 79—100; 2) Народный орнамент верхневолжских карел. Тр. Инст. этнографии им. Миклухи-Маклая, изд. АН СССР, М., 1951.

⁴ Suomen kansan vanhat runot. II, Aunuksen, Tverin ja Novgorodin karjalan runot. Julkaissut R. Niemi, Helsinki, 1927, стр. 655—730.

⁵ Karjalan kielen näytteitä, I. Tverin ja Novgorodin karjalaa. Julkaissut Eino Leskinen, Helsinki, 1932, стр. 1—165. (См. рецензию Д. В. Бубриха на эту книгу в сб.: Язык и мышление т. VI—VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 301—304).

⁶ Экспедиции проводились под руководством научного сотрудника сектора языковедения Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Г. Н. Макарова с участием студентов Петрозаводского университета и Карельского пединститута, а также местных учителей. В разных населенных пунктах области записано около 2,5 тыс. рукописных страниц карельских текстов и свыше 30 часов звучания магнитофонной ленты.

⁷ Ближайшие к этому диалекту тексты на языке валадайских карел подготовлены П. Ю. Пальмеос и опубликованы в Ежегоднике общества родного языка (Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn, 1957, стр. 192—196).

лагаемом читателю сборнике не соблюдается традиционный в фольклористических сборниках принцип расположения материала по жанрам.

Сборник открывается текстами, записанными на северо-востоке Калининской области — в Весъегонском и смежных с ним районах. Затем идут тексты, записанные в главном массиве расселения карел — на территории центральной части области (районы Максатихинский, Спировский, Лихославльский и Рамешковский), в самом конце даются образцы карельского языка так называемых погореловских (или зубцовских) карел, разместившихся небольшим островком на юго-западе области. (См. Схематическую карту населенных пунктов, говоры которых представлены в настоящем сборнике).

В целях показа особенностей грамматического строя карельского языка русский перевод текстов максимально приближен к оригиналу. Дословный перевод отдельных оборотов речи дается в круглых скобках с кавычками, в круглых же скобках без кавычек даются замечания рассказчика. Объяснения того, кто записал текст, или замечания составителя, вводимые для уточнения смысла перевода, даются в квадратных скобках. Тексты печатаются с соблюдением основных положений финно-угорской транскрипции. Отметим только, что *ii* (двойное *i*) обозначает не долгий гласный, а дифтонг, например *mie upahiin* 'я забыл' (долгих гласных в говорах данного диалекта нет). В транскрипции не отмечаются и позиционные варианты фонем, т. е. ассимиляция звуков в потоке речи, за исключением случаев, где послелог *luo* «*k*» переходит в падежный формант *-luo* (*-lüö*), например *tuli diedolluo* (>*tuli diedon luo*) 'пришел к дедушке', *on meäällüo* (>*on meäan luo*) 'находится у леса'.

Часть текстов записана носителями диалекта (записи Ф. А. Федорова, К. В. Манжина, А. А. Белякова, Д. И. Макаровой), другая часть записана участниками экспедиций на магнитофонную ленту и расшифрована для настоящего сборника (в оглавлении для удобства пользования эти тексты отмечены «звездочкой»). Расшифровки всех текстов произведены составителем сборника. В целях точной передачи языковых особенностей тексты дополнительно проверены с представителями данных говоров. Каждому тексту предшествует «паспорт», в котором указывается фамилия, имя и отчество рассказчика (там, где возможно было, дается карельское имя и «фамилия», если она отличается от русской фамилии, например *g a r a s' k e n m a i n a* — Кудряшова Мария Дмитриевна), возраст, название деревни, район, фамилия и инициалы записавшего и год записи. Указывается также место хранения полевых материалов.

В собственно карельском диалекте, на котором говорят карелы Калининской области, на основании ряда фонетических особенностей можно выделить три говора, условно называемых по наиме-

нованию крупных населенных пунктов, центров этих говоров, весьегонским, толмачевским (или лихославльским) и погореловским (или зубцовским). В кандидатской диссертации А. А. Белякова «Современный карельский диалект села Толмачи» (Л., 1946)⁸ описана фонетическая и морфологическая система наиболее распространенного толмачевского говора, на котором говорит основная масса карел Калининской области, проживающая в Лихославльском, Спировском, Рамешковском, Максатихинском, Брусовском и в части Лесного, Сандовского и Краснохолмского районов. Два других говора — весьегонский и погореловский — пока еще не описаны в лингвистической литературе, хотя тексты на одном из этих говоров уже и публиковались.

Укажем на некоторые особенности весьегонского и погореловского говоров, отличающие их от толмачевского говора.

1. Весьегонский говор от толмачевского отличается своеобразным употреблением *s* и *z* в словах передней огласовки в сочетании *si*, *ei* и *ä*. Там, где в толмачевском говоре употребляется шипящий *š* или *ž*, в весьегонском встречаем свистящий *s'* или *z'*:

Толм.	Весьег.	
šienī	šienī	'гриб'
šiel'ä	šiel'ä	'там'
šel'gä	šel'gä	'спина'
l'upsäw	l'upsäw	'доит'
enžimäne	en'zimäne	'первый'

2. Другой отличительной чертой весьегонского говора является употребление дифтонга *ja*, где в других диалектах встречается дифтонг *ia*:

Толм.	Весьег.	
mua	mja	'земля'
tuatto	tjatto	'отец'
puata	piata	'убегать'

Дифтонг *ja* на месте *ia* встречается также и в говорах ряда деревень Лихославльского района (см. тексты №№ 73—76).

3. Характерной особенностью погореловского говора является сильная редукция или выпадение гласных в середине слова:

⁸ Основные положения диссертации опубликованы в статьях: А. А. Беляков. 1) Фонетика карельского диалекта села Толмачи Калининской области. Сов. финно-угроведение, V, Петрозаводск, 1949, стр. 62—98; 2) Морфологическая система собственно карельского диалекта (калининское наречие). Тр. Карело-Финского филиала АН СССР, серия лингвистическая, вып. 1, Петрозаводск, 1954, стр. 68—97.

Толм.

Погор.

sulkuñe

sulkñe

'шелковый'

mie juohutan

mie juohtan

'я напому'

ripudetah kuivamah

riptetah kuiwmah

'повесят сушиться'

4. Выделяется этот говор и отпадением конечных гласных или переходом их в другие гласные:

Толм.

Весьег.

Погор.

ukko

ukko

ukke

'старик'

d'edo

d'edo

d'ed

'дедушка'

kul'u

kul'u

kul'

'баня'

kul'a

kul'a

kul'

'деревня'

Подробная характеристика этих говоров и выяснение причины возникновения указанных различий — дело будущего. Публикуемые в настоящем сборнике тексты могут послужить материалом для такого рода исследований.

Институт и составитель благодарят всех товарищей, которые в той или иной форме приняли участие в сборе материала для настоящего сборника.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

МАНЖИН Константин Васильевич (ma n' d' zoi n ko s' t' a), 58 лет, дер. Мосеевское (mo i s' o v a) Вельегонского района. Авторская запись,¹ 1961 г. (АКФ, ф. 1,² оп. 30, ед. хр. 17, лл. 188—196, 204—206, 209—210).

№ 1. [ve s' s' i n u č i t' t' e l' a n k i r' j a]

soveckoin vlaš't'in aigah muwttu el'ān'd'ā ve s' s' i n raijonašša. tuhatta kaheksānšadja ūheksānkümmeñeñā vuodena zemstvan oččottoida müöt miän, ve s' s' i n ujezdašša ol'i kaksikümmeñd'ā procentja hebožettomia taluo, nel'l'ätoišt'a procentia l'ehmät't'ömiä, ol'i šada nel'l'äkümmeñd'ā kaksi tuhattia kul'ässä el'äjä, niist'ä enāmbi tuhattia miest'ā pakkuojašt'a.

tuhatta ūheksān šadja viijeñd'eñā vuodena ve s' s' i n zemskoi uprjava lugieči gubernijassa „hurana“. upriava kirjutti mužikoilla obraščenjan šen aijan rašein azeih nāh, mišt'ā šuit kolme členja oldih suwd'ittu i s'niimit't'u s'ijoilda.

l'ukāt't'ih čiafin. tjaš vlaš'ti ve s' s' i s' s' ā puwttu bohatoilla, a ei rjadajalla rahvahalla. okt'abrskoin revol'ucijan jāl'geh vlaš't'in ve s' s' i s' s' ā otettih sovietat. šiksi aigja tuldih frontalda saldiatat — komunistat, kumbažet i l'ukāt't'ih keřenskoin vlaš't'in.

ujeznoin sovietan eñzimäñe predšedjat'el'a ol'i g'f'ig'ofii t'e-reñt'evič št'e p'janova,³ kumbañe toižiŋke komunistoiŋke alottj strojie uwtta el'ān'd'ia.

ve s' s' i n ujeznoin gazietaŋ redaktora al'eksandra todorsko i kniigašša „vuoži — vintofkaŋke i pluwganyke“ kirjutti, kuin niih aigoih riattih eñzimäžet ve s' s' i n komunistat. t'āmān kniigan šilloin lugi l'eñina, i hiän kiit't'i ve s' s' i l'äzie. l'eñina mainičči ve s' s' i n komunistoida ūksitoišt'annella šjezdalla i newvo opaštuo ve s' s' i l'äzišt'a.

¹ К. В. Манжин — учитель, местный корреспондент Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

² АКФ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР; ф. 1 — фонд Института языка, литературы и истории (сектора языкознания).

³ Мужские фамилии на -ов, -ин, а также имена, оканчивающиеся на согласный, в карельском языке обычно оканчиваются на -а и по этой причине в форме номинатива совпадают с женскими фамилиями и именами.

nūt krest'anat kaikin ollah kolhozoišša. kolhoznikka on piässün äijist'ä huol'iloista. kolhoznikalla koišša on lat'tiet kriasittu, seižotah kravat'it, d'ivanat, pajattaw rad'ivo, a äijissä kolhozoišša on i el'ektřiicestva. harva miššä on viel'ä pert'it pit'ijke lawcoijke ül'ci seinin. nuorizo gul'anjalla šuofiečow šargah i šulkuh, ajaw velošpiedoilla, eifin i motocikloilla. muwttu i vero peřeheššä, rahvaš šuwväh hüvin.

čiisissä ollah miehet, kumbažet hüvin riatah. kaikella veššin rajonalla on kuwlovalla traktorista f'owdoro'va, kumbaže „belarus“ traktoralla künd'i tuhatan üksitoist'a gektarja — kakši vuwven normja. t'änä vuodena paraš dojarka on šuw'tina lobno'van fermalla. hiän l'üpsi jogo l'ehmäšt'ä enämmän kolmie tuhattja l'itria. kuwlovalla ollah traktoristat volkovat, vel'jekset, i pokkinen, mašinovieda cvetkova, dojara-paimen buskina, pt'ičnica vašil'jova.

kolhozašša „zvezda“ ogniišinan fermalla kaččow kanoida pol'ina vašil'jova. ni kel'lä rajonašša kanat ei muñita šen verdia jäičiä, kuin hänel'lä. t'änä vuodena hänel'lä jogo kanaže muñi šada viizikümmeñd'ä jäičiä.

mašinovieda vašil'ii cvetkova on jo moni vuotta rajonašša kuwlovalla, kuin paraš mjašt'eri mašinoida müöt. hänen luoh ajellah toizet mašinoviedat opaštumah.

paimen nikolai buskina enzimäže mužikoist'a rajonašša rubei l'ehmie l'üpsämäh. hiän paimendj stjadja i l'üpsi l'ehmie. l'üpsänd'ä lugieči naižin azieksi. a hiän jo toine vuoži paimendaw i l'üpsäw kaheksantoist'a l'ehmiä. hänež kaččuon i kolhozašša „vernji put“ paimen šabjanova rubei l'ehmie l'üpsämäh. l'ehmin l'üpsänd'ä l'ieñi i mužikoin aziel

gažietašša „vesjegonskaja prawda“ omah riadoh näh buskina kirjuttaw:

„toine vuoži mie t'awt'tel'en omja gruppiä l'äht'emišt'ä. sügüzül'lä val'l'ičen parahie važoida, talven i tul'ijankezän iče šuot'an i juotan heid'ä, štobi oldais l'ihavemmat.

t'änä vuodena miwla ol'i viizi l'äht'emiä. konže huo kannetah, vahnat l'ehmät sijatamma zagotofkoih, a hiän sijah seižatamma nuoret. niinžo riatah i toizet dojarkat miän fermalla.

nūt miwn grupašša on viizi l'äht'emiä i kaheksantoist'a l'ehmiä...“.

meid'ä veššin rajonašša viel'ä i še ihaššuttaw, što nuorizo školan loppehuoh ei aja l'innoih kebied'ä el'änd'ä eččimäh, a aštuw kolhoznoilla riavolla. meil'ä kuwlovalla on dojarka l'ida šuw'tina. konže hiän loppi d'est'il'etkan, rubei kolhozašša riadamah. hiän nūt zaocno opaštaw zoot'ehn'ikumašša.

müö, sovetskoi rahvaš, tahomma riadia hüvin, štobi t'eriamme tulla komunizmah.

№ 1. [Письмо весьегонского учителя]

Во время советской власти изменилась жизнь в Весьегонском районе.

По отчетам земства, в нашем Весьегонском уезде в 1890 году было 20 процентов безлошадных хозяйств, 14 процентов бескоровных, было 142 тысячи сельских жителей, из них больше тысячи нищих.

В 1905 году Весьегонская земская управа считалась в губернии «левой». Управа написала мужикам обращение про тогдашние дела России, за что три члена [управы] были осуждены и сняты с должностей ('мест').

Спихнули царя. В Весьегонске власть опять попала к богатым, а не трудовому народу. После Октябрьской революции власть в Весьегонске взяли Советы. К тому времени с фронта прибыли солдаты-коммунисты, которые и свергли власть Керенского.

Первым председателем уездного Совета был Григорий Терентьевич Степанов, который с другими коммунистами начал строить новую жизнь.

Редактор весьегонской уездной газеты Александр Тодорский в книге «Год — с винтовкой и плугом» писал, как в те времена работали первые весьегонские коммунисты. Эту книгу тогда прочитал Ленин, и он похвалил весьегонцев. На Одиннадцатом съезде Ленин упоминал весьегонских коммунистов и предлагал учиться у весьегонцев.⁴

Теперь все крестьяне находятся в колхозах. Колхозник избавился от многих забот. У колхозника в доме полы крашенные, стоят кровати, диваны, говорит ('поет') радио, а во многих колхозах есть электричество. Редко где еще имеются избы с длинными лавами вдоль стен. Молодежь на гулянье одевается в шерстяное и

⁴ Действительно, В. И. Ленин о книжечке А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» писал: «Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу. . . Возьму один маленький пример из рассказа тов. А. Тодорского. Дело шло о том, чтобы не оставить „безработными“ „купеческие руки“, а побудить их „взяться за работу“. . . Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставлять в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что поняли товарищи в захолустном Весьегонске, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц» (В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 363—364).

В политическом отчете Центрального Комитета РКП(б) на XI съезде 27 марта 1922 г. В. И. Ленин говорил: «Я хотел бы привести одну цитату из книжечки Александра Тодорского . . . „Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать“. Вот это — замечательные слова, . . . показывающие, что даже в городе Весьегонске, даже в 1918 году было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией» (В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 260).

шелковое, ездит на велосипедах, а-то и на мотоциклах. Изменилась и пища в семье, народ ест ('едят') хорошо.

В почете люди, которые хорошо работают. На весь Вёсьегонский район прославился тракторист Федоров, который на тракторе «Беларусь» вспахал 1011 гектаров — две годовых нормы. В этом году лучшей дояркой является Шутина на Лобневской ферме. Она от каждой коровы надоила свыше трех тысяч литров. Славятся трактористы братья Волковы и Поккинен, механизатор ('машинвед') Цветков, пастух-дояр Бускин, птичница Васильева.

В колхозе «Звезда» на Огнищинской ферме смотрит за курами Полина Васильева. Ни у кого в районе куры не несут столько яиц, сколько у неё. В этом году у нее каждая курочка снесла по сто пятьдесят яиц.

Механизатор Василий Цветков уже много лет в районе славится как лучший специалист ('мастер') по машинам. К нему ездят другие механизаторы учиться.

Пастух Николай Бускин первый из мужчин в районе стал доить коров. Он пас стадо и доил коров. Доеение считалось женским делом. А он уже второй год пасет и доит восемнадцать коров. На него глядя, и в колхозе «Верный путь» пастух Шабанов стал доить коров. Доеение коров стало и мужским делом!

В газете «Вёсьегонская правда» про свою работу Бускин пишет:

«Второй год я пополняю свою группу коров нетелями. Осенью я выбираю лучших телят, зиму и следующее лето сам кормлю и пою, чтобы были упитаннее.

«В этом году у меня было пять телок. Когда они отелятся, старых коров сдадим на мясозаготовки, а на их место поставим молодых. Так же поступают и другие доярки на нашей ферме. Теперь в моей группе пять нетелей и восемнадцать коров...»

Нас в Вёсьегонском районе еще и то радует, что молодежь после окончания школы не уезжает в города искать легкую жизнь, а идет на колхозную работу. Прославилась у нас доярка Лида Шутина. Когда она окончила десятилетку, стала работать в колхозе. Она теперь заочно учится в зооветеринарном техникуме.

Мы, советские люди, хотим работать хорошо, чтобы скорее прийти в коммунизм.

Манжин Константин Васильевич. Авторская запись, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 17, лл. 182—185).

№ 2. *miwla šanel'i hukkina mihaiia-d'iedo*

miwla ol'i šeiččimentoist'a vuotta, miän kül'än mihaila-d'iedolla vähäzet'tä üheksänkümmeñd'ä, konže mie küzel'in häñdä kreposnoih pravah näh. el'et't'ih hüö kolmen, muššassapert'issä. d'iedolla ol'i muččo irukka, kümmeñd'ä vuotta vahnembi d'ieduo,

i t'üt'är kat't'i — vahnat'üt't'ö, kumbazella ol'i vähäzet'tä kuw-
zikümmeñd'ä vuotta.

muštjapert'ie miän l'ähizil'l'ä ni missä ei ollun. mie el'än jo vii-
zikümmeñd'ä viiz'i vuotta, a mušsal'l'apert'issä ol'iin vai mihaila-
d'iedošša. miwn ijissä moizie pert'il'oid'ä miän paikoissa ei ollun.
muisan: kuin ovešta mänet pert'ih, oigiešša kiässä seižo šuwri lo-
han'i, hurašša — kiwgia borovatta kuin riiheššä, no hingaloŋke i
hiilokšerke. kiwgiansuwn kohassa, liassa, ol'i nel'l'auglane lowkko —
reppänä, kumpane salbiači l'eviel'l'ä kriškalla. lagi i seinät keški-
ikkunoih štaten oldih mušsat i l'äimet't'ih, kuin liakalla katettu.
ul'öi seinän oldih l'eviet lawcat, šuwreššašopešša ol'i jumalkoda
jumaloŋke, stola i skammii. kiwgian kohašša ol'i pieñembi stola,
kakši pal'cia stawcoŋke i purdiloloiŋke, puwhiñe šuolvakka.

kiwgialla viruw irukka üksissä räččinöissä. irukka ol'i pakšu,
hänel'l'ä ol'i l'aw'len šuorivošša viruo. a ješ'li mänet heil'ä, konže
pert'i l'ambiew, to pid'aw painjačie: alahjana nāgūw, ken on per-
t'issä, a ul'ähianä on šavu, kuin tumana joven piäl'l'ä, i šil'mie
leikkjaw. ka kuin el'et't'ih iel'l'al

a mihaila-d'iedo hot' i vahna ol'i, no ukko miel'evä. mīada
hänel'l'ä ol'i äijä i kaikkie riadia hänel'l'ä ei štannun. kül'vi hiän
vähäzin, pustjiloida niit't'i. hevošt'a jalgimäin ei pid'än, no ol'i
kakši l'ehmiä. tajehta ved'ä, kuñd'ä zjagordja i vähäñe pellošša
hiän palkai i makšo rjavošta heinämjalla.

mie kuinto vejīn hänel'l'ä tajehta. tul'i hiän milma kuččumah,
a meil'ä, riähäksi, ewlun mil'l'ä t'el'egia voidia. ših aigah d'engat
oldih huogehet, d'ot'kiñiekat ajeldih harvah, müöd'ih d'ot'kie
l'eibäh, a müö iče l'eibiä ošsimma. šanoimma müö omat gofat
mihaila-d'iedolla, a hiän muhahti i šano: „ajakkja miwn tahnun
luoh. l'öwvammä, mil'l'ä voidia t'el'egä“. val'l'aššin hebožen, l'äksin
ajamah d'iedon luoh, ajan kül'ia müöt, a t'el'egä virguw, ajia huigie.

mil'l'ä müö voijimma t'el'egän, kuin duwmaitta? d'iedo toi pi-
halla t'awwen padažen kuoretta, kiado kuofien d'ot'kipadah, a mie
mazilkalla kuoreh čökin i voijan. šen jāl'geh t'el'egä l'äksi kebie-
zel'd'i, kuin šukkulañe, tadehet d'iedolla vejimmä. iče šen jāl'geh
ned'el'inpäivät ajel'imma virgunnatta, kuin put'il'izet.

hot' i vahna jo ol'i ukko, a paginoišša, kuin mie muisan, ei haira-
hellun. l'äht'ow čikko tajehta šjattamah peldoh, a müö d'iedorke,
čikkuo t'ühjāŋke t'el'egāŋke vuottiašša, ištuočemma tahnun kül'-
lešša il'i tahnun pefišša halgoloilla. rubiew mihaila-d'iedo ša-
nelemah omah el'änd'äh nāh. äijän hiän nāgi omalla ijäl'l'ä, el'i ka-
zakkana pomeššikašša, burlakoičči liadogalla, ol'i piit'e-
fišša. hänel'l'ä ol'i kaksikümmeñd'ä viizi vuotta, konže ei l'iennün
kreposnoida pravja. mie maltoin, što moizie vahnoida ukkoloida
on vähä i kuwndel'in händ'ä šuw kahalleh.

hiän šanel'i, što miän l'ähizet kül'at, missä el'aw kafiela, ei
t'iet't'u pomeššikkja, kuin izänd'ä. heil'ä izänd'ä ol'i ud'ela, kum-
bazella hūo maksettih veduo. udel'noilla mužikalla el'iači kebiembi,

čem pomeššikan tagiana. makša aigah vedo — i el'a hoppeloitto vuoži. halguo i meččiä omih häd'ih vejet't'ih ud'ielan meččät'a, a meččiä ud'ieläšša, hot' i ed'ähközenä, ol'i äijä, mečča ol'i hüvä, korgie, šiapka langiew ladvah kaččuošša!

№ 2. Что мне рассказывал дедушка Хуккин Михаил

Мне было семнадцать лет, дедушке Михаилу из нашей деревни без малого девяносто, когда я его расспрашивал о крепостном праве. Они жили втроем в черной [курной] избе. У деда была жена Ирукка [Иринья], на десять лет старше деда, и дочка Катти [Екатерина] — старая дева, которой было чуть меньше шестидесяти лет.

Курных изб в ближайших к нам деревнях нигде не было. Я живу уже пятьдесят пять лет, а в курной избе был только у деда Михаила. На моем веку таких изб в наших местах не было. Помню: как войдешь из двери в избу, по правую руку стояла большая логань, по левую — печка без борова, как в риге, но с шестком и с загнеткой. Напротив устья печи, в потолке, была четырехугольная дыра — «труба», которая закрывалась широкой крышкой. Потолок и стены до половины окон были черные и блестели, как лаком покрытые. Вдоль стен были широкие лавки, в красном углу были иконник с иконой, стол и скамейка. Против печки был стол поменьше, две полки со ставцами и блюдами, деревянная солонка.

На печи лежит Ирукка в одной нижней рубашке. Ирукка была толстая, ей было душно лежать одетой. А если придешь к ним, когда печь ('изба') топится, то надо нагибаться: снизу видно, кто в избе, а наверху — дым, как туман над рекой, и глаза ест. Вот как жили раньше!

А дед Михаил, хотя и стар был, но старик умный. Земли у него было много, и всю обрабатывать он не мог. Сеял он немного, пустыри скашивал. Лошади под конец [жизни] уже не держал, но было две коровы. Навоз вывезти, вспахать огород и немного в поле вспахать он нанимал и платил за работу покосом [т. е. давал свои покосы].

Я как-то возил у него навоз. Пришел он меня звать, а у нас, как на грех, нечем было телегу мазать. В то время деньги были обесцененные ('дешевые'). Дегтярники ездили редко, деготь продавали на хлеб, а мы сами хлеб покупали. Рассказали мы о своем горе (в ориг. *мн. ч.*) деду Михаилу, а он ухмыльнулся и сказал: «Поезжайте к моему двору, найдем чем смазать телегу». Запряг я лошадь, поехал к деду Михаилу, еду по деревне, а телега скрипит, ехать стыдно.

Чем мы смазали телегу, как вы думаете? Дед вынес на улицу полную кринку сметаны, вылил сметану в дегочницу, а я квачом

тычу в сметану и смазываю. После этого телега пошла легко, как челнок. Деду навоз вывезли. После этого сами с неделю ездили без скрипу, как порядочные.

Хоть уже и старый был старик, а в разговорах, как я приноминаю, не ошибался. Сестра с возом навоза поедет в поле, а мы с дедом в ожидании сестры с порожней телегой сядем около двора или за двором на дрова. Начинает дед Михаил рассказывать про свою жизнь. Много он видел на своем веку, жил в казаках у помещика, бурлачил на Ладоге, был в Питере. Ему было двадцать пять лет, когда не стало крепостного права. Я понимал, что таких древних стариков мало, и слушал его с разинутым ртом.

Он рассказывал, что ближние наши деревни, где живут карелы ('живет карела'), не знали помещика как хозяина. Хозяином у них был удел,⁵ которому они платили подати. Удельному мужику жилось легче, чем за помещиком. Заплати вовремя подати — и живи год без забот. Дрова и лес для своих нужд возили из удельного леса. А лесу у удела, хоть и далековато, было много. Лес был хороший, высокий: шапка падала, как на верхушку по-смотришь!

Широков Иван Васильевич (sirokoin vana) 73 года, дер. Беньково (beniakova) Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 268).

№ 3

kül'ässä aivin paist'ih: karielazet, kumbazet t'ial'ä el'et'äh, oldih t'uönnett'ü t'änne petran vel'ikoin aigah. eüzimäne karielañe peresel'itt'ü kül'ä ol'i kiamenka, a d'üwt'kövä, popowka oldih peresel'itt'ü müöhemmä. toizie kül'ie mie en voi sanuo, konža oldih peresel'itt'ü. iell'ä ukot meid'ä sanottih švedoiksi. peresel'äidih silloin, konža švedoissa ol'i voina. miän kül'ät oldih ud'ielassa. meil'ä, vuotta kaksi seniin, opassetih skolassa karielan kiel'eh. kniigat karielazet oldih, i gazietta „kolhozoin puoleh“ ol'i. mie ice luviiñ. nüt't'en opassetah skolassa veñial'äksi.

№ 3

В деревне всегда говорили: карелы, которые здесь живут, переселены сюда во времена Петра Великого.⁶ Первая переселенная

⁵ Удел — недвижимое имущество императорской фамилии, управляющееся удельным ведомством. В состав уделов было передано несколько миллионов десятин земли с населявшими эти земли крестьянами.

⁶ Среди карел Калининской области широко распространены рассказы о переселении их предков на эти земли. Подлинная история переселения и

сюда карельская деревня была Каменка, а Дюдиково [и] Поповка были переселены позже. О других деревнях, когда они переселены, я не знаю ('я не могу сказать'). Нас раньше старики называли шведами. Переселяли тогда, когда со шведами ('у шведов') была война. Наши деревни были удельные.

У нас, этак года два, в школах учили карельскому языку. Книжки были карельские и была газета, [называлась] «Kolhozojn ruoleh» [«За колхозы»].⁷ Я сам читал. Теперь учат в школах на русском языке.

Королева Ольга Андреевна (rawš en ol'ga), 66 лет, дер. Труфаново Вессегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 255—257).

№ 4

šežo ol'i pappi. papilla ol'i kazačiha. tul'i arbuwvaŋke müöja i ravižow: „eigo pie arbuwzja?“. pappi šanow: „mänekkö, mill'a torguijah?“.

kazačiha käi i šanow: „torguijah arbuwzalla...“. a pappi šanow: „a mid'a rjatah arbuwzalla?“. kazačiha šanow: „voit istuočie arbuwzan piäl'l'a, nin viid'iw varžane“.

pappi: „mäne tuo“ — šanow. kazačiha toi.

nu papad'ja šanow: „mie istuočen arbuwzalla“. a pappi šanow: „šie rubiet aiviš skokkimah, omie rjadoloida rjadamah... šiwla ei šja istuo, mie iče istuon, einin varžast'a ei l'ie“.

pappi paŋi vakkah arbuwzan i iče istuoči arbuwzalla. ned'el'in istuw i toiz'en ned'elin istuw. pühäñäpiäñä ei liaji obied'nia, ei jowvo, istuw. naižet tuldih obied'ñalla: „mid'ia ewle obied'nia toiñe pühäpäivä?“.

имена исторических деятелей того времени уже стерлись в памяти потомков, поэтому предания о делах более чем трехсотлетней давности встречаются самые разноречивые: например, очень устойчиво предание, будто они «проиграны в карты» или же «проданы царем местному помещику за собаку». (См. тексты №№ 9, 20, 59, 86, а также работы Пертти Виртаранта (Pertti Virtaranta. 1) Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkijana. Helsinki, 1960, стр. 74; 2) Tverin karjalaisten entistä elämää, Porvoossa, 1961, стр. 46).

⁷ Речь идет о карельской газете «За колхозы» — органе Московского комитета ВКП(б) и Мособлисполкома. После образования Калининской области (территория которой до 29 января 1935 г. входила в состав Московской области) газета под названием «Кариэлан правда» выходила до февраля 1939 г. в г. Лихославле — центре Карельского национального округа. Кроме того, с 1937 по 1939 гг. на карельском языке в Калининской области выходило три районных газеты: «Большевикойн тив» (Козловский район), «Ильичан кучунда» (Максатихинский район) и «Кариэлан правда» (Новокарельский район). (См. Ежегодник периодических изданий СССР. Газеты, 1939 год, М., 1940, стр. 54—58).

l'äht'eih küzümeih. mäñd'ih pappih, kázut'äh kazacihalda: „min't'än ewle obieid'nia, pappi ei sluwži?“.

kazaciha šanow: „pappi ei jowwo, istuw arbuwzalla varžja“. naizet oldih boikoit. mäñd'ih sarailla, otettih papin tukišta i vejet'äh: „miñt'än et sluwži, išsut?“.

üksi naiñe hvatt'i arbuwzan vakašta. (oldih tagapordahat, pordahiin alla magari jänis). naiñe riehkäi arbuwzan tagapordahie vaš: jänis pöll'äs't'ü, skokni da guomnoaidia müöt pagoh. a pappi dogad'i da jäll'ešt'i hüppiäw da kiruočow, naizie kiruow: „et't'ä andan vähäšt'ä viel'ä istuo, vowo boikoi ol'iiš rojin varžal“.

jänis uid'i, tavottja ei šjan.

nu i kai.

№ 4

Вот был поп. У попа была работница. Пришел торговец арбузами и кричит: «Не надо ли арбузов?». Поп говорит: «Иди-ка, чем торгуют?».

Работница сходила, [пришла домой] и говорит: «Торгуют арбузами». А поп говорит: «А что делают с арбузом?». Работница и говорит: «Можно сесть на арбуз и высидеть жеребенка ('так выйдет жеребенок')».

Поп: «Иди принеси», — говорит. Работница принесла.

Ну, попадя говорит: «Я сяду на арбуз». А поп говорит: «Ты все будешь прыгать, свои дела делать... ты не можешь сидеть, я сам сяду, а то жеребеночка не получится ('не будет')».

Поп положил арбуз в корзину и сам сел на арбуз. Неделю сидит и вторую неделю сидит. В воскресенье не служит ('не делает') обедни, некогда, высиживает. Бабы пришли на обедню: «Почему нет обедни второе воскресенье?».

Пошли спрашивать. Пришли к попу, спрашивают у работницы: «Почему нет обедни, поп не служит?».

Работница говорит: «Попу некогда, высиживает жеребенка ('сидит на арбузе')».

Бабы были бойкие. Пошли на сарай [пристроенное к жилому дому хозяйственное помещение со въездом], взяли попа за волосы и тянут: «Почему не служишь, сидишь?». Одна женщина схватила арбуз. (Был въезд на сарай, под въездом спал заяц). Женщина как кинет арбуз на въезд — заяц испугался, выскочил да по огуменку и бежать. А поп увидел [зайца] да следом и бежит да ругается, женщин проклиняет: «Не дали [вы] досидеть немножко еще, какой бойкий был бы жеребенок!».

Заяц убежал, догнать не смогли.

Ну и все.

Омариона Татьяна Степановна (proken taño), 66 лет, дер. Голо-
ново (gólownova) Всевогонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г.
(АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 235—236).

№ 5

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton stјajah.
tјaton stјajašša kolme hebuo:
tјaton hebo — kuldagfiiva,
oman vel'l'en — hобiegfiiva,
a vaivan vel'l'en — vaškigfiiva.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton tahnuah,
tјaton tahnuošša kolme l'ehmiä:
tјaton l'ehmä — kuldašarvi,
oman vel'l'en — hобiešarvi,
vaivan vel'l'en — vaškišarvi.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton aittah,
tјaton altašša kolme t'üt't'uo
tјaton t'üt't'ö — kuldakassa,
oman vel'l'en — hобiekassa,
vaivan vel'l'en — vaškikassa.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton pert'ih.
tјaton pert'issä kolme muččuo:
tјaton muččo — kuldaočča,
oman vel'l'en — hобieočča,
vaivan vel'l'en — vaškiočča.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö — ni kunnel

(loppieči).

№ 5

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого [Агафья],
пойдем-ка в отцовский табун ('стаю').
В отцовском табуне три кобылы:
кобыла отца — златогривая,
своего брата — среброгривая,
убогого брата — медногривая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка во двор отца.
Во дворе отца три коровы:
корова отца — златорогая,
своего брата — серебророгоя,
убогого брата — медногорогоя.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка в клеть отца.
В клеть отца три девушки:
девушка отца — златокосая,
своего брата — сереброкосая,
убогого брата — меднокосая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка в избу отца.
В избе отца три жены:
жена отца — златолобая,
своего брата — серебролобая,
убогого брата — меднолобая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка — никуда!

(Кончилась).

Индеекин Михаил Кириллович, 50 лет, дер. Покрышкино (pokriš-
kina) Вельегонского района. Записал Г. Н. Макаров, 1959 г. (АКФ, ф. 1,
оп. 30, ед. хр. 1, лл. 71—72).

№ 6. kuin müö varuśšamma s'ilossuo

silossuh god'iečow kaiken moiñe heinä. god'iečow i jablokan
korži i čilahañe. hañeh pannah ka l'eppiä: bivalo, pilkottih solo-
mořeskoilla i silosuidih. seičas müö silosuičemma klieverie i kag-
rja. kl'ievefi i kagra ollah vihannat. nämä ollah niit'et't'u, košil-
kalla, traktora niit't'i. näid'ä ei pie kuivata. näin mjan piäl'l'ä müö
silosuičemma toiñe vuoži. mullone silossu ol'i hüvä. hiän iče
muiguow, on äijä kislotnošt'ie. žiivatta süow rumaldj silossuo.

mjan piäl'l'ä silosuičemma müö niin: burtah varoin val'icemma
kuivan kohan. burtan lijajimma pidehüt'en üksitoist'ä metriä, l'eve-
hüt'en nel'l'ä metriä, korgehut'en kaksi metriä. t'ässä burtassa
l'ieñow viesia kolmekümmeñd'ä tonnia. fermah varoin lijajimma
l'ässä kümmeñen burtia. moižen burtan liad'ieśša mänow kaksi

päiviä. jes'i t'amä azie kaikki liad'ie kahessa päiviä, pid'aw kolmekümmeñdä miest'ä. näin mjan piäl'l'ä liad'ie šilossuo on parembi i šilossu l'iew parembi, čem hawvašša. konže burta on t'awt'et't'u, šen talliaw traktora. traktora burtja liad'iešša talliaw moñičči.

№ 6. Как мы готовим силос

Для силоса годится всякая трава. Годится и ботва картофельная, и крапива. В него вот кладут и ольху: бывало, резали соломо-резками и силосовали. Сейчас мы силосуем клевер и овес. Клевер и овес зелёные. Они скошены косилками, трактор скосил. Это не надо сушить. Так на земле мы силосуем [уже] второй год. Прошлогodний силос был хорош. Он сам закиснет, [в нем] большая кислотность ('много кислотности'). Скот охотно поедает силос.

Наземным способом мы силосуем так: для бурта выбираем сухое место. Бурт делаем длиною одиннадцать метров, шириною четыре метра, высотой два метра. В этом бурте весу будет тридцать тонн. Для фермы готовим около десяти буртов. На закладку такого бурта идет два дня. Если всё дело сделать за два дня, надо тридцать человек. Так наземным способом делать силос лучше, и силос будет лучше, чем в яме. Когда бурт заполнен, его уминает трактор. Трактор при заполнении бурта много раз уминает.

Кириши Федор Яковлевич (kiršinan hod'о) 64 года, дер. Пожен (рёрова) Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 7).

№ 7

„pakšukiel'el'l'izet“ el'et'äh sandovašta ümbäfi. miän kiel'i on vienombi. rewnašša dubrovan kül'ä on. hüö paiššah: *vjasa, suola, suo; suossa niitämmä.*

a müö šanomma: *vjaša, šuola, suo, šuošša niitämmä.*

lopiat'ihašša paiššah miän liaduh, kuin i müö pagizemma, ni müt'üt't'ä ei ole eruo.

„*mijajüičä*“ — šanotah borušša, borhinašša, buhrovašša, čižovašša, šenčovašša.

№ 7

«Толстоязычные» живут вокруг Саидова. Наш язык «потоньше» ('нежнее'). Рядом с нами деревня Дуброво. Там ('они') говорят: *vjasa* 'квас', *suola* 'соль', *suo* 'болото', *suossa niitämmä* 'на болоте (в болоте) косим'.

А мы говорим: *viäsa, šuola, šuo, šuošša niitämä.*

А в Лопатихе говорят по-нашему, как и мы говорим, ~~нет~~ никакой разницы.

miajäičä 'картофель (земляное яйцо)' говорят в Бору, Борхине, Бухрове, Чижове, Сенцове.

Киршин Федор Яковлевич. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 6).

№ 8. *kařielazet nimet*

1. amossu; 2. ańńi; 3. arhippa; 4. ařko; 5. arsa; 6. daru; 7. dĩaño; 8. dĩavo; 9. fedu; 10. fedošši; 11. fekl'a, t'oka; 12. gawro; 13. garaššima; 14. gl'ebo; 15. hil'ippä; 16. hod'o; 17. igno; 18. iivana; 19. il'l'a; 20. iro, irukka; 21. izoššima; 22. jeńa; 23. jeńka; 24. jermakka; 25. kat't'i; 26. kondro; 27. kuža; 28. lawři; 29. lľazari; 30. lukka; 31. lukko; 32. markki; 33. mařu; 34. mašo; 35. midro; 36. mińa; 37. miitřii; 38. mika; 39. mikaša; 40. mikki; 41. miku; 42. moišu; 43. nasto; 44. natto; 45. nawma; 46. nešt'eři; 47. niko; 48. orgu; 49. ohrema; 50. okku; 51. okšo; 52. ol'eksi; 53. ol'ona; 54. omel'a; 55. ondrej; 56. onto; 57. opi; 58. ort'o; 59. ošippa; 60. oška; 61. owd'i; 62. owdoska; 63. palaga; 64. pawša; 65. pawšo; 66. pedři; 67. prokko; 68. riigo; 69. rod'a; 70. romana; 71. řirgo; 72. sofona; 73. spiřidona; 74. taro; 75. t'ero; 76. t'iihana; 77. t'liitta; 78. t'imo; 79. t'itko; 80. ul'l'i; 81. ušt'i; 82. valašši; 83. varvo; 84. vašši.

№ 8. Карельские имена собственные

1. Амос; 2. Анна; 3. Архип; 4. Архип; 5. Арсений; 6. Дарья; 7. Данил; 8. Давид; 9. Федот[ий]; 10. Федосья; 11. Фекла; 12. Гавриил; 13. Герасим; 14. Глеб; 15. Филипп; 16. Федор; 17. Игнатий; 18. Иван; 19. Илья; 20. Иринья; 21. Изоссим; 22. Евгения; 23. Евгений; 24. Еремей; 25. Екатерина; 26. Кондратий; 27. Кузьма; 28. Лаврентий; 29. Лазарь; 30. Лука; 31. Лукерья; 32. Марк; 33. Мария; 34. Максим; 35. Митрофан; 36. Михей; 37. Дмитрий; 38. Михаил; 39. Никифор; 40. Никита; 41. Николай; 42. Моисей; 43. Анастасия; 44. Наталья; 45. Наум; 46. Нестор; 47. Никон; 48. Аграфена; 49. Ефрем; 50. Акулина; 51. Аксинья; 52. Алексей; 53. Елена; 54. Емельян; 55. Андрей; 56. Антон; 57. Иофимия; 58. Артем; 59. Осип; 60. Иосиф; 61. Евдокия; 62. Евдоким; 63. Пелагея; 64. Павлина; 65. Павел; 66. Петр;

67. Прокопий; 68. Григорий; 69. Родион; 70. Роман; 71. Сергей;
72. Софрон; 73. Спиридон; 74. Тарас; 75. Терентий; 76. Тихон;
77. Тит; 78. Тимофей; 79. Тит; 80. Ульяна; 81. Устинья;
82. Влас; 83. Варвара; 84. Василиса.

Лазарев Иван Лазаревич, 68 лет, дер. Остолопово Васьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. кр. 49, л. 196).

№ 9

mišt'a ottjači miän kafiela, en t'ijä. tjatto i mjami oldj
kafelažet i iče ei muišettu, mišt'a rod'iečih t'amä kafiela.

miän ljaduh paiššah rjameňjašša, miijovašša, va-
kuwt'tinašša, korowkinašša, taračovašša, čopur-
kašša, žel'ežieňovašša, lušnikovašša, bořhinašša,
holmušša, naid'oŋkašša, daňilkovašša, sopilo-
vašša, protiŋjašša, šiid'a ollah venakot kul'ät, veniäh'ižet.
čiamorovan randa pagizow toiziin, hoikemmalla kiel'el'ä,
šäblättän. a kečemi, lobnova, ploskoi, timoškinä,
terpigora, čuhafova i kaikki piät'inchän randa pagizow
pakšuldj.

№ 9

Откуда взялись наши карелы (в orig. ед. ч.), не знаю. Отец и
мать были карелы и сами не помнили, откуда получилась эта карела.

По-нашему говорят в Раменье, Миньезе, Вакутине, Коровкине,
Тарачове, Чопуркове, Зелезенове, Лужникове, Боркине, Холме,
Найденкове, Данилкове, Сопилове, Противье. Потом идут русские
деревни, русское [население]. Чамеровский край говорит по-другому,
«тоньшим» языком, [на «эсь»] шепелявит. А Кесьма, Лобнево, Пло-
ское, Тимошкино, Терпигора, Чухарево и весь Пятницкий край го-
ворит «толсто».

Привалова Александра Ивановна, 70 лет, дер. Мошайка Васьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. кр. 49, лл. 150—152).

№ 10

šanel'i miwla mjami, a mjamolla šanel'i mjami, miwn biabo
t'ienow, kuin ol'i barsko-taračejevo kul'aŋe. šiel'a ol'i
bajarin usad'ba. i šiid'a ol'i hänel'l'äh rjadajja kuwzikümmeä

miest'ä. kuin kučuttih bajaranie, en t'ijä. miwla jo on šeiččimen-kümmeñd'ä vuotta. nu ka, mjammo i šanel'i. meil'ä, kuin baršinašša el'et't'ih. biabon mieheli'ä annettih šeiččimentois't'a vuotta, a kuw-zikümmeñd'ä vuotta ol'i šulahazella, ukolla. hiän ol'i kiwgiänliad'ija. kifikköl'öih kiwgaida liad'i.

biabo fedošja, konže hänel'l'ä ol'i šeiččimentois't'a vuotta, paimendi hahniloia da šorzie pellošša. ol'i vihmašä. hiän tul'i mätgä illalla paimenista da kiwgialla nowži miata dai uinoi šinē. a unissai nāgōw: napul'nikkia [?] müöt'en l'üwd'aw žmejamado. hüppäi kiwgialla, kaglašta ümbärii kl'äppieči. fedošja unišša pöll'äštü žmejia i ravahti.

a mjammo kezriaw ikkunarannašša. tulow bajarišta kuharka, kolot't'iw ikkunja, pert'ih ei tullun: „jegorovna, zawtra k vencu dočku pripasail“ — „a za kavo?“.

kuharka šano vahnann ukon nimen. ruvikaš, tuhma, a fedošja šoma-šoma ol'i, šoma. mjammo l'äksi tahnuolla dai lažei.

šiid'ä tul'i da t'üt't'ärel'l'ä t'äl'l'ä i šanow: „nowže da huomena venciälla pid'aw varuštiačie“. hiän šano: „t'üt'är-rukka, l'ähet kuin venciälla, ved'amäh ruvetah, karposkoin jovella mel'ičän burha on, vezi korhjaniw šiinä, da s'inēi skokaha. el'ä venciäičieče t'amäŋke ukoŋkel“.

fedošja, konže ruvettih ajamah venciälla šillačči, tahto skokahtia burhah da kotta (oldih iel'l'ä kotat moizet nahkazet) tartu i hänen hvat'ittih. i kifikkön lukuttih, venciäidih (otetah venciälla, niin mjammo et ole jäll'est'i). kiriköšä šanotah: „kodvazeks'i venciäičiečet“. (mjanitellah — ei it'kiis).

ka t'äšt'ä ukosta fedošjalla ol'i kolme lašta. i miwn mjammo i ol'i niid'ä lapsie... hiän kolmeŋke lapšeŋkei jäi, konže l'ieni hänen vol'a.

mužikkia, ukkuo, kül'äh ei oteta. šanotah: „mišt'ä tul'iit, šinē i mänel“.. a biabo fedošja i šanow: „davai pakkuomma kül'äšt'ä mjada vähäzen pert'izen alla. viinia oššamma kül'äl'l'ä, niin annetah mjada.“

viinia ošsettih kül'äl'l'ä, annettih jogirandazella mjada vähäzen, pert'izen šijalla. bobul'izet i oldih. ol'i pert'izeššä üks'i ikkuna, a toine ol'i ikkunane volokovoi, alahana. lapšet t'äšt'ä volokovoista ikkunazešta lawdäzen eišet'äh i kävel'l'äh peft'izeh, kuin mjammo, fedošja, l'äht'ow barsinah riavolla — süött'el'iečie pid'i. a ukko t'amä kävel'i vesiših, riibanoih — kiwgaida kir'ikköl'öih liad'i. nu a s'iid'ä kuol'i. lapšet jiad'ih biabolla. biabolla mjada annettih taracovašša.

hot' vol'a l'ieni, a bajarowna s'iidä koišša el'i, a biaboi kävel'i hänel'l'ä riadamah d'eŋgoista.

№ 10

Мне мать рассказывала, а матери рассказывала ее мать, мне она бабушка будет, про деревушку Барско-Тарачеево. Там была усадьба

барина. Да еще у него было работников шестьдесят человек. Как звали барина, не знаю. Мне уж семьдесят лет. Ну вот, мать и рассказывала нам, как жили на барщине. Бабушке было семнадцать лет, когда ее выдали замуж, а шестьдесят лет было жениху, старику. Он был печник. В церквях ставил печи.

Бабушка Федосья, когда ей было семнадцать лет, пасла гусей и уток в поле. Была дождливая погода. Она пришла мокрая вечером с поля с пастухов и легла спать на печку да и уснула там. А во сне и видит: по напыльнику [?] ползет змея. Прыгнула [змея] на печку и вокруг шеи и обвилась. Федосья во сне испугалась змеи и закричала.

А мать прядет у окна. Приходит от барина кухарка, стучит в окно ('колотит окно'), в избу не вошла: «Егоровна, завтра к венцу дочку припасай!». — «А за кого?».

Кухарка назвала имя старого старика. [Старик] рябой, некрасивый, а Федосья красивая-красивая была, красивая. Мать пошла на двор и упала.

Потом пришла да этой дочери и говорит: «Вставай, да завтра к венцу надо приготовиться». Она сказала еще: «Бедная доченька, как поедешь венчаться, повезут [тебя], на Карповской реке около мельницы омут, вода бурлит там, да ты туда и прыгай. Не венчайся с этим стариком».

Когда поехали ('стали ехать') к венцу по мосту, Федосья хотела прыгнуть в омут, да кота (были тогда коты такие кожаные) зацепилась и ее схватили. И церковь заперли на замок, [пока] венчали. (Берут к венцу, так мать ведь следом не пойдешь).

В церкви говорят: «Только ненадолго венчаешься». (Обманывают, чтобы не плакала).

Так вот от этого старика у Федосьи было трое детей. И моя мать была из тех детей. .. Она [бабушка] с тремя детьми и осталась, когда стала ее воля.

Мужа-старика [моего дедушку] жить в деревню не берут. Говорят: «Откуда пришел, туда и иди!». А бабушка Федосья и говорит: «Давай у деревни попросим немного земли под избушку. Вина купим для мужиков ('деревни'), так дадут землю».

Вина купили они для деревни, им дали у реки ('на бережочке реки') немножко земли под избушку. Бобыли они и были. В избушке было одно окно, а второе было волоковое окошко, низко [около земли]. В этом волоковом окошке дети дощечку сдвинут и идут в избушку, когда мать, Федосья, бывает на работе на барщине, — питаться же надо было. А старик этот ходил в Весьёгонск, в Рыбинск — печки ставил в церквях. Ну а потом умер. Дети остались с матерью [т. е. с бабушкой]. Бабушке земли дали в Тарачове.

Хоть стала и воля, а помещица в прежнем своем ('том') доме жила, а бабушка и ходила к ней работать за деньги.

Титов Александр Титович, 69 лет, дер. Чухарево Вельегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 176).

№ 11

miän kül'ä ol'i bajafin oma. bajafin famil'ja virbow. hiän ol'i veniähl'äne. bajafi el'i omašša koišša t'erpugoran i popad'inan väl'il'l'ä. bajafin omat kül'ät oldih: čuhafova, sofroniha, popad'ina, t'erpugora, čergiäd'nä, kül'ät jakuwaššina i pet'el'övä oldih niin že bajafin. bajafin aigah mie pieñi ol'iin, a miwn tuatto i muamo ruattih bajafilla. enñein, buitto, ol'i kuin ken naičcow, niñ kəwd'ih kužuməh bajarilda, ked'ä kaškəw ottua. ruattih kolme päiviä bajafilla, a kolme ičel'l'ä ned'el'iššä.

ud'ielan kül'ät šanotah: *l'ajjiin, viinja, t'jala* a müö šanomma: *luajjiin, viinua, tuala*.

kaikki miän oman bajafin kül'ät paissah pakšuldi, a piät'v-n-čän kül'ät oldih toizella bajafilla. bajafin famil'ja ol'i čerkov. miän bajafin kariela on „virbowššina“, a piät'inčän reš-našša „čerkowššina“.

№ 11

Наша деревня принадлежала помещику ('была барина-своя'). Фамилия помещика Вирбов. Он был русский. Помещик жил в своем доме между Терпугорой и Попадиным. Помещичьи деревни были: Чухарево, Софрониха, Попадино, Терпугора, Чернягино. Деревни Якушино и Петелево также принадлежали помещику. Когда еще были помещики, я был маленький, а мой отец и мать работали у помещика. Раньше, говорят, будто было так: если женятся, то ходили спрашивать помещика, кого велит брать [замуж]. Работали три дня в неделю на помещика, а три на себя.

В удельных деревнях ('деревни удела') говорят:

l'ajjiin 'сделал', *viinja* 'вина', *t'jala* 'там', а мы говорим: *luajjiin, viinua, tuala*.

Все деревни нашего помещика говорят «толсто», а пятицкие деревни принадлежали другому помещику. Фамилия помещика была Черков. Край, где жили карелы нашего помещика, называют «вирбовщиной», а в пятицкой стороне — «черковщиной».

Домисора Виславой Александрович (go'akan vašši), 55 лет, пер.
Терпигора Вещегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКО,
ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 172—173).

№ 12

müö pakšuh pagizemma, emmä šiwkuttuan. šiwkuttuan ostol-
powšinašša paissah, šiwkutetah.

miän küläšša: *šie, istuo, šüömäh, venüttiäče*; a šiel'ä: *šie, istuo, šüömäh, viruttuače*.

huomneksella nowžen. on poččine. poččizen šüöt'an, šiida važazen
juotan, l'ehmäl'l'ä juwva rengin towže annan. šiid'ä l'ehmän l'üpšän.
l'ehmä t'äšša kakši päiviä ni üht'ä ei andan: piet't'i maijon. a hüt-
'en rosconeči, l'üpšaw kolme puas't'ä huomneksella. šiid'ä, kačon,
l'ehmät laškietah — i oman laššen. da, šiid'ä tulen kačahan lašta.
kuin on havačušša, niin otan omah komnattah i šiid'ä rubien kiw-
guada l'ammit't'amäh i lapšella annan maijošt'a, šüöt'al'l'an, i hiän
miwla käržuw. šiid'ä ka rokkah varoin juablokkua kuofitan, a lapši
kaččow miwh, kuin mie kuofitan: kettuzet langetah, šiid'ä juablok-
kazet langetah. hiän kaččow i nagrau. šiid'ä sfiäppiečen, valmis-
san šüömist'ä, murginua. lapšet šüöt'an da i tuaš lapšetke i fubien.

№ 12

Мы говорим на «ш» ('толсто'), а не на «сь», не «сивкаем».
«Сивкают» в Остолповщине.

В нашей деревне: *šie* 'ты', *istuo* 'садись', *šüömäh* 'кушать', *ve-
nüttiäče* 'ложись'; а там: *šie, istuo, šüömäh, viruttuače*.

Утром встану. Поросенок есть. Поросенка накормлю, потом те-
леночка напою, корове пойла ведро понесу тоже. Потом корову
подою. Корова тут два дня нисколько не давала: молоко задержала.
А теперь разошлась, дает три горшка [молока] утром. Потом,
смотрю, коров пускают — и [я] свою выпущу. Да потом приду по-
смотрю ребенка. Если проснулся, то возьму в свою комнату, а по-
том буду печь затапливать и ребенку дам молочка, покормлю, он
у меня сидит тихо. Потом вот для супа картошку очищу, а ребенок
смотрит на меня, как [я] картошку чищу: очистки падают, потом
картофелинки падают. Он смотрит и смеется. Потом отстрипаюсь,
приготовлю покушать, обед приготовлю. Детей накормлю да и
снова с ребенком займусь ('буду').

Евсеева Анна Михайловна (jewšinan an'ni), 66 лет, дер. Бухрово Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 80—81).

№ 13

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't'el'ow.
piäd'uw tuatto tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova t'üt'är',
ken šiwma pahoin pid'aw,
buat'košgo pahoin šiwma pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki tuattožeŋi,
miwla buat'ko kuin rodnoi tuatto.
üksi paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošiilla šnawvuttaw“.

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't'el'ow.
piäd'uw muamo tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova t'üt'är',
ken šiwma pahoin pid'aw,
muatkošgo šiwma pahoin pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki muamožeŋi,
miwla muatko kuin rodnoi muamo,
üksi paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošiilla šnawvuttaw“.

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't'el'ow.
piäd'uw čikko tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova čikko,
ken šiwma pahoin pid'aw,
nadogo šiwma pahoin pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki čikkožeŋi,
miwla nado kuin rodnoi čikko,

ükši paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošiilla šnawvuttaw".

it'kōw muččoŋe meččäziššä,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt'tel'ōw.
piäd'ūw vel'l'i tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova čikko,
ken šiwma pahoin pid'āw,
šulahaŋego šiwma pahoin pid'āw?“.
„arvait, arvait, kukki vel'l'ižefi,

t'āmā miwma pahoin pid'āw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošalla šnawvuttaw...“.

(mid'äto on, da unahiin).

№ 13

Плачет молодуха во лесочке,
во бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время отец приходит,
за дверями находится,
за стеной стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная дочь,
кто с тобою плохо обходится?
Свекор ли с тобою плохо обходится?».
«Не угадал, не угадал, милый тятенька.
У меня свекор, словно родной отец.
Один злодей тиранит,
длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,
по бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время мать приходит,
за дверями находится,
за стеною стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная дочь,
кто с тобою плохо обходится,

свекровь ли тебя обижает?».

«Не угадала, не угадала, родная маменька.

Свекровь у меня, словно родная мать.

Один злодей тиранит.

длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,

во бору раздается ее голос,

на лугах ее голос звенит.

В это время сестра приходит,

за дверями находится,

за стеной стоит.

«Что плачешь, Анна, единственная сестра,

кто с тобою плохо обходится?

Золовка ли с тобою плохо обходится?».

«Не угадала, не угадала, родная сестреночка.

Золовка у меня, словно родная сестра.

Один злодей меня тиранит,

длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,

во бору раздается ее голос,

на лугах ее голос звенит.

В это время брат приходит,

за дверями находится,

за стеною стоит.

«Что плачешь, Анна, единственная сестра,

кто с тобою плохо обходится,

муж ли с тобою плохо обходится?».

«Угадал, угадал, милый братец.

Он со мною плохо обходится,

длинными прутьями стегает,
кожаной плеткой хлещет...».

(Что-то еще есть, да забыла).

№ 14

jäin mie muamošta kakšivuod'ine. pid'i kažvua miwla muačihaŋken. muačiha milma obiid'i, obiid'i. a vsotaki kažvoin mie muamoŋken, kažvoin do dvatsat'i... kahtehkümmeneh vuodeh šuaten mie muamoŋken kažvoin. šiil'd'a läksiin mie mieheŋlä. milma obiid'ittih, konž mie oliin pieñi.

milma, konž mie oliin pikkarañe, dvuhgodowvoi, milma tahot'ih šuattua meččäh. muamo šanow: „šyata meččäh, en rubie eŋmäh, kuñi et häñd'a šyata meččäh!“. muačiha, nu da, mama, šorowno, muačiha šanow, što „en rubie eŋmäh, uijin pols!“.

tuatto viikon hlopotal'sa, što „en šyata, en šyata, hiäŋgo meid'a obiid'iw, kakšivuod'ine?“. no šože soglaššiečih šuattamah. hebožen vallašt'i, tuli — mie maguan pošt'elilla.

„a kunne, šanow, häñen müö, t'ämän muožen pieñen, šuatamma, šanow. — hiäŋgo meid'a obiid'iw? vet müö puwtumma molen, šanow, kun šuatamma häñen meččäh!“ — „a šanomma, što t'er'pigoraaš a gošt'išša on, dai, a šiid'a hot'...“. — „a t'erpigoroine tuliah, šanotah, miššiä on iro?“. — „emmä t'ijä, t'eilä läksi, a kunne hävil?“ — „mäñiel... en šyata, en šyata meččäh!“.

nu t'ämän kerran mie jäin, meččäh ei šuatettu. mie kažvoin... jo ka kažvoin, aiviin käin pod'onšinoih. pod'onšinoih mie postojanno käin. rahvaš šuoŋiečetañ, šuoŋivot hüvät, a miwla šuoŋivuo ewle. miwla karuzet šuoŋivot. t'äd'it annetah, da t'äd'ien šuoŋivoloišša kävelen. rahvaš karratañ, i veššelät, udalat, a mie kuin rowno šulgiel't'u, rannašša. a gulaija šorowno himottaw: šomuš ewle üksä, a nuoruš kaikilla on üksä! kaikilla himottaw gulaimah, ka niin mie nuoruon aijan, ka kojokak i provod'iin.

šiid' mie mäñiin mieheŋlä. mieheŋlä mäñiin. mieheŋlä miwla oŋi kakšitoista heŋgie pereh. jo konž šiih šua müö elimmä, lieñi šeš-natsat', kuwžtoista heŋgie pereh, eroimma rannalla, rubeimma eŋmäh, oma polosta... ni mid'a meilä ewle, kaikkie pid'aw oštua, naž'vie, kojokak i eŋawvüimmä, lapšet kažvettih, kažvattin. rubeimma eŋmäh ničevo.

⁸ Каб. зв. — кабинет звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Осталась я от матери двухлетняя. Мне надо было расти с мачехой. Мачеха меня обижала, обижала. А все-таки я росла, с матерью, росла до двадцати [*«до двадцати»* говорит по-русски, пауза, по-карельски] годов я росла с матерью. Потом я вышла замуж. Меня обижали, когда я была маленькая.

Меня, когда я была маленькая, двухгодовалая, меня хотели отвезти в лес. Мать говорит [отцу]: «Отвези в лес, не буду жить, пока [ее] не отвезешь в лес!». Мачеха, ну да мама, все равно, мачеха говорит, что «не буду жить, уйду».

Отец долго отговаривался ('хлопотал'), что «не отвезу, не отвезу: она ли нас обижает, двухлетняя?». Но все же согласился отвезти. Запряг лошадь, пришел — я сплю на постели.

«А куда, говорит, ее мы, такую маленькую, отвезем, говорит. Она ли нас обижает? Ведь мы попадемся оба, — говорит, — если отвезем ее в лес!». — «А скажем, что в гостях в Терпигоре, да и, а потом хоть...». — «А терпигоровские придут, скажут, где Ирина?». — «Не знаем, к вам пошла, а куда потерялась?». — «Поди-ка!.. не отвезу, не отвезу в лес [дочку]! — [говорит отец].

Ну, на этот раз я осталась, в лес не отвезли. Я росла... Вот уже и выросла. Постоянно я ходила на поденщину. На поденщину (*в ориг. мн. ч.*) я постоянно ходила. Народ одевается (одеваются'), наряды хорошие, а у меня нарядов нет. У меня худенькие наряды. Тёти дают — да и хожу в тётиных нарядах. Народ пляшет ('пляшут'), и веселые, ловкие, а я ровно оплеванная, в сторонке. А гулять все равно хочется: красота не [у всех] одна, а молодость у всех одна! Всем хочется гулять. Вот я так молодое время, вот кое-как провела.

Потом я вышла замуж. Замуж вышла. Замужем у меня была семья двенадцать человек. Потом семья прибавилась до шестнадцати человек ('уже когда дожили до сех пор'), семья стала шестнадцать [*«шестнадцать»* говорит по-русски, пауза, по-карельски], и мы отделились на край [деревни]. Стали жить, своя полоса [стала]... Ничего у нас нет, все надо покупать, наживать. Кое-как начали жить. Дети [потом] выросли, [я] вырастила. Стали жить ничего.

Смирнова Варвара Лукьяновна, 70 лет, дер. Верхнее Вёсьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 96).

riw-raw, reboženi,
kiven-kannon poigaz'eñi
kivellä kirguw,
rannalla rawguw:

„anna, pappi, t'ut'ärd'ä!“.
„mid'ä šiwla ruaduo?“.
„pudruo keit't'ia
stolan alla peit't'ia“.

libo:

„anna, pappi, t'ut'ärd'ä!“.
„muštaba on“.
„kežäveži pežow,
muilaŋe muiččow,
ragehut raiččow,
rahkamaido ražendaw,
rieškamaido majendaw“.

(kaikki, t'ämä on luhut).

№ 15

Рив, рав, лисынька,
обитатель леса ('сыночек камня-пня'),
на камне кричит,
на берегу брешет:

«Отдай, поп, дочь!».
«На что она тебе ('что тебе делать')?».
«Кашу варить,
[да] под стол прятать».

Или:

«Отдай, поп, дочь свою!».
«Да грязная ('черная') она».
«Летняя вода отмое,
Мыло вымоет ('муйчов'),
Град вычистит ('райчов'),
Молоко с творогом сделает [ее] сочной,
Свежее молоко сделает [ее] сладкой».

(Все, это короткая).

№ 16

el'et't'ih briha da mjami. briha ol'i owšo bohatta i hänel'l'äh ol'i kuldañe kol'čañe. i kaikilla ol'i zävisno, što himott' šezen brihan tagjah miehel'l'ä.

ukši naiñe ol'i boikoi, hänel'l'äh ol'i t'ut'är, t'ut'är ol'i ei važnoi. hiän ott' t'ut't'ärel'd'äh vešt'i šormen i mäni šezil'l'üöh brihalluoh, i ott' kol'čažen briha, panettel'i: t'ut'öl'l'ä vokurat podoid'i. i män-d'ih svjataimah. šeze ott', briha, miehel'l'ä hänen. l'äht'eih kirjuttjačemah. sušiedalla ol'i owšo zävisno, što hänen t'ut'är puwttu miehel'l'ä. kuñi hüö kirjuttjačettih [ajettih kirjuttjačemah], hiän aivis jäl'l'ešt'i hüppäi. šiid'ä šeižattu randah i ravizow. sviadi'ba viijit't'ih, hiän ravizow:

„vešto-kät't'ä, vešto-jalgja otett'ih!“.

svjad'iba piet'et't'ih heboz'en i kačahett'ih, mid'ä on t'ut'öl'l'ä. kun kačahett'ih — hänel'l'ä t'äwži alañe verd'ä. briha i dogad'ieci, što puwttu muččo paha.

№ 16

Жили парень и мать. Парень был очень богат, и у него было золотое колечко. И всем было завидно, потому что хотелось выйти замуж за того парня.

Одна женщина была бойкая. У нее была дочь. Дочь была неважная. Она взяла у своей дочери обтесала палец и пошла [с дочерью] к этому парню. И парень взял колечко, примерил: девушке как раз подошло. И пошли сватать. Тот, парень, взял ее замуж. Пошли записываться. Соседке было очень завидно, что ее [той женщины] дочь попала замуж. Пока они записывались [ехали записываться], она все время следом за ними бежала. Потом стала в сторонке и кричит. Свадьба едет, а она кричит:

«С обтесанной рукой, с обтесанной ногой взяли [они]!».

Свадьба остановила (в orig. мн. ч.) лошадь и посмотрели, что у девушки. Как посмотрели — у нее полная рукавица крови. Парень и догадался, что попалась жена плохая.

№ 17

e/et't'ih ukko da akka. zahot't'ieči akalla l'ihja. ukolla i šanow:
„ukko, miwla himottaw l'ihja!“. ukko šanow: „mišt'ä miwla ottja?“.
akka šanow: „ota mišt'ä kaččuosi!“.

ukko l'äksi meččäh. puwttu hänel'l'ä vaštah hukka. (hänel'l'äh
ol'i keralla kirves). hiän ottj l'eikkai jallan, toi jallan. keitt'ih
villat, šnimit't'ih nahkan, a l'ihat pandih keitt'umäh.

hukalla jalga kivist'i. hiän l'äksi eččimäh, ken ottj. tul'i kul'äh.
ühesä akašša tul'i. hukka rubei ikkunan alla ravizemah: „miwn
l'ihja keitt'at't'ä, miwn villja kežfiät't'ä, miwn nahkalla issuttal
o-ooi, o-ooi!“.

l'äksi hüppiämäh.

№ 17

Жили старик и старуха. Захотелось старухе мяса. Старик и
говорит: «Старик, мне хочется мяса!». Старик говорит: «Откуда
мне взять?». Старуха говорит: «Бери откуда хочешь ('где уви-
дишь')».

Старик пошел в лес. Попался ему навстречу волк. (У него [ста-
рика] был с собой топор). Он взял отрубил у волка ногу. Остригли
шерсть, сняли шкуру, а мясо поставили вариться.

У волка нога болит. Он пошел искать, кто взял [ногу]. Пришел
в деревню. У одной старухи огонь. Волк стал у окна кричать:
«Мое мясо варите, мою шерсть прядете, на моей шкуре сидите!
О-ой, о-ой!».

Побежал.

Солдатенкова Мария Яковлевна (čimin maša), 58 лет, дер. Пет-
ряево (petrjava) Краснохолмского района. Записал Ф. А. Федоров,
1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 300—301).

№ 18

e/et't'ih ukko da akka. akalla rubei himottamah vefest'ä l'ihja.
akka ukolla i šanow: „ukko, mäne meččäh, tuo l'ihja vefest'ä“.
ukko ottj kirvehen, l'äksi meččäh.

aštuw dorogja müöt'en, randah kačahtaw, toizeh kačahtaw.
kondielda jallan i l'eikkai. tul'i kod'ih kondien feijeŋke. ukko i ša-
now: „na, keitt'ä!“.

akka l'ämmit'ti kiwgjan, l'ihat keit't'ümäh pañi. nahkan perzien jalla — i villja kezfiämäh. istuw i kezfiäw.

kondie havačču. „oi, kivišt'aw, kivišt'aw!“. i l'äksi rammaten kül'äh: „kaikki jovet miatah, kaikki kül'ät miatah, uheššä ukošša i akašša tulella, miwn l'ihia keit'et'äh, miwn nahkalla iššutah, miwn villja kezfat'äh. hum-ham, süön!“.

a ukolla mid'ä riadja? ukko — akan kessel'ih i riputti vefiän piäl'l'ä. ukko kiwgjalla. kondie rubei tulemah peřt'ih. vefiän avai — akka keššel'inke i laŋgei. kondie pöll'äst'ü i pageñi.

akka da ukko istuočettih da vain l'ihja šuwväh. kondie jallat-tai jäi.

№ 18

Жили старик да старуха. Старухе захотелось свежего мяса. Старуха и говорит старику: «Старик, поди в лес, принеси мяса свежего». Старик взял топор, отправился в лес.

Идет по дороге, в сторону посмотрит, в другую посмотрит. У медведя ногу и отрезал. Пришел домой с медвежьей ляжкой. Старик и говорит: «На, свари!».

Старуха ватопила печь, мясо поставила вариться. Шкуру под себя — и стала прясть шерсть. Сидит и прядет.

Медведь проснулся. «Ой, больно, больно!». И пошел, хромая, в деревню: «Все реки спят, все деревни спят, у одного старика и старухи сидят с огнем, мое мясо едят, на моей шкуре сидят, мою шерсть прядут. Хум-хам, съем!».

А старику что делать? Старик старуху в кошель и повесил над дверью. Старик на печку. Медведь стал ломиться в избу, дверь открыл. Старуха с кошелем и упала. Медведь испугался и убежал.

Старик да старуха сели да только мясо кушают. Медведь без ноги и остался.

Низовцев Петр Иванович, 68 лет, дер. Волхово Молоковского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл 204—205).

№ 19

iel'l'ä kafielažiissa kül'iissä ol'i ad'ivoñed'el'i. ad'ivoñed'el'i ol'i pühänkeššessä muas'l'enčah šuaten. t'ämä ad'ivoñed'el'i ol'i ei uht'eh aigah, a eižimöit uheššä kül'ässa, toizella ned'el'il'l'ä — toizešša, kolmannella ned'el'il'l'ä kolmannešša kül'ässa.

kül'äh kučuttih rod'nua, enämmit'en t'üt't'üö. ješ'li sluavalla kül'ä, vessel'ä — i niin tullah t'üt'öt, ässen omaŋke i l'eiväŋke tullah kučcumatta, värčizeššä l'eivät i sruada. keh niibuť tuttavah pürgiw i laškietah muwttuacemah. t'äššä tullah t'üt'öt hüväsšä srua-

dašša. nu ka t'amān tokkua tullah i brihat, i ka šiid'ä bñihat ad'i-
voñed/el'il'l'ä val'itah iččiel'l'ä muččoloida i hüvie t'ut't'öl'öid'ä.
t'amān jāl'geh koziččemah ruvetah, ken keh miel'd'uw. toizella
ad'ivoñed/el'il'l'ä nuofil'ista l'äht'öw toizeh kul'äh. šuoñiel'iečettih
kondjekši, hebozekši, čuwd'ittih. vahnat käwd'ih kaččomah, jogohiñe
muamo — omua t'ut'ärd'ä, žeñihua [kaččo].

№ 19

Раньше в карельских деревнях отмечали ('была') неделю го-
стей [«адьво⁹-недели»]. Неделя гостей была в мясоед [и отмечали
ее] до самой масленицы. Эта неделя гостей была не во всех дерев-
нях в одно время, а сначала в одной деревне, на другой неделе —
в другой, на третьей неделе — в третьей деревне.

В деревню приглашали родню, большей частью девушек. Если
деревня славилась, [была] веселая, девушки и так приходят, даже
со своим хлебом придут, без приглашения, в мешочке хлеб и на-
ряды [приносят]. К кому-нибудь знакомому просится [девушка], и
пускают переодеться. Сюда ('здесь') девушки приходят нарядные
(в хорошем наряде). Ну вот, из-за этого приходят сюда и парни.
И вот здесь парни на неделе, когда гостятся девушки ('на адьво-
неделе') выбирают себе невест и хороших девушек. После этого
[парни] сватать начинают, кто понравится. На второй «адьво-не-
деле» молодежь пойдет в другую деревню. Рядились в медведей,
в лошадей, «чудили». Старые ходили смотреть, каждая мать —
свою дочь, жениха [смотрела].

Низовцев Петр Иванович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ,
ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 206—208).

№ 20

miän volhova kul'ä on tuodu volhovald a jovelda. t'äh näh
pagiziimma tuatonke ruaduaišša. hiän žežo kuw'li end'izist'ä ukko-
loista. miwn tuattuo kučuttih vaña ol'eks'inpoiga. hiän el'i
šeiččimenkümmeñd'ä nel'l'ä vuotta, viijeñnel'l'ä vuuvvella hiän
kuol'i. d'ieduo, tuatontuattuo, kučuttih ol'eks'ei karpanpoiga.
hiän el'i kaheksänkümmeñd'ä kaksi vuotta. ol'eks'ei šun'd'u t'äl'l'ä
že šijua, volhovalla. d'iedon tuattuo kučuttih karpa garaš-
kenpoiga. hiän šun'd'u t'äl'l'ä že šijua, volhovalla. a iel'leh,
ket oldih tuatot — en voi t'ied'ia. nämä ukot oldih t'ervehet, rua-
dua mahettih...

⁹ Адьво — женщина, обычно девушка, находящаяся у родных в гостях
в течение одной-двух недель в зимнее время (карельский обычай).

Наша деревня Волхово переселена ('привезена') с берегов реки Волхова. Об этом говорили с отцом на работе. Он тоже [об этом] слышал от старых ('прежних') стариков. Моего отца звали Иван Алексеевич. Он прожил 74 года, на [семьдесят] пятом году он помер. Деда, отца [моего] отца, звали Алексей Карпович. Он прожил восемьдесят два года. Алексей родился на этом месте, в Волхове. Отца [моего] деда звали Карп Герасимович. Он родился на этом же месте, в Волхове. А дальше, кто были предки ('отцы'), я не знаю ('не могу знать'). Эти старики были здоровые, работать умели...

Низовцев Петр Иванович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, л. 213).

№ 21. volhovalla ollah karielazet nimet

1. ol'ga; 2. pedri; 3. nasto; 4. kat'ti; 5. d'eño; 6. okul'i; 7. duña; 8. vaška; 9. daño; 10. niikko; 11. sañka; 12. jogora; 13. taña; 14. sergo; 15. matro; 16. owd'ei; 17. jehimä; 18. mafi; 19. fil'ka; 20. ondreï; 21. onišsa; 22. añni; 23. miikula; 24. t'imo; 25. feta; 26. ol'eksandra; 27. kona; 28. mikoi; 29. st'opka; 30. šekl'i; 31. vaña; 32. paša; 33. pawlo; 34. okši; 35. oška; 36. t'ihana; 37. marfa; 38. johora; 39. l'izaveta; 40. onto; 41. mawra; 42. nad'o; 43. st'epa; 44. riigo; 45. owd'i; 46. homina; 47. juakko; 48. filatke; 49. mikki; 50. opo; 51. pet'u; 52. gruša; 53. saša; 54. ušt'i; 55. paro; 56. hodafi; 57. pänt'ö; 58. dañila; 59. oprošši; 60. midro; 61. matrona; 62. moša; 63. okši; 64. maša; 65. makara; 66. ofimjan; 67. ol'ekši; 68. ul'i; 69. d'emida; 70. vařuška; 71. mat'ti.

№ 21. Карельские имена собственные на Волхове

1. Ольга; 2. Петр; 3. Анастасия; 4. Екатерина; 5. Денис; 6. Акулина; 7. Евдокия; 8. Василий; 9. Дарья; 10. Никифор; 11. Александр; 12. Егор; 13. Татьяна; 14. Сергей; 15. Матрена; 16. Авдей; 17. Ефим; 18. Мария; 19. Филипп; 20. Андрей; 21. Анисья; 22. Анна; 23. Николай; 24. Тимофей; 25. Фета; 26. Александр; 27. Конон; 28. Николай; 29. Степан; 30. Секла; 31. Варвара; 32. Парасковья; 33. Павел; 34. Аксиныя; 35. Осип; 36. Тихон; 37. Марфа; 38. Ерофей; 39. Елизавета; 40. Антон; 41. Мавра; 42. Надежда; 43. Степанида; 44. Григорий; 45. Евдокия; 46. Фома; 47. Яков; 48. Филат; 49. Никифор; 50. Апро-

синья; 51. Петр; 52. Аграфена; 53. Александра; 54. Устинья;
55. Парасковья; 56. Федор; 57. Пантелей; 58. Данил; 59. Апро-
синья; 60. Дмитрий; 61. Матрена; 62. Моисей; 63. Аксинья;
64. Мария; 65. Макар; 66. Офимьян; 67. Алексей; 68. Ульяна;
69. Демид; 70. Варвара; 71. Матвей.

Жукова Варвара Алексеевна (ol'eks'in varvo), 70 лет, дер. Косля-
чиха Сандовского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1,
оп. 19, ед. хр. 49, лл. 342—343).

№ 22

— tuwfin-tawfin, rebozen,
miššä el'iit kežäzen?
— taivahlissa t'äd'izliššä.
— mid'ä šiel'ä ruavoit?
— kümmeid'ä lašta kačoin.
— kuin šiwn lapšie kučuttih?
— üks! — ka t't'i,
— toine — ma t't'i,
kolmaš — korvan kolkuttaja,
nel'l'äš — neido pual'ikkahe,
viijješ — l'il'l'i-harakkahe,
kuwveš — kut't'i kārbahe,
šeiččimeš — šepmä t'e ppo,
kaheksaš — kaidaparda,
tšheksäš — kul'l'in-mül'l'in,
kümменеš — kul'an vahnembi.

№ 22

— Туврин-таврин, лисынька,
где ты прожила лето ('летечко')?
— На небесах у тетушек.
— Что там делала?
— Десятерых детей нянчила ('смотрела').
— Как твоих детей зовут?
— Одна — Катти [Екатерина],
второй — Матти [Матвей],
третий — Ухо колотящий,
четвертая — Девица-палочка,
пятая — Лилли-сорока,
шестая — Кутти-муха,

седьмой — кузнец Тепло [Степан],
восьмой — Узкобородый,
девятый — Кюллин-мюллин,
десятый — Старший в деревне.

Утюгин Ефим Васильевич, 79 лет, дер. Батиха Сандовского района.
Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 333—335).

№ 23

enžišt'äh ajelemma t'üt'öl'l'üöh bešowdah. t'üt'öt kezrät'äh laŋ-gua, a müö, brihat, istuočemma t'üt't'öiöi'l'ä rewnah. jogohine oman t'üt'ön ottaw, rubiew pagizemah. illalla issumma čuasuo kakši. lawletah virt'ä.

kuin kožita t'üt't'üö, l'äht'öwgo mučokši, küžut'äh. a hiän ei l'ähe, niin enämbie el'ä tule. a kuin l'äht'öw, to viel'ä kuččuw, andaw min pi veššoista: käžipaikan, fatan. briha ottaw. t'üt't'ö kuččuw toižičči bešowdah. hiän kuñi küžuw tuatolda da muamolda. da.

toisildana männäh brihat. ka i silloin i paissah, l'äht'öwgo. t'üt't'ö kuččuw tulla tuatorke heil'ä svuattoloiksi brihan omie. tuatto i muamo, vell'et l'äht'iet'äh, konža ket, ked'ä on.

männäh t'üt'ön kod'ih. ka šiel'ä i tolkuiah. brihan tuatto küžumäh rubiew t'üt'ön tuatolda da muamolda; „ka müö tul'iimma t'eil'ä. on t'eil'ä t'üt't'ö, meilä miel'duw, a meil'ä on briha. eigo voi üht'üö?“.

t'üt'ön tuatto da muamo annetah jo šiel'ä t'üt't'üö. t'üt't'ö l'äht'öw. tuatot i šanotah: „rubiemma jumalalla šil'mie rist'imäh“.

šil'mät riššit't'ih, istuočetah stolan taguah. šulahane neičüörke rewnah istuočow. omahizet žežo istuočetah. ruvetah juottamah, šüöt'ämäh. šiid'ä paissah, kuna piäna svuad'ibua kizuamah ruvetah. ka brihan tuatto i šanow: „hoť ned'el'iksi jät'ämmä, kuñi varušta'iečen, svuad'ibah varoin olutta keit't'ia, huoldua pid'aw kaikkie“.

neičüöst'ä päin šanotah brihalla: „ka tulet kolmen päivän jäl'geh tied'el'emäh neičütt'ä“.

neičüönomat varustuacetah. briha i ajelow šinne tied'el'emäh. ned'el'in päivät t'ial'ä varustuacetah.

kučutah neičütt'ä vencalla kirikköh. n'eicüön tuatto i muamo vencalla ei ajella, a omahizet vain. t'ial'd'ä päin žežo brihan omat l'äht'iet'äh hebožilla kirikköh. tuatot ei ajella.

brihalla i t'üt'öl'l'ä on seizatettu näre, šomennettu kojın kohašša. jäl'geh vencua tullah šulahazeh. i neičüst'ä päin tullah t'üt'ön elo-

loiŋke omahizet. tuatto i muamo ei tulla. kizatah svuad'bua šulahazešša. piruijah, karratah i lawletah viržil'öid'ä i kaikkie ruatah. ollah šulahazen talosša üön, a huomneksella juolletah i l'äht'iet'äh kod'iloih. neičüt jiäw šulahazešša.

jäl'geh t'äd'ä t'üt'ön omat kučutah niin že gošt'ih. šinne l'äh-t'iet'äh i tuatot monella hebozella. šiel'ä gul'aijah suwtkat, muatah. toispiänä gošt'at l'äht'iet'äh kod'ih, a nuoret vähäzekši jähäh t'üt-t'öh, a jäl'geh tullah tuaš šulahazeh i ruvetah el'amäh.

№ 23

Сначала ездим к девушке на беседу. Девушки прядут пряжу, а мы, парни, садимся рядом с девушками. Каждый выберет свою девушку, начинает говорить [с ней]. Вечером сидим часа два. Поем ('поют') песни.

Как сосватать девушку, пойдет ли замуж, спрашивают. А если она не пойдет, то [парень] больше не приходи. А если пойдет, то еще пригласит, даст [задаток], что-либо из вещей: полотенце или шаль. Парень берет [это]. Девушку приглашает еще на беседу, когда она спросит [о разрешении выйти замуж] у отца да матери. Да.

На второй вечер идут гулять [парни]. Так вот тогда и договорятся, пойдет ли она замуж. Девушка просит прийти сватать с отцом и другими знакомыми парня. Отец и мать, братья отправляются сватать вместе с теми, кто у него [на этот раз] окажется.

Придут в дом девушки. Вот там и толкуют. Отец жениха начинает спрашивать у отца да у матери невесты: «Вот мы пришли к вам. У вас есть дочь ('девушка'), она нам нравится, а у нас есть сын ('парень'). Нельзя ли нам сродниться ('объединиться')».

Девушкин отец и мать согласятся там выдать. Девушка пойдет замуж. Отцы и говорят: «Давайте покрестимся [помолимся] богу».

Покрестились, садятся за стол. Жених рядом с девушкой садится. Родня тоже садится [за стол]. Начинают угощать ('поить, кормить'). Потом договарываются, в какой день будут играть свадьбу. Вот отец парня и говорит: «Хоть на неделю отложим, пока приготовлюсь, к свадьбе надо пиво наварить, всего надо приготовить».

Родственники ('со стороны') девушки скажут парню: «Вот придешь через три дня навестить невесту».

Родня со стороны невесты готовится [к свадьбе]. Парень ездит туда навещать [невесту]. С неделю здесь готовятся к свадьбе.

Пригласят невесту венчаться в церковь. Отец девушки и мать в церковь ('на венчанье') не едут, а едут только родственники. Из дома жениха ('отсюда') родственники [и сам жених] также на лошадях отправляются в церковь. Родители ('отцы') тоже не едут.

Парень и девушка устанавливают украшенную елку около дома. После венца придут к жениху. И со стороны девушки придут

родственники с приданым. Отец и мать девушки не едут [к жениху]. Свадьбу играют у жениха: пляшут и поют песни, все делают. Пробудут в доме жениха ночь, а утром немножко выпьют и отправляются по домам. Невеста остается у жениха.

После этого родственники девушки тоже приглашают в гости. К ним поедут и родители ('отцы') на нескольких лошадях. Там гуляют сутки, переночуют. На второй день гости отправятся домой, а молодые на недолго остаются у родителей девушки, а после приедут в дом мужа ('жениха') и начнут жить.

Румицова Екатерина Ивановна, 83 года, дер. Свищево Лесного района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. яз., запись № 32/2).

№ 24

ošindala, ošindala,
ošindala pikkarane šoržane,
ošindala pikkarane šoržane.

kuimbi miwla, kuimbi miwla,
kuimbi miwla t'ämä šorža tavottua,
kuimbi miwla t'ämä šorža tavottua.

ščiplin šullat, ščiplin šullat,
ščiplin šullat šiliellä pellolla,
ščiplin šullat šiliellä pellolla.

vuodaw vefi, vuodaw vefi,
vuodaw vefi zelenalla logalla.
vuodaw vefi zelenalla logalla.

№ 24

Осиндала,¹⁰ осиндала,
осиндала маленькая уточка,
осиндала маленькая уточка.

Как бы мне, как бы мне,
как бы мне эту утку поймать,
как бы мне эту утку поймать.

¹⁰ Звукосочетание «осиндала» в современном карельском языке ничего не обозначает, это может быть видоизмененное карельское слово uiksendel'i 'плавала' или же переделанное русское слово «садилась», «восседала».

Выщиплю перья, выщиплю перья,
выщиплю перья на ровном поле,
выщиплю перья на ровном поле.

Льется кровь, льется кровь,
льется кровь на зеленом лугу,
льется кровь на зеленом лугу.

Сиверцов Егор Федорович (šivercovan jehora), 65 лет, дер.
Кострецы (h u a b r' i k k a) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров,
1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, л. 1).

№ 25

mužikka läksi meččäh. pelloilla hänen kurret tavotettih i otet-
tj i uläh i nošsettj. nošsettj — i ei šua heiläh häneŋke leñd'ia.
ka hänen i hullatt'ih. mužikka laŋgei kohaldj šuoh i uppoi, vain
piä i nägüw. piäššä ni kuin ei šua. ka hiän ottj da kävü zuastu-
pan toi, kaivo muan i piäzi.

№ 25

Мужик пошел в лес. На поле догнали его журавли и взяли и
наверх подняли. Подняли — и они с ним не могут лететь. Вот его
и оставили. Мужик упал прямо в болото и утонул, только голова
и видна. Выбраться никак не может. Вот он взял да сходил за
заступом, отрыл землю и выбрался.

Сиверцов Егор Федорович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ,
ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, л. 3).

№ 26

a enñen oli ribinskaja vološt', šelo kostretskeje za-
ručje, a kafielaški šanottih h u a b r' i k k a: ken šano h u a b r' i k k a,
ken i kosrečakši šano, nuoret. miän kušästä da i maškešta,
ferožnašta, kruasuhalda, bikowhkalda ollah s'ibe-
fih uid'innuot. enžimäne part'ei läksi tuhatta üheksän šadua kakši-

toistaš vuwvella. iče läht'eih, ei ni ken šinnē suattan. jo vähä on elošša, ukot kuoldih. vielä on üksī ukko elošša, miwn troirodnoi vellī, kaheksänkümmeñd'ä vuotta, i naizeh elošša on. miñka-ziilla t'üönd'äw kirjua. eļāw ipatskoi solāšša jeñiseiskoida oblast'ie, iellā olī gubefnā.

№ 26

А раньше была Рыбинская волость, село Кострецкое Заручье. А по-карельски называли «Хуабрикка»: кто называл «Хуабрикка», а кто и «Кострецами» называли, молодые. Из нашей деревни да из Малькова, Ферёжни, Красухи, Быковки уехали в Сибирь. Первая партия отправилась в 1912 году, сами поехали, никто их туда не посылал. Уже мало в живых, старики умерли. Еще один старик жив, мой троюродной брат, восьмидесяти лет, и жена его жива. Миньке ('Минькам') шлёт письма. Живет в селе Ипатское Енисейской области, раньше была губерния.

Суворова Василий Николаевич (mikolan vaša), 61 год, дер. Воздвиженье (svilžeñie) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 52—53).

№ 27

sviizeñie on, šanotah, stuaro in tagada [tuodu]. enzimäzet eļājät tuldiñ siel'dä vuotta kolme šadua. hūö šinnē jät'et't'ih muan, ei ruven l'eibā kažvamah. tuahta že ennen ei pandu, i tuldiñ uwvella mestalla...

miän kül'ä baršinalla ei ruadannun, a karielan kül'ät bormina, pessogora ruattih baršinalla puolet kül'ie, a toizet puolet ud/el'sinalla. hormat ei el'et't'ü näissä kül'iissä, vain karielat oldih. ud/el'sinalla el'et't'ih karielat paremmiin, bajafi ei niin obiid'in, a baršinalla el'et't'ih ul'en pahoin, kewhāl'd'i, pid'i vešma pahoin bajafi. silloin vet ka bajarsinalla ket ruattih: kolme päiviä bajafilla ruattih, a kolme päiviä icciel'l'ä. muat oldih annettu mužikoilla suamoit pahat. bajafilda küzumätt'ä ni mid'ä ei voinun ruadua, äššen ei voinun najja, ottua miehel'l'ä, ked'ä tahot. keñen bajafi käškōw, žei ota. da bajafi, kuin miel'd'ūw morziemeh, to enzimäzekši üökši ottaw icciel'l'ä kod'ih. muamo miwla šanel'i, sto näin ol'i šillon aiga. ka ol'i aiga: bajafi mid'ä kehtai, šid'ä i ruado mužikoijke.

Водвиженье, говорят, из-под Старого [переехало]. Первые жильцы оттуда прибыли лет триста [тому назад]. Они там оставили землю, [так как] не стал хлеб расти. Землю-то раньше не удобряли ('навозу-то не клали'), и пришли на новое место.

Наша деревня на барщине не работала, а карельские деревни Бормино, Пессогора работали на барщине, половина этих деревень [работала], а вторая половина входила в удельщину. Русские не проживали в этих деревнях, только карелы были. В удельщине карелы жили лучше, власти ('помещик') не так обижали, а на барщине жили очень плохо, бедно, помещик держал их очень плохо. Тогда ведь кто на барщине работал, [то] три дня на помещика работал, а три дня на себя. Крестьянам были даны самые плохие земли. Без разрешения ('спроса') помещика ничего нельзя было делать, даже нельзя было жениться, взять замуж кого хочешь. Кого помещик велит, ту и бери. Да помещик, если ему понравится невеста, то на первую ночь берет к себе домой. Мать мне рассказывала, что такой тогда был порядок ('такое было время'). Вот было время: помещик, что ему не лень было делать, то и делал с мужиками.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 53—55).

№ 28

ka miän kül'än luona on kalmizo, niin metrua kakši šadua kül'äst'ä. ni ken ukkoloista ei t'ijä, konža on šinne rahvaš kät'kiet't'ü. kuol'iet on kät'kiet't'ü madalalla, piäl'd'ä päit'en sañ'imetrua kuw-zikummeñd'ä, i piäl'l'ä on pandu vešma šuwret kivi-pl'iitat. jaku-d'iäd'ö, miän kül'äst'ä, kaivo, ečči uarrehta, niin mie iče šiiñä ol'iin brihazena. šai hawvašta luwt i šiel'ä ol'i happanomatta šargane kod'ikuvottu hattara. hiän kaivo vain jalgaluwt, uarrehta ei puwtun, i kaivannan jaku-d'iäd'ö hül'gäi. jalgaluwt oldi šuwret, pit'ät... jalgua müöt' nāgūw, što rišt'ikanža ol'i vešma šuwfi.

toine kalmizo on mečäššä, mečän alla, kül'äst'ä virštua viizi. šil'l'ä mečäl'l'ä jo on vuotta kolme šadua. šiel'd'ä ni ken ei kačcon i kaivan kalmizuo. t'amä kalmiz'o on iel'l'izen järven l'ässä. a nūt že järvi on šuona, voit kävell'ä. ni ken ei t'ijä, ket šinne on kät'kiet't'ü. t'amä kalmizo on sujet'ihan tagana, virštua kolme. ukot šanotah, što järveh on jianun veneh kaznaŋkena, iel'l'iziin rozboiñikoin. ukot ečit't'ih, no veneht'ä l'öwvet't'ü ei. miän d'iedo šanel'i, äijät ečitel'd'ih, no l'öwvet't'ü ei. t'all'ä mestalla, kül'äst'ä viršäl'ine, on bajaŋin bruwdu, i l'öwvet'ah künnet'ül'l'ä mualla

kirpiččä, no ni ken ei muisa, ken ol'i bajafi i konža el'i, niin kuin miän kul'a i sujet'iha bajaššinalla ei el'et't'u. sujet'iha on eron miän kul'äš'tä. kel'lä ol'i kirpičäšt'ä huonehuš, hiän el'i šiel'ä eñnen miän kul'ä. konža kul'a t'anne tul'i, šiel'ä taloloida i huonehukse kirpičäšt'ä ewlun, a bruwdu viel'ä ol'i hüvä. nüt bruwdu mäni šuokši. šuwfi bruwdu ol'i, üksiinpuol'iin on šada metrua, a toiziinpuol'iin šada l'izäŋke on.

künd'iaššä bruwdu kohäštä muada puwttuw kirpiččä i raw-vašt'ä reŋgin paŋgua. a kirpiččä puwttuw ruškä.

eñnen t'ial'ä kažvettih tammet, vaštä ei ammuin üksä on laŋgennun, ložehutta ol'i t'üveštä d'iametrua müöt'en metrua puol'itoista. nagolo, ket aššuttih, kazi'l'ä mittual'd'ih ümbäri ložehutta.

№ 28

Вот около нашей деревни кладбище, так метров двести от деревни. Никто из стариков не помнит (не знает), когда туда людей хоронили (народ похоронен). Покойники лежат (похоронены) не глубоко, сантиметров на шестьдесят, а сверху положены очень большие каменные плиты. Дядя Яков, из нашей деревни, искал клад, и я был тут, [когда я еще был] мальчиком. Достал из могилы кость, и там была не сгнившая домотканая шерстяная портянка. Он раскопал только кости ног, клада не оказалось, и дядя Яков бросил рыть. Кости ног были очень большие, длинные. . . По ногам было видно, что человек был очень крупный.

Второе кладбище в лесу, под лесом, от деревни верст пять. Тому лесу, наверно, уже лет триста. Там никто не смотрел и не раскапывал могил ('кладбища'). Это кладбище недалеко от бывшего озера. А теперь это озеро заросло ('уже болото'), можно ходить. Никто не знает, кто похоронен. Это кладбище за деревней Суетиха, верстах в трех. Старики говорят, что в озере осталась лодка с казной, прежних разбойников [лодка]. Старики искали, но лодки не находили. Наш дед рассказывал, многие пытались искать, но не нашли. В этом месте, от деревни с версту, имеется помещичий пруд, и на вспаханной земле находят кирпичи, но никто не помнит, кто был помещик и когда жил, так как наша деревня и Суетиха не жили на барщине. Суетиха отделилась от нашей деревни. Чей кирпичный дом ('у кого был из кирпича дом'), тот жил там до того, как наша деревня образовалась. Когда деревня сюда переселилась ('пришла'), там домов и строений из кирпича не было, а пруд еще был хороший. Теперь пруд зарос ('превратился в болото'). Большой пруд был, в одну сторону метров сто, а в другую сторону сто с лишним.

Около пруда, когда пашешь землю, попадают кирпичи и дужки от железных ведер. А кирпич попадает красный.

Раньше здесь росли дубы. Один из них только недавно свалился, в комле по диаметру толщиной метра полтора. Всегда, кто проходил мимо, руками измерял вокруг толщину.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 55--57).

№ 29

t'äl'ä, paikall'ine kar'ela šuoŋečow ei ul'en kukikkahah šuoŋivoh, l'ähizet hormat šuatah kukikašta paikkua i plat'joida. vanhah aigah karielazet piet't'ih ruškeida šobie, kumakkaz'ie i vüött'iačett'in ruškiella, a emämmäm mužikat piet't'ih kawhtanoida kod'ilažie, kumbaziissa käwd'ih kirikköh, oldih ruškiella kuššakalla vüött'iačennüt. brihat käwd'ih bešowdoh, nagolo vüött'iačett'ih ruškiella kuššakalla i piäl'l'a nagolo piet't'ih koissakuvottuo vuatieda...

eñnen l'äht'iet'äh kirikköh, kežäl'l'ä, karielane ottaw šuappuast kad'eh i aštuw kirikköh kengät't'ä, i šiel'ä, mäñd'üöh, pihalla kengiečow i šuappaida piet't'ih kümmeñiin-viiz'iintoista vuozlin, ukšie. a kuin oššetah pinžakan, stañit — i piet'äh puolen igiä. a kuin oššetah šargazen plat'jan, piet'äh kaiken t'ut'ošaijan i šši-l'ut'et'äh kun'i ei kuolla, eiñin kuh'i ei kažveta t'utt'äret. ka t'amän akuwppahuoh el'ett'ih iel'l'ine rahvaš... eñnen vešma ol'i paha šuaħa d'eŋgua.

№ 29

Здесь местные карелы ('карела') одеваются не в очень цветастые одежды, а ближние русские любят цветастый платок и платья. В прежнее время карелы носили красные рубашки, кумачевые, и подпоясывались красным кушаком, а мужчины носили кафтаны домотканые, в которых ходили в церковь, были красными кушаками подпоясаны. Парни ходили на беседу и всегда подпоясывались красными кушаками и одевали всегда домотканую одежду...

Раньше пойдет в церковь летом карел: берет сапоги в руки и шагает в церковь босиком: когда дойдет, на улице и обуется. И одни сапоги носили по десять-пятнадцать лет. А как купят пиджак, штаны — и носят в течение полжизни. А если купят шерстяное платье, носят его всю девичью пору и хранят, пока не умирают или пока не вырастут дочери. Вот как скупой жил прежний народ... Раньше было очень трудно зарабатывать деньги.

№ 30

enñen karielazet bohatat kewhästä ni konza ei naidu, muamo da tuatto ei annettu ottua. muamo da tuatto ked'ä käskeih mieh'l'ä ottua, žen vain poigai otti. niinze i t'ut'ot muamotta da tuatotta mieh'l'ä ruohittu männä ei. a kuin mänd'ih omalla väl'l'al'l'ä, to tuatto t'ut'ärd'ä kisko i toi kod'ih. a kuin poiga toi t'ut'ön käškömät't'ä, to tuatto ajo pois.

naimah l'äht'ieššä keräwvut'äh kaikkiin rodu i val'l'itah, keh männä suattoloiksi, mut'uš šiel'ä on rodu t'ut'öst'ä päin, kuin hüö el'et'äh, ollahgo ruadajat al'i laisat. kaikkiel'da päin kaiken t'ut'ön rovun kačotah. šilloin vain svuattoloiksi l'äht'iet'äh.

№ 30

Раньше карельские богачи никогда не женились на бедных, мать и отец не давали брать. Мать да отец кого велели брать замуж, сын ту только и брал. Также и девушки без совета матери да отца не смели выходить замуж, а если выходили по своей воле, то отец отбирал силой дочь и привозил домой. А если сын приводил девушку без разрешения, то отец выгонял прочь.

Прежде чем отправиться жениться, соберется вся родня и выбирают, к кому идти свататься, какая там родня со стороны девушки, как они живут, работающие или ленивые. Со всех сторон, всю девушку родню обсудят ('смотрят'). Только тогда ехали сватать.

№ 31

enñen karieläššä issuttih päriel'l'ä, karäšinua poltettih vešma vähän.

tukkie piet't'ih mužikat pit'kie i brihat unnäh niinze ei l'ühen-net't'ü. pardoida piet't'ih pit'kie, nabah šua. kel'l'ä ol'i pit'kä parda, hüvä, šagie, že hüvä kül'ämies. tukkie l'ühennet't'ih vain kruwgazellah tažanazeh, vain vähäzel'd'i niška näg'uw, šobie piet't'ih pit'kie, vähäzet't'ä polveh šua. šobie vüöt'et't'ih vüöl'l'ä. vüöt't'ä

ei annettu kävel'l'ä. a jalloissa niinis't'ä i tuohist'a luapot't'ie piet't'ih, a aigah i raijašt'a, konža on kuiva.

šuappaida piet't'ih harvah, riššit't'ä ni mužikat, ni naizet kävel'dü ei.

№ 31

Раньше у карел сидели с лучиной, керосину жгли очень мало.

Мужики носили длинные волосы, и парни точно так же, не стриглись. Носили длинные бороды, до пояса ('до пупа'). У кого была длинная борода, хорошая, густая, тот был и хороший селянин. Волосы стригли только кружочком, ровно, чуть шея была видна. Рубашки носили длинные, чуть не до колена. Рубашку подпоясывали поясом. Без пояса не давали ходить. А на ноги обували лыковые или берестяные лапти, а иногда и ивовые, когда было сухо.

Сапоги носили редко. Без креста ни мужики, ни женщины не ходили.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 58—59).

№ 32

duwhana šivotah kakši koivupuwhutta ladvaziista vaššakkeh. kuin lavvat, puwt, ei kuiveta, niin fišt'ikanža rubiew kaiken t'ämän vuwven el'ämäh. puwhuzie käwväh kaččomah. a kuin koivuzet kuivetah, niin fis't'ikanža kuolow. duwhana pruažniekka on sroičasta toispiänä.

viel'ä gadaijah rostuon mänd'üöh vieristäh suaten. käwväh žirkaloloih kaččomah kü'üh: ken moržienda kaččomah, ken šula- hašt'ä, ken ožuttuačow. dorogoilla käwväh, tiešuarioilla kuwndelomah, mid'ä kuwluw.

№ 32

В духов день привязывают друг к дружке две березки за вершинки. Если деревца, вершинки не высохнут, то человек весь этот год проживет. Ходили смотреть эти деревца. А если березки высохнут, то человек умрет. Духов день — праздник на второй день троицы.

Еще гадают от рождества до крещения. Ходят смотреть в зеркало в бане: кто [идет] невесту смотреть [в зеркало], кто жениха — кто покажется, [Ворожить] ходят и на дороги, на развилки дорог — слушать, что слышно.

Железова Марфа Кондратьевна (žugupovančara), 55 лет, дер.
Жилино (žilžinā) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров,
1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 93—95).

№ 33

el'ett'ih ukko da akka. ukko da akka i ruvettih duwmaimāh,
kunne heil'ā herneh kül'viā. akka šanow ukolla: „dava i kül'vāmmā
hernehen karžinah“.

hüō kül'vett'ih hernehen karžinah. herneh kažvo, kažvo šuw-
rekši. joi ei ruven mahtumah karžinah. akka šanow ukolla: „dava i
pil'immā lattjen“. herneh kažvo viel'ā šuwremmakši. akka šanow
ukolla: „dava i pil'immā i luan“.

pil'itt'ih hüō luan. a herneh kažvo viel'ā šuwremmakši. pil'it'-
tih i katokšen. herneh kažvo taivahaže šuaten. nu nūt akka i ša-
now: „dava i l'āhemmā herneht'ā šuamah ul'āhākši“.

ukko i šanow akalla: „istuo šie miwla šel'gāh da el'ā kacaha
ul'āh da alah“. akka istuoči ukolla šel'gāh, da ei šuanun hānel'lā
keštiā — alah i kačahtj. i akka i langet i kuol'i.

ukolla l'ien i žual'i hānd'āh i hiān šolahtj i l'āksi it'kijā ečči-
māh. ukko l'āksi jalgažiin da vaibu. val'l'ašti hebozen i l'āksi
hebozella. hānel'lā vaštah tulow hukka, hiān kūžūw: „kunne, d'iedo,
l'āksiit?“.

a ukko šanow: „l'āhen it'kijā eččimāh“. a hukka šanow: „d'iedo,
ota milma“. a d'iedo i šanow: „mahatgo it'kie?“. a hukka šanow:
„mahan“. ka hiān i rubei ulvomah. ukko šanow: „et maha, en ota“.

tulow koirā vaštah. tuaš kūžūw: „d'iedo, kunne l'āhet?“. a d'iedo
šanow: „it'kijā l'āhen eččimāh“. — „ota milma“. — „mahatgo it'kie?“.
a hiān i rubei: „haw, haw, haw!“. ukko i šanow: „en ota, et maha
it'kiel“.

nūt'ten d'iedolla vaštah tulow jāniksūt: „kunne l'āhet, d'iedo?“.
d'iedo šanow: „l'āhen it'kijā eččimāh“. — „ota milma“. — „mahatgo
it'kie?“. a hiān: „mahan“ — šanow. — „nukko, — šanow, — it'el'liā“. a
jāniš i rubei it'kōmāh:

„ol'i miwla akka,
hienon piiruan piksuttajaņe,
ložein korkiin succijaņe...“.

jāniksen ottj.

(pit'kā on, kaikkie en muisa).

№ 33

Жили старик да старуха. Старик да старуха стали думать, куда
им посеять горох. Старуха говорит старику: «Давай посеем горох
в подполье».

Они посеяли горох в подполье. Горох вырос, вырос большой. Уже и в подполье не стал помещаться. Старуха говорит старику: «Давай пропилим пол». Горох вырос еще больше. Старуха говорит старику: «Давай пропилим и потолок».

Пропилили они потолок. А горох вырос еще больше. Пропилили и крышу. Горох вырос до неба. Ну теперь старуха и говорит: «Давай пойдем наверх за горохом».

Старик и говорит старухе: «Садись ты мне на спину и не смотри ни вверх, ни вниз». Старуха села старику на спину, да она не смогла выдержать — вниз и посмотрела. И старуха упала и умерла.

Старику стало жаль ее, и он спустился [с неба] и пошел искать плакальщицу. Старик пошел пешком и устал. Запряг лошадь и поехал на лошади. Ему навстречу идет волк. Он спрашивает: «Куда, дедушка, отправился?».

А старик говорит: «Поехал плакальщицу искать». А волк говорит: «Дед, возьми меня». А дед и говорит: «Умеешь ли плакать?». А волк и говорит: «Умею». Вот он и стал выть. Старик говорит: «Не умеешь, не возьму».

Идет собака навстречу. Опять и спрашивает: «Дед, куда отправился?». А дед и говорит: «Плакальщицу искать». — «Возьми меня!». — «Умеешь ли плакать?». А она и стала: «Гав, гав, гав!». Старик и говорит: «Не возьму, не умеешь плакать».

Теперь деду навстречу приходит зайчика: «Куда поехал, дед?». Дед говорит: «Поехал плакальщицу искать». — «Возьми меня». — «Умеешь ли плакать?». А он: «Умею», — говорит. «Ну-ка, — говорит, — поплачь». И заяц и стал плакать:

«Была у меня старуха,
пекла она мне тонкие (сканные) пироги,
толстую корку скала...».

Зайца и взял.

(Длинная, всю не помню).

Беляков Иван Николаевич, 75 лет, дер. Ремчино Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 180—184).

№ 34

ennen miän kül'ä ol'i vain puol'i. ol'i nel'ä kümmeñ'dä taluo.
a nüt'ten on šeiččimenkümmeñ'dä jo. ennen ruavoima vain polo-
stoida müöt'. ol'i üksil'ä... muada kolmiin hengil'öin, nel'tiin
hengil'öin polossat, a meil'ä oli vain puol'itoista da hengipolossat.

i kaiken aijan ruavoima müö narodassa, luajiiima kod'iloih nafuadoida. a nüt't'en, jäl'geh revol'ucijua, rubeimma ruadamah koissa, rahvahah emmä ruven kävel'emäh. muan annettih kaikilla, ühen nügözen dol'an, vain rua. n'üt't'en müö rubeimma süöt't/el'iečömäh kolhozassa, koissa... meil'ä l'äksi el'änd'ä kolhozassa hüvä... predana on soncev potr ivanič. hän ennen ruado maksuatihalla zagašša.

miän kolhozassa „svobodašša“ viijennel'l'ä awgustua oldih gošt'at, kitaitsat. hüö kacottih kaiken kolhozan, oldih l'ehmiin tanhuošša, miel'l'üt'tih kaikkiih ruadoloih i šanottih potr ivaničalla, što t'ian kolhozassa on äijä hüviä. hüö oldih kuožinašša, juodih čuajuo. šind'e oldih buhrevassa, kacottih, kuin kolhoznikat el'et'äh. oldih kolmešša talošša.

miän kolhozassa ollah: dymnova, remčina, l'ebed'ova, kuožina i hutorat: komuna, bel'hova, boru, ručëikat, humluškina. kaikki on šel'sovetta počki kolhozassa, ükski vain buikki vain jowlo.

№ 34

Раньше наша деревня была наполовину меньше ('лишь половина'). Было сорок домов. А теперь семьдесят уже. Раньше работали только по полосам. У одних было... земли на три души, на четыре души полосы, а у нас были только полосы на полторы, на одну душу. И все время мы работали на стороне ('в людях'), обряжали избы. А теперь, после революции, стали работать дома, в люди не стали ходить. Землю дали всем, одинаковую долю, только работай. Теперь мы стали жить ('прокармливать себя') в колхозе, дома... У нас в колхозе пошла жизнь хорошая. Председателем работает Солнцев Петр Иванович. Он раньше работал в Максатихе в заготконторе.

В нашем колхозе «Свобода» пятого августа были гости, китайцы. Они осмотрели весь колхоз, были на скотных дворах. Им понравились все наши дела, и сказали Петру Ивановичу, что в колхозе много хорошего. Они были в Кашине, пили чай. Потом были в Бухрове, смотрели, как живут колхозники. В трех домах были.

К нашему колхозу относятся деревни: Дымново, Ремчино, Лебедево, Кашино и хутора: Коммуна, Бельхово, Бор, Ручейки, Хумлушкино. Почти весь сельсовет в колхозе, кроме Буйков ('одни только Буйки только нет').

Зернов Николай Иванович, 73 года, дер. Горичево Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 234—235).

№ 35

kül'ä gorčova ol'i ül'en sprawnoi. el'äjät oldih muan rua-
dajat, a jowdavalla aijalla plotničaidih. a talviloilla ruattih me-
čäššä zad/el'jua bohattoih lesopromiš'leñnikkoih varoin. luajittih
meččiä i viät'tih mologa-[joven] bergalla. i t'al'l'ä el'iimmä,
jogohizella ol'i kül'äššä oma talo, mua.

miämmä [miän oma] kül'ä on kafielañe. miwn dvoirodnoi sizär
miloradova al'eksandra al'eksejewna ol'i mokši-
čalda, eñnen t'äd'ä voinua hiän kirjutti moskovaššä kafi-
lažen azbukan. enžimäžen azbukan hiän podafi miwla (muwla), mie
t'äd'ä kniigua vardeičiin, no kunneto kado. al'eksandra al'ek-
sejewna četirnatsatom godu ol'i frontalla sestroj miloşerdnoi...

№ 35

Деревня Горичево была очень справная. Жители были земле-
пашцы, а в свободное время плотничали. А зимой занимались
в лесу задельем [рубкой леса, заготовкой его к вывозу на сплав]
для богатых лесопромышленников. Заготавливали лес и возили на
берег [реки] Мологи. И этим жили, у каждого в деревне был свой
дом, была земля.

Наша деревня карельская. Моя двоюродная сестра Милорадова
Александра Алексеевна из Мокшичева. До этой войны она
в Москве написала карельский букварь. Первый букварь она по-
дарила мне. Я эту книгу хранил, но куда-то потерялась. Але-
ксандра Алексеевна в четырнадцатом году была на фронте сестрой
милосердия...

Голубев Яков Гаврилович, 68 лет, дер. Горичево Максатихинского
района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись
№ 33/4).

№ 36

mie sünnüin kewhässä pereheššä. miän tuatolla ol'i kümmeñen
kolme lapsie: kümmeñen poigua i kolme t'üt'ärd'ä. kumbazet kuol-
dih... meid'ä jäi seiččimen vel'l'ie i kaksi t'üt'ärd'ä. müö muada
eñnen piimmä vain ühel'l'ä hengell'ä. meil'ä süöt'tel'iechie pereheššä
ol'i ül'en paha. i müö, kuin vain jalloilla nowziima, emmä lop-

pen i školua puwt'illeh... meid'a tuatto palkual'i paimenih. i paimenissa müö el'imä šiih suat, kuñi ei otettu meid'a sluwžballa carskoilla. jäl'geh, ka nüt't'en, konža okt'abr'skaja revol'ucija, meil'a annettih muat. jo rubeimma blaho ruadamah muada omilla vägi-l'oil'l'a...

№ 36

Я родился в бедной семье. У нашего отца было тринадцать детей: десять сыновей и три дочери. Некоторые [из них] умерли. Нас осталось семь братьев и две дочери [двое сестер]. Раньше земли мы имели только на одну душу. Нам прокормиться в семье [дома] было плохо [трудно]. И мы, как только стали на ноги, не окончив по-настоящему школу, .. нас отец отдавал в пастухи. И в пастухах мы жили до тех пор, пока нас не брали на царскую службу. Позже, вот теперь, когда [совершилась] Октябрьская революция, нам выделили землю. [Мы] уже стали благополучно обрабатывать землю своими силами...

Голубев Яков Гаврилович. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/4).

№ 37

kaksi t'üt'öst'a, ta'ña i ma'ña, l'äht'iet't'ih meččäh mar'jah. kerät't'ih hüö t'äwvet korziw/kažet. üksii šanow: „ta'ña, l'äkki kod'ih“. ma'ña: „l'äkkil“.

l'äht'iet't'ih kod'ih, nu dor^ogua ei l'öwvet't'ü. kävel'd'ih, kävel'd'ih meččiä müöt'en — l'öwvet't'ih kaidazen troppazen. l'äht'iet't'ih t'äd'a tropast'a müöt' i dog^oditt'ih pikkaražen peft'izen. mänd'ih t'äh peft'izeh. šiel'^a istuw vahnañe akkañe, kezriaw. dog^od'i konž^a t'amä heid^a, akkañe, da i šanow: „t'utt'özet, dai t'utt'özet, kuin t'üö t'anne miwn luo^h popad'iitta?“ — „da niin, buabon^e, müö siwn luo^h popad'iima: müö käw^eliimä ka marjašš^a da ka zablud'iečiima, emmä pop^d'i kod'ih“. — „vet' nüt't'en t'eil'ä ei šua l'öwd'iä kod'ie, muakkua t'üö miwn luo üö. huomenen l'öwvättä“.

nämä t'utt'özet jäd'ih maguamah t'al'l'üö buab^ozelluo. t'amä buab^oñe heid'äh ild^ozella šuot't'i, pal^ovalla juotti. laskiečettih, muattih, huomneksella nowšt'ih — l'äht'iet't'ih ečcimäh dor^ogua. kävel'd'ih, kävel'd'ih meččiä müöt'en, nikuin dor^ogua ei l'öwvet't'a. kac^otah: aštuw heil'ä västah hukka.

„mid'ä t'üö, t'utt'özet, käv^el'ett'ä t'ial'ä?“ — „käv^el'emmä... ka oliima egl'ein marjašša, ka magaimma, i t'ial'd'ä kod'ih emmä popad'i“. „istuočekkua miwla šel'gäh, mie t'eid'ä šuatan kod'ih“. —

„šie meid'ä šuatat ülen ed'äh, meil'ä pahembi ei šua doid'ie“. — „en šuata. suatan t'eid'ä mie kod'ih, nu istuočekkua“.

istuočettih hänel'l'ä šel'gäh.

„püzukkiä miwn korvista“.

püzut't'iačett'ih korvista. hukka l'äksi hüppiämäh meččia müöt', potom viid'i pellolla. pellolla kaikki naroda l'eikattih, ken mid'ä ruattih, mužikat i naižet. dog'd'ittih: ruvettih mögizemäh, što „kaččokkua, kaččokkua, kahta t'ut'öst'ä hukka kandaw, view meččäh!“.

hukka znai hüppiaw. hüppäi kul'äh šuaten, heit't'i näid'ä t'ut'-t'özie kul'al'l'uo, iče vernieči jarel'l'äh, l'äksi hüppiämäh. t'ut't'özet mänd'ih kod'ih. i šist'ä šuaten tuatto i muamo heid'ä üksie ei ruvettu laškel'emah meččäh.

№ 37

Две девочки, Таня и Маня, отправились в лес по ягоды. Собирали они полные корзиночки. Одна и говорит: «Таня, пойдем домой», Маня: «Пойдем!».

Отправились домой, ну, дороги не нашли. Ходили, ходили по лесу — нашли узенькую тропиночку. Пошли по второй тропинке и увидели маленькую избушку. Вошли в эту избушку. Там сидит старенькая старушка, прядет. Заметила когда их старушка, да и говорит: «Девочки, вы девочки, как вы сюда ко мне попали?» — «Да так, бабушка, мы к тебе попали: мы ходили за ягодами да заблудились, не попадем домой». — «Ведь теперь вам не найти дома, поспите вы у меня ночь, завтра найдете [дорогу]».

Эти девочки остались спать у этой старушки. Эта бабушка накормила их ужином, горячим [чаем] напоила. Легли [девочки], поспали, утром встали, пошли искать дорогу. Ходили, ходили по лесу — никак дорогу не находят. Смотрят: идет им навстречу волк.

«Что вы, девочки, ходите здесь?» — «Ходим... вот вчера были за ягодами, вот поспали [у бабушки] и отсюда домой не попадаем». — «Садитесь мне на спину, я вас отвезу домой». — «Ты нас отвезешь очень далеко, мы хуже не дойдем». — «Не отвезу, отвезу я вас домой, ну садитесь».

[Девочки] сели ему на спину.

«Держитесь за мои уши».

Схватились за уши. Волк пошел бегом по лесу, потом вышел на поле. На поле люди жали ('весь народ жали'), кто что делал, мужчины и женщины. [Они] заметили [и] стали кричать, что «смотрите, смотрите, двух девочек волк несет в лес!». Волк все бежит. Добежал до деревни, оставил этих девочек около деревни, сам вернулся, обратно побежал [в лес]. Девочки пошли домой. И с тех пор отец и мать их одних не стали пускать в лес.

Волкова Аксинья Егоровна, 62 года, дер. Кожино Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/8).

№ 38

l'äksimä meččih šuwřih eččimäh l'ehmie. značit, müö l'ehmiä emmä l'owd'an. šiind'ä vezüt, vezüžest'ä poikki luapat kondjen omat, a müö duwmaiččima mužikan omat. a mie i šanoin, što „našt'a, t'ämä on mužikka, aštu tuohešta“. vot. a t'ämä i ei ow. toizeh nokkah mäniimä: šiel'ä kondjen jäl'et. müö pöll'ässuimmä. üksä l'äksi randah, a toine l'äksi troppua müöt', mie l'äksiin. vot. aššuin, aššuin — šuind'u koivuñe... koivuzen tagana kondje. mie šanon: „joh o-t'otka, kondje, kondjel“.

müö pöll'äššüimmä, ravun noššimma... gribatten most'irkasta skočitah pois. a šiel'd'ä nar'da hüpätäh: „missä kondje?“.

kondje kuin ando kanduo vaš — i kando l'eñd'i, i iče uid'i, ka. ka mit't'üözet meil'ä slučait ollahl kaikki.

№ 38

Пошли в леса бодышие искать коров. Значит, мы коров не нашли. [Встретилась] потом водица [лужица], через водицу [лужицу] лапы [следы] медвежьи, а мы подумали — [следы] мужчины. А я и сказала, что «Настя, это мужчина шел за берестой». Вот. А это и не он. В другой конец пошли: там медвежьи следы. Мы испугались. Одна пошла в сторону, а другая пошла по тропе. Я пошла. Вот. Шла, шла — встрети́лась березка... За березкой медведь. Я говорю: «Ехо-тетя, медведь, медведь!».

Мы испугались, подняли крик... Грибы из корзиночки выскакивают. А там народ бегут [бежит]: «Где медведь?».

Медведь как даст [лапой] по пню — и пень полетел, и сам ушел, вот.

Вот какие случаи бывают у нас. Все.

Иванов Василий Михайлович, 65 лет, дер. Сельцы Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/2).

№ 39

mie sünnüin sel'cašša, kewhän talošša. meil'ä muada ol'i ül'en vähä, potomušto miwn d'iedo i tuaton d'iäd'ö erottih i šiind'ä heil'ä tul'i vähä muada. tuatto kaksikümmeñd'ä vuotta ruado pai-

menišša, i mie avuttel'iin hänel'l'a paimendua. en äijiä, koñešno. školašša käv'l'iin kolm^o vuotta, vot. a šiind'ä mie kažvoin i vel'l'i-l'öiŋken müö rubeimma ruadamah l'esopromiš'l'eñnikoilla mečäššä: halguo pil'iimmä i niiiñd'ä luajiiimma. i müö vain... koissa rua-voimma, konža ol'i heinäiga, niit'ämmä i tuašen meččäh. šiel'^a meil'^a prišloš el'ia do službj. šiind'ä otettih miwn čuaŋin armiih, vot. öetjrnatsatom godu ol'i voina. voinalla ruañittih miwn, kan-tuwzittih. kolmannella kerralla mie puwtuin pl'enah germua-ñeih. šiel'^a ol'iin mie nel'l'äkümmeñd'ä kuwda... d'evätnatsetom godu mie šiel'd'ä kod'ih tul'iin... miwn lapšet kaikki šeičas opaš-šuttih. suamoin pieñi poiga pereid'i šed'moih klassah, el'ämmä äijäl'd'i hüviin.

№ 39

Я родился в Сельцах, в доме бедняка. У нас земли было очень мало, потому что [мой] дед и дядя отца разделились, и после этого у них стало мало земли. Отец двадцать лет работал в пастухах, и я помогал ему пасти. Немного, конечно. В школу ходил три года, вот. А потом я вырос и с братьями мы стали работать у лесопромышленников в лесу: дрова пилили и лыко заготавливали. И мы только... дома работали, когда был сенокос [во время сенокоса]: покосим и снова в лес. Там нам пришлось жить до службы. Потом меня взяли в царскую армию, вот. В четырнадцатом году была война. На войне ранили меня, контузили. На третий раз я попал в плен в Германию. Там я был сорок месяцев... В девятнадцатом году я оттуда домой пришел... Мои дети все теперь выучились, самый маленький сын перешел в седьмой класс. Живем очень хорошо.

Ратников Павел Терентьевич, 67 лет, дер. Дымцево Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/13).

№ 40

el'iašseh näl'l'aštü uksi hukka. ei t'ijä, mis't'ä ottua ruogua. mid'ä hänel'l'a ruadua? l'äksi hiän jürgi-šüöt't'ial'l'uoh pakkuomah hä-nel'd'ä miilošt'ie. že šanow: „mäne, šanow, kävel'l'äh lovalla vahna hebo pikkarazeñke varžazeñke. hebo že, šanow, šie šüö, a varžane jät'ä, ana kažvaw, hrešt'uanalla ruadua hänel'l'a hüvä l'ienow“.

i hiän i l'äksi murdamah. tul'i, kävel'l'äh, verno, hebo var-žañke. hukka i šanow: „hebo, oi hebo, mie, šanow, šilma šüön!“. — „šie, šanow, šüöt, a oñgo šiwlä pašporta?“. — „on!“ — „a kešt'ä?“. —

„jürgi-šüött'iaštä“. — „a miwla on, šanow, miikul-šüött'iaštä, ka, šanow, kačaha vain, mie hännän noššan“.

hebo hännän noštj. hukka šuwn avai da i kačcow. hebo kuin potkuaw molemmilla jalloilla — hukka i l'end'i. i uijittih hebo varzaŋke.

hukka tuas näl'gähine. proid'i ned'el'i. uwvestah l'äksi jürgi-šüött'ial'l'uöh: „mil'l'a, šanow, miwla hot' šüött'el'iecie?“ „mäne, šanow, goralla. kävel'ow, šanow, šuwfi bokko. sie hānen, šanow, i šüöt“.

l'äksi hüppiämäh. verno, on bokko. šanow: „bokko, oi bokko, mie, šanow, šiwn šüön!“ — „šüöt, niin, šanow, valda on šiwn oma, šie, šanow, olet hukka, mie vain bokko. i ka, šanow, mid'ä mie šiwla pagizen hüvütt'ä: cem šiwla miwlda villoida strässie hambahilla, da murenella luwloida, lomaija, lučče mie šiwla, šanow, kāsšēn mǎnnā podgoru. šeizawvu, avua šuw, a mie, šanow, kun podgoru l'āhen hüppiämäh — kohaldj šuw, uññāh šiel'ä i l'ieñen...“.

ka i l'äksi (māni šinnē hukka), a bokko t'ial'd'ä i l'äksi l'end'ämäh, l'end'i, l'end'i (hüppäi), da ei šuw, a kun oččua vaš šarvi-loilla poltaldaw — hukka i l'end'il da uid'ii bokko.

hukka tuas jai veñümäh... nowzi, viel'ä pahemmin näl'l'äštü. tuas l'äksi jürgi-šüött'ial'l'uöh. šanow: „mid'ä olgah ana viel'ä šuwvāl“. — „mäne, šanow, pawlovskoilla; l'āht'ow portnoi rawdazeŋke aršinaŋke. šie, šanow, hāñd'āh i šüö“.

hüppäi, tavottaw. aštuw portnoi: „ka, šanow, mid'ä, portnoi“. — „a mid'ä“. — „mie, šanow, šilma šüön!“ — „a ken, šanow, šie olet?“ — „mie, šanow, t'ijjān kaikkie rozmieroida, kaikkie škurua nāin. dai, šanow, mittuan enžišt'āh, šiind'ä i šüöt, bud'i kun olet hukka“.

ka i rubei mittual'emah: turvan mittai, šel'l'ān mittai.

„hukka, šanow, olet. ka vain hāñd'ā ew hukan. ka hāñnāštä mittuan — da i gotovol“. — „ladnol“.

vert'i, vert'i hāñnāštä. aršinalla rubei „mittuamah“: kül'gie vaš, turbua vaš — jogo kunnel ze äijäl'd'i sorviečow... hāñnān sorvi da i uid'i.

māni meččāh hukka ze (a portnoi l'äksi aštumah kod'ih). sobefi šiel'ä hukkie, tovarissoida, kondien l'owvett'ih popu'ti, da i l'āht'iet't'ih tavottelemah. tavotellah, tavotellah portnoida. ze, čais, t'ied'aw: hukat puwh ei nowšša — puwh i nowzi.

ka tuldih t'āh, sovietaijah, kuin tavottua hāñd'ā. kondie šanow: „mie ze tavottažin, no milma, šanow, ei košken, mie en rubie koškomah. ka, šanow. mie t'eil'ä niin šanon: mie laškיעen alah, a t'üö, toizet, šanow, kaikin miwn piäl'l'ä (t'eid'ä on äijä). a šie, šanow, hāñel'l'uöh mānet da i šüöt“.

ka i l'āht'iet't'ih, veñütt'iečett'ih. l'äksi nowžomah hukka, a portnoi tabakkua nuwhaičči. ottj tabakerkaštä da i šanow: „eññen šurmua nuhñie, da i — gotovol“.

ka kun založi äijān šinnē, šiel'd'ä kun čihñiw: „čih!“.

a hukka i duwmaičči: „šūōn!“.

da kun kocahtaw, da i uiittih.

t'āššā ših portnoit i jiād'ih el'āmāh, eiga heid'ā ei ol'iiš. vso!

№ 40

Однажды проголодался один волк. Не знает, где взять корм [поесть]. Что ему делать? Пошел он к кормильцу [святому] Георгию просить у него милости [пожертвования]. Тот говорит: «Иди, говорит, ходят на лугу старая кобыла с маленьким жеребенком. Кобылу ту, говорит, ты съешь, а жеребеночка оставь, пусть вырастет, крестьянину на нем хорошо работать будет».

И он и пошел воротить [махать]. Пришел: ходят, верно, кобыла с жеребенком. Волк и говорит: «Кобыла, а кобыла, я, говорит, тебя съем». — «Ты, говорит, съешь, а есть ли у тебя паспорт [разрешение]?». — «Есть!». — «А от кого?». — «От святого Георгия». — «А у меня, говорит, от святого Миколы. Вот, говорит, взгляни только, я хвост поднимаю!».

Кобыла подняла хвост. Волк разинул рот и смотрит. Кобыла как лягнет обеими ногами — волк и полетел. И убежали кобыла с жеребенком.

Волк опять голодный. Прошла неделя. Снова пошел к святому Георгию: «Чем же, говорит, мне (хоть) питаться [дальше]?». — «Иди, говорит, на гору. Ходит, говорит, большой баран. Ты его, говорит, и съешь».

Побежал [волк]. Правильно, есть баран. Говорит: «Баран, а баран, я, говорит, тебя съем!». — «Съешь, так, говорит, воля твоя, ты, говорит, волк, я только баран. И вот, говорит, что я тебе скажу хорошего: чем тебе мою шерсть стряхивать [рвать] зубами да грызть кости мои, ломать, лучше я тебя, говорит, попрошу идти под гору. Стань, открой рот, а я, говорит, как под гору побегу — прямо в рот, целиком там и буду. . .».

Вот и пошел (волк туда пошел), а баран отсюда и полетел. Летел, летел (бежал), да не в рот, а как по лбу стукнет — волк и полетел. Да ушел и баран.

Волк опять остался лежать. . . Встал, еще хуже [пуще] проголодался. Опять пошел к святому Георгию. Говорит: «Что-нибудь дай еще поесть». — «Иди, говорит, в Павловское; пойдет портной с железным аршином. Ты, говорит, его и съешь».

Побежал, догоняет. Идет портной. «Вот, говорит, что, портной!». — «А что?». — «Я, говорит, тебя съем!». — «А кто, говорит, ты [такой]? Я, говорит, знаю размеры всех, всякую шкуру видел. Дай, говорит, сначала измерю, потом и съешь, если ты волк».

Вот и стал измерять: морду измерил, спину измерил.

«Волк, говорит, ты. Только вот хвост не волчий. Вот с хвоста измерю — да и готово!». — «Ладно».

Крутил, вертел за хвост. Аршином стал «мерить» [хлестать] по боку [бокам], по морде, по всем местам. Тот сильно **вырывается**. Хвост оторвал да и ушел.

Пошел в лес волк тот (а портной зашагал домой). Собрал там волков, товарищей. Медведя взяли с собой ('нашли по пути') да и пошли догонять. Гонятся, гонятся за портным. Тот чай знает: волки на дерево не залезут — на дерево и залез.

Вот [звери] пришли на это место, советуются, как его поймать.

Медведь говорит: «Я-то поймал бы, но меня, говорит, [он] не трогал, я не буду [его] трогать. Вот, говорит, я вам так скажу: я лягу вниз, а вы, остальные, говорит, все на меня (вас много). А ты, говорит, к нему, мужику, подойдешь да и съешь».

Вот и пошли, легли. Стал на дерево влезать волк, а портной [тем временем] табак нюхал. Взял из табакерки и говорит: «Перед смертью нюхнуть, да и готово!».

Да как много [табаку] заложил [в нос], как чихнет: «ап-чхи!».

А волк и подумал [волку послышалось]: «съем [проглочу]!».

Да как прыгнет, да и ушли [звери].

Вот и остались портные жить, а-то их и не было бы. Все.

Любимов Василий Васильевич, 63 года, дер. Райда (raid'iha) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 189—193).

№ 41

el'et'tih d'iedo da buabo. ei ollun heil'ä lapšie. buabo i šanow d'iedolla: „davai seizatamma t'uwguah¹¹ padan huttuo“. buabo seizatti padan i šiel'ä t'uwguašta rubei mögizemäh: „buabo, avua zasloŋka, müwla ägiel“.

buabo kačahtij t'uwguah, a šiel'ä istuw t'üt't'öne. viid'i t'üt't'öne t'uwguašta.

buabo, d'iedo ihassuttij, annettij nimen ogoŋe. t'ijussettij toizet t'üt't'özet i ruvettij kuččumah meččäh mančikkah. buabo, d'iedo ei laškiel'du, što hiän pikkaraŋe. t'üt't'özet viel'ä ruvettij kuččumah. d'iedo, buabo laškiettij ogožen.

mečäššä ogoŋe kado. t'üt't'özet tuldij kod'ih, a ogoist'a jowle. ogoŋe l'äksi vičikközie müöten, ice it'kōw. popadaicčow vaštah jāniš: „mid'ä šie, ogoŋe, it'et?“. — „d'iedolluoh-buabolluoh

¹¹ Появление *t'* (t'uwgua) вместо общераспространенного *k* (kiwgua) следует объяснить сильной степенью палатализации этого звука. То же самое наблюдается и в валдайских говорах карельского языка. См.: P. Palmes. Märkmeid karjala Valdai murdest, Emakeele seltsi aastaraamat. Tallinn, 1957, стр. 181, 197.

himottaw!“. — „el'ä it'e, istuoče miwn piäl'l'ä, mie šuwma šuatan!“. i popad'i pert'izeh. pert'izeššä istuw buabo-jaga: „kuin šie müwlluoh popad'it? nüt't'en mie šuwma en lašše. ota püwhi late, kanna vet't'ä, l'ämmit'ä kül'ü, kül'vet'ä müwma“.

ogoñe püwhki laten, toi vet't'ä, l'ämmit't'i kül'un, buabo-jagan kül'vet't'i i uinottj. ogoñe viid'i krič'coila. aštuw härgä: „tüt't'öñe, mid'ä šie it'et?“. — „d'iedolluoh, buabolluoh himottaw!“. — „istuo müwla šel'gäh, mie šuwma šuatan d'iedolluoh, buabolluoh“. — „ei, en istuoče, jaga-buabo tavottaw i meid'ä molembie pergaw“. — „istuoče, jaga-buabolla tavottua ei šua“.

tüt't'öñe istuoččih härfäl'l'ä šel'gäh. härgä l'äksi hüppiämäh, jaga-buabo havaštu: ogoišt'a jowle! hiän l'äksi hüppiämäh äll'est'i. ogoñe kaččow: jaga-buabo tavottelow. vain ogoišt'a hvat't'ie jaga-buabolla — härgä kuin dršniw... i buabo-jaga l'äksi ruwčalla pezieččemäh.

kuñi buabo-jaga pezieččih, härgä šuatto ogoz'en d'iedolluoh i buabolluoh. d'iedo i buabo ihaššuttih i šuöt'et'tih ogožen i härrän jogo paikalla.

(müwla muamo pagiži ogoišt'a i buaboišt'a).

№ 41

Жили дед да баба. Не было у них детей. Баба и говорит деду: «Давай поставим в печь горшок загусты [ржаной каши]». Баба поставила горшок, и оттуда, из печки, [кто-то] начал кричать: «Баба, открой заслонку, мне жарко!».

Бабушка посмотрела в печку, а там сидит девочка. Вышла девочка из печки.

Бабушка, дедушка обрадовались, дали [девочке] имя Огушка, ('Оgone'). Узнали [о ней] другие девочки и стали звать [ее] в лес за земляникой. Бабушка, дедушка не отпускали, [потому] что она маленькая. Девочки [снова] еще стали звать. Дедушка, бабушка отпустили Огушку.

В лесу Огушка потерялась. Девочки пришли домой, а Огушки с ними нет. Огушка пошла по кусточкам, сама плачет. Навстречу попадает заяц: «Что ты, Огушка, плачешь?». — «К дедушке, к бабушке хочется!». — «Не плачь, садись на меня [мне на спину], я тебя проведу!».

И попала [девочка] в избушку. В избушке сидит баба-яга: «Как ты ко мне попала? Теперь я тебя не отпущу. Бери подмети пол, наноси воды, истопи баню, попарь меня».

Огушка подмела пол, принесла воды, истопила баню, попарила бабу-ягу и усыпила. Огушка вышла на крыльцо. Идет бык: «Девочка, что ты плачешь?». — «К дедушке, к бабушке хочется!». — «Садись мне на спину, я тебя провезу [доставлю] к дедушке, к ба-

бушке». — «Нет, не сяду, баба-яга догонит и нас обоих побьет». — «Садись, бабе-яге нас не догнать».

Девочка села быку на спину. Бык побежал, баба-яга проснулась — Огушки нет! Она побежала за ними. Огушка видит — баба-яга догоняет. Только бабе-яге схватить Огушку — бык как дристнет... И баба-яга пошла на ручей умыться.

Пока баба-яга умывалась, бык отвез Огушку к дедушке, к бабушке. Дедушка и бабушка обрадовались и Огушку и быка накормили всякой едой.

(Мне мать рассказывала про Огоне и бабушку).

Бровина Ефдокия Ивасовна, 61 год, дер. Андрониха Брусковского района. Записала Э. В. Дунаева, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 53, лл. 15—16).

№ 42. šuarna

el'et't'ih d'iedo da buabo. ol'i heil'ä t'üt't'öne ei rodnoi. a buabo i šanow d'iedolla: „vie meččäh t'ämä t'üt't'öne“.

d'iedo vall'ašti hebozen i vei t'üt't'özen meččäh. t'üt't'özen jät't'i meččäh. aštuw čibaŋe, hänel'l'ä šarvužiissa doiŋiekkäŋe i käziššä [!] rawdaŋe troskaŋe. a šiid'ä čibaŋe i šanow: „t'üt't'öne, na doiŋiekkäŋe, l'upšä miwma i juota“.

t'üt't'öne l'upši čibazen i juotti. a čibaŋe i šanow: „na šiwla troskaŋe. i ka l'ieñöw šiel'ä gora. šie ožua t'al'l'ä troskazella gorua vaš riššikkeh, gora avawduw i šiel'ä l'ieñöw äijä dobrua“.

t'üt't'öne otti dobrat i l'äksi kod'ih. mäni kod'ih, a muamo ihaštu, a šiind'ä tuatolla i šanow: „vie i rodnoi t'üt'är meččäh“.

rodnoin t'üt't'ären vei meččäh, hiän i kül'mäht'i sinne. ei rodnoi jäi heil'üö el'ämäh. kaikki.

№ 42. Сказка

Жили дед да баба. Была у них девочка, неродная. А баба и говорит деду: «Отвези эту девочку в лес».

Дед запряг лошадь и отвез девочку в лес. Девочку оставил в лесу. Идет козочка, у нее на рогах подойничек и в руках [так!] железная тросточка. А потом козочка и говорит: «Девочка, на подойничек, подои [меня] и напои».

Девочка подоила козочку и напоила. А козочка и говорит: «На тебе тросточку. И вот будет там гора. Ты ударь этой тросточкой крест-накрест по горе: гора раскроется и там будет много добра».

Девочка взяла добро (в ориг. мн. ч.) и пошла домой. Пришла домой, а мать обрадовалась, а потом отцу и говорит: «Отвези и родную дочь в лес».

Родную дочь отвез в лес, она и замерзла там ('туда'). Неродная осталась у них жить. Все.

Смородова Парасковья Федоровна (prokkič an paša), 73 года, дер. Пасмынок (puasinkoi) Спировского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/1).

№ 43. [mid'ä luajittih tuohešta]

tuohešta luajittih... ed'izeh tuohen puwšta kissotah, šiid'ä luajittih tuohešta kešsel'ie gribah käwveššä, šiid'ä luajittih luapot't'ie. kävel'd'ih luapot't'iloissa rahvaš. šiid'ä luajittih šuolavakkazie tuohešta, d'iedot miän šiel'ä ammuin. a mie muissan šuolavakkazie šiid'ä. šiid'ä luajittih i košel'koida. nämä... košel'kakši müö kuččuma, niit'iaššä, kunne šierahe da labie tammihe panna. a nüt šiid'ä jo ni mid'ä ei ruven nägumah, kaikki on kadonnuot. a miän muissolla kaikki-šubi ol'i näin, i meil'ä el'iaššä t'amä kaikki ol'i.

tuohešta mahettih jogo talošša luad'ie, omie näid'ä ašteizie kohenneldih da kaikkie. luapot't'ie, ken pid'i, že ičei luad'i. padoida tuohella kiärit't'ih fist'izeh, ul'en šomah. nin šiid'ä ei što mužikat, akat kiärit't'ih. kiärit't'ih, kun pada že l'iew vanhahe, niin kiärit't'ih, što hiän viel'ä kun vuotta kümmehe keštäis kiärit't'ünä... nagole viigodalla el'et't'ih. ewlud suamo kallehet (puat), no oldih d'evgat kallehet, d'evgua ewllun narodalla šilloin, vanhoilla. ei zarabotkie ollun, vähän šuadih.

— [padua luajittihgo t'ial'ä, t'ian rannašša?].

— padua luajittih tuašša, vidropuskissa, nin hebožilla vejet't'ih šiel'd'ä, tuodih hebožilla, torguidih. a kumbazet iče ajeldih tuomah, padua vaš ajeldih. l'äššä ei luajittu. šeniin viršan kolmenkümmehe piäštä tuodih padua. nu a pada lohkiev, ka i tuohella i kiärit'äh.

puwhizie [ašteida] luajittih, nin ei kod'iloissa luajittu, a tuodih, tože mišt'ä ollow vejet't'ih, ušto l'innašta. q'i puwhizie mal'azie, mil'l'ä suluo joimma, sulomal'azet ne šanuočettih. puwhizie fengi-l'oid'ä miän kaiken ijan luajitah i nüt luajitah. oreškalla kaikki kül'ä luajittih, a nüt ka miän i pet'u-d'iad'ö luad'iw tuašša, kozlovalla. muwda starikkai rua ei, nagole puista luad'iw, da puista hüviä luad'iw. a puine vet' kaiken ijan... puwhizet aštiet nämä god'iecow: pid'aw šieneh, pid'aw nuat't'iloih, pid'aw i ogurčoih — kaikkeh eiheheh, nin puizešta on nagole häd'ia, nagole oššetah, a jogo inehmizel'l'ä ei šua puista luad'ie.

№ 43. [Что делали из бересты]

Из бересты делали. . . Сначала бересту сдирали с дерева, потом делали [плели] из бересты кошель по грибы ходить, потом [плели] лапти. Народ в лаптях ходил ('ходили'). Потом делали из бересты солонки, деды наши там давно делали. И я помню эти солонки. Потом плели брусницы [кошолки]. Эти. . . брусницами мы [их] называли, во время косьбы куда брусок да лопатку дубовую класть [можно]. А теперь тех уже ничего не стало видно, все уже пропали. А на нашей памяти все-все было так. И у нас когда-то там все это было.

Из бересты в каждом доме умели делать: свои эти посудинки чинили да разное там. Лапти, кто носил, тот сам и плел. Горшки берестой обматывали крест-накрест, очень красиво [получалось]. Так это не то что мужики — бабы обматывали. Обматывали, когда горшок тот станет стареньким, тогда [его и] обматывали, чтобы тот кабы еще десяток годов служил обмотанным. . . Все выгодой жили. Не очень дорогие [горшки] были, так деньги были дорогие, денег тогда у народа не было, у старых [людей]. Заработков не было, мало зарабатывали.

[— Горшки делали ли здесь, в ваших краях?].

— Горшки делали там, в Выдропушках, так на лошадях возили оттуда, привозили на лошадях, торговали. А некоторые сами ездили, за горшками ездили. Поблизости не делали [горшков], этак за тридцать верст привозили горшки. Ну а вот горшок расколется, так берестой и обматывали.

Деревянную посуду делали, так не дома делали [ее], а привозили тоже откуда-то; наверное, из города. Были деревянные мисочки, из которых сусло пили, «сусло-мисочками» они назывались. Деревянные ведра наши [в нашей стороне] всю жизнь делали и теперь делают. В Орешках вся деревня занималась этим ('делали'), а теперь вот и наш дядя Петр делает тут, в Козлове. Другим ничем старик и не занимается, все кадки делает, да кадки хорошие делает. А кадка ведь всю жизнь. . . деревянная посуда годится: нужна [она] и под грибы, нужна под хряпу [зеленую капусту], нужна и под огурцы — под всякую овощь [нужна], ведь в кадках всегда нуждаешься, всегда покупают, а всякий человек не может кадки делать.

Смородова Парасковья Федоровна. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 4—5).

№ 44. pelvahan kaŋvatanda i t'üöksi luajinda

pellon aštoiduoh kül'vet'äh pelvahan. kül'väjäl'lä vakka iessä, eišt'uw i kül'vaw, jogo harpawksella luow näpin šiemeñd'ä. vihmažista pelvaš vihahtaw, l'äht'ow kaŋvamah. nowššow harvazeh soruo — pid'aw ne kit'kie.

heinaigah pelvaš zavod'iw kukkie. kukkiw pelvaš šomah hel'ie-zil'l'a šinižil'l'a kukkazilla. kukkazet huomneksella on äijäl'd'i avawdunnuot päiväzeh päin, illalla kukinnan heikend'aw, kukkazet üökši tukkuwvutah. kukinnan jäl'geh rubiew piähüt čul'kül'l'a mänömäh. kuñi on vihanda pelvaš — čul'kü on valgie, rubiew pelvaš šual'istumah — čul'kü rubiew ruškuomah, kuidu kovenomah.

šual'ista pelvašta pid'aw ruveta d'eřimäh. ei pie d'erie üksin kuidužin — pid'aw hawruol'l'a t'awžin kobrin, pivozet kiind'iezech šiduo i šeizattua kuwl'ahazih kuivamah. jogo kuwl'ahazeh panet kümminen pivošt'a.

pelvaškuwl'ahazet vejät hebozella guominoh, šiid'a ahat riihen pardeizilla, l'ammit'ät riihen. roičet pivot jarel'l'äh guominoh, kolot'it hiät pual'ikalla (ket perret't'ih kuřikoilla, ket puid'ih briwžoilla). kolot'ittuoh, riivinlawdah riivit't'ih. pelvahan šimenet tuwlešša viššatt'ih, šel'giet šimenet puwrnuh kuatt'ih.

kolot'ituot pelvahat logah l'evit'et't'ih. lovalla piet'äh, kuñi ei šuofie. kuin kergiit l'evit't'ia vägövih kaštjeloih da l'ämbimih šial'öih, šilloin väl'iamme šuoriew.

lovašta pelvahat noššetah, kuboloih šivotah, pois vejet'äh. žen jäl'geh pelvahat lowkulla lowkutetah. lowkutannan jäl'geh pelvaš pehmeňow, rubiew päisär eruomah, vid'iemell'a vivotah, jiaw vain hařjata, t'üöt ed'izeh hařjatah rawdaharjalla. rawdaharjan jäl'geh t'üöšt'a eruow ruohin. ruohtimešta kezrät'äh ruohinlawgua da kuvotah värčie. rawdaharjan jäl'geh t'üöt hařjatah šuvašharjah. šuvašharjašša t'üöšt'a eruow paičeš. paičekšešta kezrät't'ih rondulawgua, kuvott'ih piiččuo da koštuo. šiid'a luajitt'ih hattarua da ložieda kaziapaikkua puwhkieššä kážie.

šuvašharjan jäl'geh pivožista šivotah pelvaškiärüö. kiäröt vadvotah da luajitah kuožal'ipäd'a kezrät't'äväkši varoin.

näin ruadoma ennen, nüt ruatah mašinoilla.

nüt kolot'ittuo pelvašta šanotah trestakši. trestana mašinoilla šuatetah koht' zavodah. ei pie rahvahalla ni viduo, ni kuduoh, ni kezrät'a. tuwvah ma'eřjua lawkkah — t'iiž oštua, viel'a valmista i ommelduo.

№ 44. Выращивание льна и обработка волокна

После боронования поля сеют лен. У селяшкия лукошко перед собой, [он] идет ('продвигается') и сеет, с каждым шагом бросает одну щепотку семян. От дождейков лен зазеленеет, пойдет в рост. Если появятся реденько сорняки — их надо прополоть.

Во время сенокоса лен начнет цвести. Лен цветет красиво: нежными голубыми ('синими') цветочками. Утром цветочки широко раскрыты к солнышку, к вечеру цветение ослабевает, на ночь цветочки свертываются. После цветения завязи начинают образовывать головки. Пока лен зеленый — головка светлая ('белая').

[как только] лен начинает созревать — головки начинают желтеть ('буреть'), стебель твердеть.

Созревший лен надо начать дергать. Дергать надо не по одному стебельку, [а] надо хватать всей горстью; пясна (или горсти) крепенько завязывать и ставить бабками (или суслончиками) для сушки. В каждую бабку поставишь по десять пястен.

Бабки льна на лошади перевозишь в гумно, потом их насадишь в ригу на колосники, затопишь ригу. Пясна [после сушки] обратно скидаешь в гумно, колотишь их валками (кто колотил колотушками, кто молотил цепами). После околачивания их бросновали на бросновке. Семена льна на ветру провеивали, чистые семена ссыпали в закроем.

Обмолоченный лен расстилали на дугу (или стлище). На стлище держали, пока [лен] не дойдет. Если успел разостлать [лен] под сильные росы и [пока еще] теплые погоды, тогда быстрее доходит.

Со стлища лен поднимают, завязывают в снопы (или кубачи), увозят прочь. После этого лен мнут на мялке. После мятья лен становится мягким, кострика начинает отделяться, трепалом треплют, остается только очесать. Волокно сначала очесывают железным гребнем. После железного гребня от волокна отделяется верховина (или клочанка). Из верховины прядут толстую нитку и ткнут мешки. После железного гребня волокно очесывают волосной щеткой. На волосной щетке от льна отделяются пачесы. Из пачесов прядут более тонкую нитку, из которой ткали холст и поневу. Из нее делали портянки и грубые полотенца для [вытирания] рук.

После очески волосной щеткой из намычек связывают початки. Початки потом растреплют и свертывают в кудели для прядения.

Так работали раньше. Теперь все делается машинами.

Теперь после околота лен называется трестой. Трестой лен везут на машинах прямо на заводы. Людям не надо ни трепать, ни прясть, ни ткать. Привозят в магазин ткани ('материю') — знай покупать. Даже еще и наготово сшитое [привозят].

Сжородова Парасковья Федоровна. Записала Д. И. Макарова, 1957 г.
(АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 1—3).

№ 45. pelvahan kezriänd'ä i kuvonda

kaiken ijän miän kohussalla hüvin kažvaw pelvaš. el'iasseh äijän ruadoma kezriämižirke da kuvonnoirke. ünnäh pikku t'üt't'ö-zenä i issutettih kuožal'in tagah. opaštuošša kezriät ruohinda, a šiid'ä i pelvašta, kummašt'ä pid'i lowškiembazeh kezrät'ä kudieh varoin, a jäl'geh jo hienuo. miän kezrät'et't'ü ei, nagol'e iče.

neicutt'ut't'özinä bešowdah kävel'imä kuožal'iloir'ke. illan aloh moñi vart'iniä kezriät, staraicet kiistah toižir'ke. kuožal'in heit'al'l'ät uglah vain šiksi aigazekši, kun noššetah lanzeih eiñin kadrel'ih. kizuallat — da tuaš kuožal'in i koppuat.

pühä'keššen ül'ci kezriät, šuwrekšipuhäksi kaikki kezrävözet lopetat. kezrät't'uöh šiiniä srazu vart'inöil'd'ä viipsit viipsinpuwloilla kuardoloiksi da korviksi. viwheššä on kümminen kuarduo, korvašša — viiži kuarduo. kergiew šuwřipuhä, niin mänt'iijä mi viwht'ä da korvua rippuw.

pid'aw varuštuacie kudomah. pereheššä l'iew pagina da tolkuinda, mid'ä rubiemma kudomah, kel'l'ä mišt'ä on häd'ä mid'ä pid'aw huoldua. kun kirjakkahaksi: pošt'el'nikkoih, pefeñnikkoih, paidoih varoin — niin pid'i painua laŕgat. mut't'uön otat kirjjan, muost'a vall'ičet i kruaskua. moñi viwht'ie painat t'amäualazekši, moñi — toizenualezekši. kuivuat laŕgat, šiid'ä viwht'il'öil'd'ä da korvilda kefinlawvoilla kefit tuwfikoilla. ühennägözet laŕgat — ühel'l'ä tuwfikalla, toizennägözet — toizella.

tuwfikoilda loimeksi varušsetuot laŕgat luondastuavoilla luot kaŕgahakši. konža ewle pit'kä kaŕgaš, on vähä šeiñiä, luwva on kebiembäñe, a kun on moñi šeiñiä, pit'kä kaŕgaš — šid'ä i kačo: ševot. ül'en pid'aw tarkazeh lugiel üheštä viwheštä l'iew üksä šeiñä loimekši — kai luve: mi viwht'ie, že i šeiñiä.

luondastuavoista piäššet't'uöh pid'aw aŕettua kuvondastuavoih. üksin ühöst'äh et aŕeta kaŕgašta, pid'aw ruadua kahen. kun šuaw kiärie kolodalla, panet laššat, tuot niijet. üksä üht'ial'd'ä päin andaw šiid'eh, toine vaššašša istuw da ottaw šiid'eh, a šiid'ä šiñ že rukah annat pirdah. kun šuaw pirdah ottua, niin jo eiñin kaŕgašta on aŕetettu. pirrašta rippujin rihmoin nokat šivot, petl'azih šud'iat dubinazen. niižil'öin nuorazet pannah rattahaziñ ül'ähäksi, a šukšin nuorazet šivot niižil'öih alahakši. panet šufjan, kiini't'ät kaŕgahan-allun dubinazen. vejäl'l'ät kudietuwrïkan, kiämit'ät kiämil'l'ä, panet kiämin šukkulazeh, iče istuočet tubaretkalla, talluat šukšella, šukkulazen otat käd'eh, zavod'iešša šanot: „algu kiäššä, loppu jumalašša“.

kaiken šuwrenpuhän vain šukkulañe huiskaw, kuin tamawtat kuduo, moñin kaŕgahin: ühen piäššät, toizen i aŕetat — piet't'amä-t'öin ruado äijähpäiväh šua.

stuavat heit'ät pert'ist'ä, noššat sarailla, ubefit pois kezäkši. pežet pert'in äijäkšipäiviä.

vallattavat šollet l'evit'ät haŕgella valguomah. kirjawašta vuat-tješta viil'et, mid'ä pid'aw, šiid'ä istuočet ikkunanrandah ombelomah. ombel'ima käžil'l'ä. ommellešša ol'i bul'üne.

nieglalla šollen piššäl'l'ät bul'uzen päihüöh, kannalla istuočet. vain rua: nieglašt'a vilawta da rihmašt'a riwho (l'ibo nieglašt'a pid'el'e, rihmašt'a ved'el'e).

№ 45. Пряденье льна и тканье

Всю жизнь в наших местах хорошо растет лен. Раньше много мы трудились с пряденьем и тканьем. Совсем маленькой девочкой сажали за прялку. Когда учишься — прядешь верховину (или кло-чанку), а потом и кудель, которую надо было прясть чуть потолще для утка, а затем уже и тонкое [прядешь]. Наши не давали прясть на сторону, все сами [пряли].

Взрослыми девушками на беседки ходили с прялками. За вечер несколько веретен напрядешь, стараешься обогнать, [больше] дру-гих [прясть]. Прялку поставишь в угол только на то времечко, когда пригласят на ланц или на кадрили. Потанцуешь — да и снова прялку возьмешь.

Весь мясоед прядешь, к великому посту все прядень(иц)е кон-чаешь. Спрявши, тут же сразу с веретен наматываешь на мотовила в пасмы и пятинны. В мотке десять пасм, в патине — пять пасм. На-ступит великий пост, так уже невесть сколько мотков и пятин висит.

Надо готовиться ткать. В семье начнется разговор и обсужде-ние, что будем ткать, кто в чем нуждается ('у кого в чем нужда'), что надо приготовить. Если ткать что-либо цветное ('если для цветного'): для постельников, передников, рубашек — то нитки надо было выкрасить. Какой выберешь рисунок, такую и краску под-берешь. Несколько мотков выкрасишь в один цвет ('такой-то цвет'), несколько — в другой цвет. Высушишь нитки, потом мотки и пя-тинны перематываешь на воровбах на тюрики. Одного цвета нитки — на один тюрик, другого цвета — на другой.

С тюриков приготовленные для основы нитки наснуешь на сно-валках в основу. Когда основа не длинная, мало стен, то сновать легче, а когда стен много, основа длинная — того и гляди запу-таешься. Надо очень внимательно [нити] считать. Из одного мотка будет одна стена для основы — вот и считай: сколько мотков, столько и стен.

Сняв из сновалок основу, надо навивать на ткацкий стан (или кросны). Одной-единёшеньке основы на стан не навить, надо ра-ботать вдвоем. Как удасться навить на колоду (или навой), вденешь лучинки, принесешь ниты. Одна с одной стороны в ниты подает, другая сидит напротив и принимает в ниты, а потом таким же об-разом подаешь в бёрдо. Как удасться наметать в бёрдо, так уже можно считать, что стан уже заправлен. Концы, висящие из бёрда, завязываешь, в петелькиставишь пруток (или затыкален). Ве-ревки от них пропускают сверху в блоки с котелками, а веревки подножек (или лыж) привяжешь к нитам снизу. Вложишь пришиву (или полотняный навой), прикрепишь [к нему] пруток начала основы полотна. Придвинешь [к себе] тюрик с утком, насучишь на цевки, вложишь цевку в челнок, сама сядешь на табурет, наступишь на лыжу, челнок возьмешь в руки и при начале скажешь: «Начало [у тебя] в руках, конец у бога».

Весь великий пост только челнок шьет, как ткешь-постукиваешь, по несколько кросен: одни освободишь, другие навиваешь — беспрерывная работа до [самой] пасхи.

Стан вынесешь из избы, поднимешь его на сарай, уберешь прочь на лето. Вмоешь избу к пасхе.

Холст для беления постелишь на наст белиться. Из крашеного холста накроишь, что нужно. Потом сядешь к окну шить. Шили мы руками. При шитье пользовались швейкой.

Иглой холст зацепишь за головку швейки, сядешь на сиденье. Только работай: за иголку потягивай да нитку подергивай (или иголку подерживай да ниточку потягивай).

Рыбкина Анна Ивановна (копоп i vašiha aŋŋi), 76 лет, дер. Пасмынок (puasinkoi) Спировского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 130/3).

№ 46

maŋjah kävel'iin... i üksinä ol'iin i narodanke ol'iin, ka. (mie muit'en mečcie en tunne). mie konža kod'ih l'ähen illalla — ka päiväst'ä müöt'en, a muit'en uöksüziin. a pimiell'ä päiväl'l'ä i uöksün. a nütten en rubie piäžömäh ni kuin, ni kunne maŋjah: piä on püörewd'unnun, t'erveh en ole. ennen käviin maŋjah nagole svečan taguah i t'iifinčän taguah must'ikkah, i gribah, i šieneh — kaikkuaue käviin, a nütten en rubie käwmäh. kai kaikki.

[— orgo t'änä kezänä marjua?].

— ew, sanotah, vähiin. ka t'änä vuona ew must'ikkua, buolua on vähäziin mečäššä... konža ruiš kergiew — i vavarno on zel'onarie. mančikkazet tože ka vašta l'äht'iet'äh, a must'ikat jo kazanskoista [21. VII] küpšet'äh.

№ 46

По ягоды ходила... и одна ходила, и с людьми была, вот. (Я иначе лесов не знаю). Я когда домой отправляюсь вечером — так по солнцу [нахожу дом], а иначе заблудилась бы. А в пасмурный день и заблужусь. Я теперь [в лес] не буду попадать никак, никуда по ягоды [не буду попадать]. Голова кружится, нездоровая я. Раньше все ходила по ягоды на Свечку [название урочища], и за [реку] Тифинку ходила за черникой, и за грибами [для сушки], и за солоникой [грибы для соленья], — всюду ходила, а теперь не буду ходить. Вот и все.

[— А ягоды есть в это лето?].

— Нет, говорят, мало. Вот в этом году нет черники. Брусники есть немножко в лесу... Когда рожь поспеет — и малина поспеет. Вот сейчас рожь зеленая — (вот) и малина зеленая. Земляничка тоже вот только пойдет, а черника вот уже к казанскому [21.VII] поспеет.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 8—9).

№ 47. mid'ä mell'ä paissetah

l'eibiä. illašta muijotukšeh ševotat, taiginan noššallat kiwguarannalla. uõn aloh taigina nowžow. aivokkazeh taiginan šotet. l'ammit'ät kiwguan, möwküt' vual'it. kiwguan rabieššat, havulla pūwhit puad'ien, labiella eiššät möwküt kiwguah. kakši čuasuo piet l'eibie kiwguášša i vejät poiš. piäl'uškorkan vejell'ä voijallat — l'eibä valmiš, jähul'd'aw — i l'eikkua.

kakkarua. kakkarua kagrašt'a l'ibo vehnäst'ä, šepäh ševotat illašta. huomenekšella vaštuat ševotukšen, kiwguan l'ammit'eššä — hiil'il'öil'l'ä rieht'il'äl'l'ä paissat. rieht'il'ä kiwguah čokit šiizimalla. mid'ä hoikembi kakkara — šid'ä parembi. kakkarua painetah painimeh. luajitah mařjapaininda, rahkapaininda, juablokkapaininda. painetah voh, kuofieh, ražvah, čagrah — ken mih.

olad'jua paissetah ozražešta šihže rukah, kuin i kakkarua, vain loziembah rieht'il'äl'l'ä valetah.

küržiä ševotetah ved'eh l'ibo pettoh, voit maidoh. ei panna ni šepiä, ni muijotušta. huomenekšella paissetah kuin i kakkarua, šuwväh painimevke.

obarnikkua — vehnäžeštä da ozražešta. niinže i boraškie.

kalakukkuo, gřibakukkuo, šienikukkuo, šuwrimakukkuo, luwkkakukkuo, marjakukkuo, šuolakukkuo paissetah rugehizešta jawhošta muijotukšeh.

paissetah pakšuo juablokkapiiruada, rahkapakšuo, kaštapakšuo (šuwřimašta), hernehpakšuo, mařjapakšuo. korkan luajitah ložiezen, l'eibätaiginasta noššetah.

kaštahienuo, rahkahienuo, juablokkahienuo piiruada paissetah. huomenekšella luajitah riešan tahakšen, piiruavärt'in'äl'l'ä sučitah hienon korkan, šiämen l'evit'et'äh, randazet tačotetah — i kiwguah. sučitah šul'cinua, šid'ä šuwväh pudroŋke.

paissetah möwküštä, luajitah kolobua.

paistua voiš, vain mišt'ä oiš. paissetah viel'ä keit'inniiraizie i skančua. keit'inniirua — sučittu korka, umbinaŋe, rahkašiämi.

skanča — šihže rukah, vain juablokkašiämi.

№ 47. Что у нас пекут

Хлеб. С вечера растворишь квашню на закваске, поставишь квашню на край печки. За ночь тесто ('квашня') поднимается. Раненько тесто замесишь. Затопишь печь, свалешь хлеба. Уберешь печку, помелом выметешь под, лопатой посадишь хлеба в печку. Два часа поддержишь хлеба в печи и вынешь. Верхнюю корку помажешь водой — хлеб готов, остынет — и режь.

Блины. Блины овсяные или пшеничные с вечера поставишь на дрожжах. Утром подобьешь замешенное, когда топится печь — на углях на сковороде печешь. Сковороду на угли ставишь сковородником. Чем тоньше блин — тем лучше. Блины макают в подболтку. Подболтку делают из ягод, из творога, картошки. Макают в масло, сметану, сало, в вытопки — кто во что.

Оладьи пекут из ячменной муки так же, как и блины, только потолще разливают на сковороду.

«Скородумки» растворяют на воде или пахте, можно и на молоке, но без дрожжей и закваски. Утром пекут, как и блины, едят с подболткой.

Кислопряжины — из пшеничной да ячменной муки. Так же пекут и баранки.

Пироги с рыбой, со свежими грибами, солеными грибами, с крупой, с луком, ягодами, с солью пекут из ржаной муки на закваске.

Пекут толстые пироги с картошкой, творогом, крупой, горохом [из гороховой муки], ягодами. Корку делают толстенную из теста, из квашни берут.

Пекут и тонкие пироги с крупой, творогом, картошкой. Утром приготавливают пресное тесто, скалкой наскуч тоненькую корку, накладывают начинку [на корку], края защипают — и в печку.

Скуч сканцы, их едят с кашей.

Пекут булочки, делают колобки.

Можно печь, было бы из чего мечь. Пекут еще пряженцы и сканцы. Пряженец — это со сканой коркой, закрытый, с творожной начинкой.

Сканцы — так же [пекут], только начинка из картошки.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, л. 88).

№ 48. kuin mi kivist'äw

1. piädä huimuaw; 2. kül'geh pist'äw; 3. šivut raippai; 4. vaččua nšiverd'äw; 5. uwtaw; 6. he'gipaikkua tuškuaw; 7. niska muw-rehtu; 8. jalgua šuonistaw; 9. kämmendä poroštaw; 10. ruana

vohottaw; 11. paizo t'ukkāw; 12. polvi pakottaw; 13. šil'mät čiiimissūt't'ih; 14. korvah pišt'āw; 15. korva vuodaw; 16. kūw'fel'et tullah; 17. šormet hulvai; 18. [aššundua] jallat potkai; 19. heŋgie šalbuaw; 20. ričokšen laškeih; 21. viganiŋe tartu; 22. prol'icalla otti; 23. tawven kierroštj; 24. [l'iekulla] vaččua kučuttaw; 25. tal-lain jial'l'ä — jallat koppai; 26. naba viäriin māni; 27. naban rač-kain; 18. suhotničat hieroin; 29. luwn složiin.

№ 48. Названия некоторых болезней ['как что болит']

1. Голову кружит; 2. В бок колет; 3. Поясница отнялась; 4. В животе «сверлит»; 5. Слабит ('живот подмывает'); 6. На сердце тоска; 7. Шея онемела; 8. Ногу сводит; 9. В ладони отдает (отбивает); 10. Рана саднит; 11. Опухоль нарывает ('дергает'); 12. Колено свербит; 13. Глаза сузились (от гноя); 14. В ухо колет; 15. Ухо течет; 16. Слезы идут; 17. Пальцы онемели; 18. [От долгой ходьбы] ноги отбило; 19. Дышать трудно ('дыхание запирает'); 20. Порчу напустили; 21. Порча пристала; 22. Параличом разбило ('взяло'); 23. Болезнь заворожил; 24. [На качелях] дух захватывает ('в животе щекочет'); 25. Наступил на лед — ноги подхватило; 26. Пуп надорвался; 27. Пуп выправил ('хрустнул'); 28. Сухотку растер; 29. Кость вправил.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 98—99).

№ 49. kuin siäd'ä šanotah

1. siähüt kuin rieška maidoŋe.	11. uōkajoš, t'äht'ie t'āwži taivaš.
2. šiä t'ūw'ni, tuwl'i ei hol'ni.	12. kuwdoma helhottaw, vain hal-lua ei l'ieniiš, a to ogurčat kibriw.
3. vihmuw, kuin korvošta kua-daw.	13. vilu, pakkaŋe pawgaw, kuin kur'ikalla šeiñiä pawvut-taw.
4. kaiken päivän čihmerd'āw vihmuo.	14. tuwl'i virguw, puwt humissah.
5. kaiken päivän unettaw.	15. tuwl'i ulvow, puwt račketah.
6. katoksista vajattaw.	16. lunda l'ennätt'el'ow.
7. ul'či päivän powda.	17. lunda laškow.
8. čirottaw.	18. powrūow, dorogua umbuaw, jal'gie kattaw.
9. tuwl'i dorogalla peskuo püö-rit't'āw.	
10. huomnekšen päiväst'ä peit't'e-l'ow, puol'ista päivie kunneigi kiänd'aw: powvistuw l'ibo vih-man luad'iw.	

19. piĥalla muoĥe kut'ermo — šil'-mie et avua.
 20. huonehih jogo ragoh lunda kut'tiw.
 21. doroga on umbi.
 22. t'iwĥkuowjogoragozent'äwven lunda.
 23. tuwlennienä proid'i.

№ 49. Как называют явления природы

1. Погода, как свеженькое мо- лочко.	цы морозом прихватит (‘прикрутит’).
2. Погода тихая, ветер не ше- лохнет.	13. Холодно, мороз стучит, как тохмачом [колотушкой] по стенам колотит.
3. Дождь льет как из ушата.	14. Ветер свистит, деревья шумят.
4. Весь день моросит дождь.	15. Ветер воет, деревья скрипят.
5. Целый день погода хмурая.	16. Снег летит (‘полетывает’).
6. С крыш течет.	17. Снег идет (‘снег пускает’).
7. Целый день вёдро.	18. Буранит, дорогу заносит, сле- ды заносит (‘кроет’).
8. Солнце печет.	
9. Ветер по дороге песок кружит.	19. На улице такая кутерьма — глаз не откроешь.
10. Все утро солнце закрывает тучами, с полдня куда- нибудь да повернет: на вёдро или дождь.	20. В помещение в каждую ще- лочку снегу надует.
11. Ночь ясная, небо в звездах (‘звезд полное небо’).	21. Дорога занесена.
12. Луна светит, лишь бы замо- розка не стало, а то огур-	22. Снегу наметает полные щели. 23. Вихорь (‘ветренный нос’) про- шел.

Смородова Александра Яковлевна (hukan saša), 54 года, дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 150—164).

№ 50. kuin miän tiälä iänel'ä it'kiet'äh, luvetelläh pokolniekalla (rod it'elalla, kuolluolla)¹²

zavod'ingo mie viehät't'el'ömäh
 omalla armahalla rod it'el'azella
 häil'l'ä igävil'l'ä minuwttažilla,
 rubieŋgo vielä luvettelomah
 kallehella omalla imet't'äjäzel'l'ä,
 šulašana armaštel'ijazella.

¹² mie kat't'i-čikolla luvettel'in i mamalla, a jeholla en luvetellun šanotah, muzikkua on riähkä it'kie. (Объяснение плакальщицы).

priimiečen jāl'lekkäzeh sanelomah
kallehella miwn noštajazella,
vuat't'ijalla i kengit't'äjäzel'l'ä,
kargeida küwnel'üzie valuttelomah
näil'l'ä abeilla čuasuzilla
kallehella ihanalla imet't'äjäzel'l'ä,
tuškazie heŋgel'd'ä heŋgäht'el'ömäh.

oh, paššibo t'eil'ä, miwn armahat omazet
i šulašana sušiedazet,
kun t'üö kualel'ija näikši pimeikši ildazikši,
kallehikši panafiida-aigazikši
miwŋke viehät't'el'ömäh
kallehie šünd'üzie,
miwŋke lawlelomah
kallehie st'iihuzie.

oh, kal'l'is rod'it'el'azeŋi,
miwn vara vaibun vardaložeŋi!
i, možot, t'üö näil'l'ä kallehilla st'iihuzilla
i haššuttel'ija miwn ihalan imet't'äjäzen,
kallehen rod'it'el'äzen hel'ied'ä heŋgüt't'ä.

oh, paššibo t'eil'ä, armahat omazet
i šulašana sušiedazet!
l'ieŋöwgo vä'l'ennet't'ü miän rod'it'el'äzen,
miän ihanan imet't'äjäzen,
näikši kallehikši panafiida-aigazikši
kallehet taivahal'izet šünd'üzet!

oh, kal'l'is rod'it'el'azeŋi,
ihala imet't'äjäžeŋi,
vara vaibun vardaložeŋi!
t'üö miwn kalleh'et ihanat ijät'et't'üzet!
ett'ägo voinnun t'äššä tunnušsella
omua kal'l'ista armošt'a?
eigo vain nüt näil'l'ä igävil'l'ä aigazilla
hiän kierät't'el'iečennün t'iaŋ nägüvil'l'ä?

oh, t'üö miwn ihanat ijät'et't'üzet,
tunnušselgua omua kal'l'is't'a rod'it'el'ua!
eigo kallehet šünd'üzet armaššeld u
miän ihalua imet't'äjäst'ä,
kal'l'ista miän rod'it'el'as't'ä
t'ädä varua vaibunnutta vardalos't'a
kier'ät't'el'iečömäh omih kallehih uglazih,
kier'ät't'el'iečömäh ümbär'i kallehista santariz'ista
viel'ä ümbäri ris'sit'et't'ül'öist'ä rist'ikanžazista?

oh, kal'l'is rod'it'el'azeñi,
ihala imet't'äjäzeñi,
vara vaibun vardalozeñi!
kuwl'ie šie, miwn kal'l'is mainittavazeñi!
možot en mie šigäl'i varušsellun
näid'ä kallehie panafiida-aigazie?
možot en lunnašsellun näid'ä muiššinverozie?
možot šie vain kiefät't'el'iečet
igävil'l'ä ikkunaluštažilla
da viel'ä igävil'l'ä laštupihazilla?

oh, kal'l'is rod'it'el'azeñi,
kaikešta miwn igäwdünnüöstä šiäналашта
viehät't'el'en šiwla:
kuwl'ie šie, miwn kal'l'is rod'it'el'azeñi!
mie huodel'iin nämä muiššinmurginazet
vähist'ä vägüžist'ä,
kualattel'iin šulašana sušiedazet
omista hüvüžist'ä
lawlattel'iin panafiidazet
ükšist'ä puoluzist'ä.

oh, šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeñi,
ihala imet't'äjäzeñe,
vara vaibun vardaloñe!
l'ieññowgo oldu šiwlaš vaigiet
nämä vaivundakerdazet,
erotešša väl'l'äštä valgiešta valdijmašta
pit'in igäžin viet't'üöh?
viel'ä mie, igäwdünnün ihoñe,
küžal'd'äzin šiwlđa, miwn ihala imet't'äjäzeñi,
kal'l'is rod'it'el'azeñi,
vara vaibun vardalozeñi:
i l'iennetgo šie naživinnun iččiel'l'äs
hüvät tuonilmal'lizet
valgiezet i l'ämbümäzet sijazet,
ñe ñokattomazet i loppumattomazet eloagazet?
i l'iennetgo šie šel'l'it't'änñün ñe vekovečnoit
i beskonečnoit dorogazet?

oh, šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeñi,
šie miwn kal'l'is ihala imet't'äjäzeñi!
l'iennetgo maltellun šie igävil'l'ä aigazilla
kibunalažilla magavošijazilla
tuškedunnuzella šiänalalla
ruguo'l'en pakota kaikenualazet proskeñiezet

kallehilda taivahal'l'izilda šund'uzil'd'a,
viel'a armahilda ijt'et't'uzil'd'a
i kaikilda omahizilda,
i šulašana susiedazilda?

oh, šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeņi,
ihala imet't'ajazeņi,
vara vaibun vardaložeņi!
eruol'iitgo šie šuwrista i pieņist'a
nāgūvāzist'a i nāgūmāt't'omist'a
šuwren valgien valdilman
kaikenualažista fiāhist'a,
šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeņi?
viel'a prost'iečitgo šie
pād'ovāzeštā pāivāzeštā,
l'iikkujista tuwlužista
i eist'ujist'a valdilman pil'vūzist'a
i l'iivanista l'indužista l'eņd'ajist'a?

oh, šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeņi,
šie miwn armaš vaibun vardaloņel
konža otettih šiwn
kallehet taivahal'l'izet anhel'izet
kakšista kāzipuol'iskožista
i šuateldih šiwn armahin šuwrin šund'uzin ed'eh,
vied'ih šuwrih kallehih doprossužih,
miwn kal'l'is rod'it'el'azeņi,
i viel'ago l'iennōw šuannun šiwla
mūt't'uōt otviettazet andua kallehilla
taivahal'l'izilla šund'uzil'l'a.

oh, šie, miwn kal'l'is rod'it'el'azeņi,
armaš ihala imet't'ajazeņi,
vaibunnun vardaložeņi!
tulguakko t'uō miwn ihalat ijt'ett'ūzet,
kerāwd'ukkiākkō t'uō, miwn armahat šiānsizāruōt,
kerrikkiākkō t'uō, miwn viekkahat veikkozet!
ei meil'a pid'āis nāil'l'a igāvil'l'a kolmilla suwtkazilla
omie šil'mie kuivual'l'a,
vain pid'āis iānel'l'a omua abieda viehāt'el'l'a
da viel'a l'ubuija miān kallehen rod'it'el'azen
šomua ihošt'a.

on kerrinnuōt eravoigazet!
armaššelgo jāl'gimāzet minuwttazet
omua ihalua imet't'ajāst'a,
vaibunnutta vardalošt'a,
kal'l'ista rod'it'el'ast'a!

№ 50. Как наши здесь голосят, причитывают по покойнику
(по родителям)¹³

[Вот] начну ли я причитывать
по своему милому родителюшке
в эти печальные минуточки,
буду ли я еще причитывать
по дорогой своей матушке ('кормилице грудью'),
ласковыми словами ласкательнице.
Примусь-ка я по порядочку рассказывать
дорогой вырастившей меня,
одевавшей меня и обувавшей,
горькие слезыньки ронять буду
в эти печальные часы
по дорогой светлой кормилице,
о тоске я на своем сердце поведаю.

Ох, спасибо вам, милая родня
и ласковые на слова соседушки,
как вы пришли ('побрели') в эти темные вечерушки
на дорогое время панихидушки,
со мной петь хвалу
дорогим пресвятым,
со мною распевать
дорогие молитвы ('стихи').

Ох, дорогая родительница,
моя милая новопреставленница ('усталый стан')!
И, может быть, вы этими дорогими стихами
порадуете мою милую кормилицу
дорогой родительницы чистое сердечушко.

Ох, спасибо вам, милые родные
и ласковые соседушки!
Отпустили, может быть, мою родительницу,
нашу ласковую кормилицу,
на эти дорогие часы панихидушки
дорогие всевышние пресвятые.

Ох, дорогая родительница,
ласковая кормилица,
дорогая новопреставленная!
Вы мои дорогие, милые детушки ('взращенные'),
не смогли ли вы здесь узнать в лицо

¹³ Я причитывала по Катти-чикко [«чикко» называют сестру, а также всех старше себя женщин] и по матери причитывала, а по [мужу] Ефиму нет: говорят, причитывать по мужу грех. (Объяснение плакальщицы).

свою дорогую любимицу?
Не в эти ли печальные минуточки
металась она на виду у вас?

Ох, вы мои милые детушки,
посмотрите ('узнавайте') на свою дорогую покой-
ную матушку,
не приголубили ли ее дорогие пресвятые,
нашу ласковую кормилицу,
милую нашу родительницу,
эту дорогую новопреставленную,
не вернули ли ее в свои дорогие уголки,
побыть около дорогих псалтырей,
да еще около крещеных людей?

Ох, ты дорогая родительница,
моя милая кормилица,
дорогая новопреставленная.
Послушай-ка ты, моя ласкаемая!
Может быть, не так я подготовила
эти дорогие панихидушки,
может быть не выкупила я поминальные угощения?
Может быть, ты возвратилась
под окна наши печальные,
да еще на печальные улочки с щепками?

Ох, дорогая моя родительница,
от всего моего стосковавшегося сердечушка
поведываю тебе я:
послушай-ка ты, моя родительница!
Я приготовила это поминальное угощенье
при своей бедности ('от скудных сил своих'),
приглашала своих ласковых соседкушек
на свои скудные средства,
одна справляла панихиду,
без помощи кого-либо.

Ох, ты моя дорогая родительница,
ясная моя кормилица,
дорогая моя новопреставленная!
Тяжелы ли были тебе
эти минуты расставания,
уходя с вольного света белого,
прожив долгую свою жизнь?
Еще я, многопечальная,
хотела бы спросить у тебя, дорогая кормилица,
милая моя родительница,

дорогая новопреставленница:
и заслужила ли ты себе
хорошее потустороннее
светлое и теплое местечко,
на те бесконечные и нескончаемые времена?
И выяснила ли ты те вековые
и бесконечные дороженьки?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя милая матушка,
сумела ли ты в то печальное времечко
на больной постелюшке
со своим горестным сердечушком,
умоляя, просить всевозможное прощеньице
у дорогих небесных пресвятых,
да еще у всех своих родных детушек,
и у всей родни,
и у ласковых соседушек?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя ласковая матушка,
дорогая новопреставленная!
Расставалась ли ты с большими и малыми,
видимыми и невидимыми
этого большого белого света
всякими грехами,
ты моя дорогая родительница?
Еще простилась ли ты
с ласковым солнышком,
дующими ветерками,
плывущими по небу тученьками белого света
и с птицами небесными ('парящими')?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя милая усопшая новопреставленная!
Когда брали тебя
дорогие небесные ангелочки
под обе рученьки
и повели тебя к пресвятым,
повели тебя на большой допрос,
моя дорогая родительница,
и смогла ли ты еще
какие ответы давать дорогим
небесным пресвятым?

Ох, ты дорогая моя родительница,
дорогая светлая кормилица

новопреставленная!
 Подойдите-ка вы, мои дорогие детушки,
 пособирайтесь-ка вы, мои дорогие сердечные
 сестреночки,
 поуспейте-ка прийти, мои милые братушки!
 Не надо бы нам в эти печальные трое суток
 дать своим слезам высохнуть,
 только надо бы вслух о своей печали голосить
 и еще любоваться нашей родительницей
 красивым личиком.

Настало времечко расставания!
 Поласкаем последние минуточки
 свою ласковую матушку
 новопреставленную,
 дорогую нашу родительницу.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записали
 Д. И. Макарова и Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50,
 лл. 80—84).

№ 51. lapšln viržlzie

1. kizizen-b'izizen, el'ä mäne t'imola h: t'imon-akka kowkulla, iče t'imo möwku'l'l'ä, lapšet lačakat, vačat pul'čakat, lawčan alda ajetah.	6. vihmuw, valaw, papin pino palaw.
2. roštuo — nowštuoh, šil'min peštüh, kakkara käd'eh voiluatka ed'eh.	7. d'edo, d'edo, makša vedo: tullah strážat, müwväh važat.
3. i v a, kuva, talta, ei ni mid'ä malta.	8. čironē-čoronē, tule miän pihalla. šuöt'an, juotan, skammizella issutan, šillan korvašša l'ebäw't'an, goran alla šuatan, ruwčan tagah ehät'an, kandozella šeizatan, veřejän šagaralda kačahan, jäl'l'est'i muhahan.
5. uinuo, uinuo, šil'mäne, el'ä kuwle korvaē.	9. ukko, akka el'et't'ih, širomiätt'ie vejett'ih.

siromiät'ti lopni,
ukko akkua tropni.

10. — vaša vel'i, vara vel'i,
val'ašsuakko hebohut,
ul'či kul'an čurahamma,
omua immuo kačahamma.
— mid'a immo ruadaw?
— šulkuplat'jua ombelow,

nieglašt'a pid'el'ow,
rihmašt'a ved'el'ow,
ikkunah kačahtelow.
ubehuon müö piet'ämmä,
oman immon issutamma,
poikki pellon ajallamma.

11. šuarnua-vuarnua,
kiberiä kowkkuo,
l'ungia l'eppiä,
palavua šeppiä.

12. ukši kakši — kačielakši,
kolme, nel'ä — veñiäl'äkši,
viizi, kuwzi — nuat'ti uwzi.

13. l'iekulla l'iedžuttaw,
vaččua kučuttaw.
harakka hačattaw,
milma pagawttaw,
kaikki šubi muissan,
piäl'l'a puissan.

14. ukko jüräht'aw,
mua šäräht'aw,
tulda räiškiäw,
ked'a präiškiäm?

15. pei-pe, pežošt'a,
muñi kana jäičäšt'ä:
t'al'l'a ando, tuolla ando,
šil'l'a ei dostuaniečen.

16. baju-baju, poijašt'a,
vowšo joi šomašt'a;
sadujuablokašt'a,
viisenja marjašt'a,
smorod'ina šil'mäšt'ä,
kružownikka čukašt'a.

17. baba lašta bajuttaw,
jallalla kät'ut't'a l'ekuttaw,
pid'aw kahella kiäl'l'a
da kaikella viäl'l'a.

18. pei-pe, pežošt'a
keššel'l'a l'ežošt'a.
l'indažissa — l'indu-
žissa.
šalošša — maložissa,
kočkašša — dañožissa,
osoššalla — kuwkol-
kašša,
puašinkoissa — puw-
šorkašša,
kaškipuwsalla — ma-
ničašša,
prudovoilla — dani-
čašša,
hallalla — prešnakaš-
ša,
kutuwzovašša — ruoč-
čilašša.

19. vihmuw, valaw,
t'epon-akka palaw,
stanovoi koččiw,
stuarosta ajaw poččie,
hiiri ved'aw kakkarua,
kaži ved'aw hattarua.

20. čirku-čirku čirajaw,
cirku viluo varajaw.

21. lapsella l'äht'iet'äh maidohambahazet, šijah kažvetah
l'eibähambahat. l'ekkujan hambahazen riwhtuallat keksimät't'ä,
annat lapsella i kässet piästä piäl'ičči kiwgualla luwva, luwvešša
šanuo:

„hiirel'l'a puwhiñe,
miwla luwhiñe“.

22. buwgannow lapši očcazen lawccah, molotkazella bal'l'annow omuadah šormutta, šatattannow jalgazen — pid'aw puhuo kibuzua kohašt'a da luvetella nāin:

„hiirel'l'ā kivist'akkāh,
lapšella parekkah:
iānikšüöl'l'ā kivist'akkāh,
lapšella parekkah,
hukkazella kivist'akkāh,
lapšella parekkah!“.
i parenow.

23. kun lapši it'kennōw üöl'l'ā, niin hil'l'akkazeh nowže, unetta-iānet't'ā ota omaš vüö, pane kakšiŋkerroin, ožualdele i jogo kerdua šano:

„perran šilma vüöl'l'ā —
magua lapši üöl'l'ā“. .
alewduw dai uinuow.

24. kun lapši ül'eht'unnōw, ei kuwnnelle šanua, pid'aw ottua kolme ühekšiä varvas't'a vaššašta, ožual'l'a i šanuo:

„ana hüviä hajuo,
ana hüviä miel'd'ä,
avua korvat,
kuwle šana!“.

25. kuin baba armaštelow vunukas't'a:

1. šüöt't'ia-lapšut; 2. baban päd'öväne päivāne; 3. l'iivaš l'indu-
ne; l'iipukkaŋe; 4. kal'l'is kannettuŋe; 5. kul'l'ittu kuldaŋe; 6. aino-
vaŋe armahaŋe; 7. baban taivaškivitahkoŋe; 8. kal'l'is taimenut;
9. andawgože baba omalla vunukkazella pučcie, pipie, päppiä, an-
daw juwva ummua, šuaw palavua maŋnie; pruažniekakši ombelow
baba uwven pupun.

№ 51. Образцы детского фольклора

1. Кошечка, кисынька,
не ходи в дом Тимо:
жена Тимо ('Тимофеиха') [даст] кочергой,
сам Тимофей — ковригой,
дети у них низкорослые ('плоские'),
животы раздувшиеся,
из-под лавки тебя выгонят.
2. В рождество встанешь ('встав'),
когда умоешься ('умыв глаза'),
блин [берешь] в руки,
латку с маслом [ставишь] перед собой.

3. Иван — что колодка ('долото'),
ничего не мыслит ('понимает'),
[Дразнилка].
4. Парень — что барин,
нос как фонарик ('фонарь'),
[Дразнилка].
5. Спи, усни, закрой глазки ('усни глазок'),
закрой ушки ('ушко') и не слышь. [Байка].
6. Дождик, дождик, лей, лей ('дождик льет'),
поповскую поленницу залей ('поленница попа
горит').
7. Дедушка, дедушка,
плати скорее подати,
[а то] придут стражники
[и] продадут телят.
8. Солнышко, солнышко,
приходи на нашу улицу,
накормлю, напою,
на скамеечку посажу,
около моста дам отдохнуть,
под горку проведу,
через ручей перетащу,
на пенечек поставлю,
с ворот ('с петель ворот') посмотрю,
вслед улыбнусь.
9. Дед, баба жили,
сыромять тянули.
Сыромять лопнула,
старик старуху хлопнул.
10. — Вася брат, милый брат,
запряги-ка лошадку.
Вдоль деревни прокатимся,
свою крестную посмотрим.
— Что крестная делает?
— Шелковое платье шьет,
итолочку держит,
ниточку дергает,
в окошко посматривает.
Жеребца мы остановим,
свою крестную посадим,
через поле прокатимся.
11. Сказка-присказка,
кривая кочерга.
Кривая ольха,
Горячие дрожжи. [Присказка].

12. Один, два — по-карельски,
Три, четыре — по-русски,
Пять, шесть — недоваренные щи [из зеленой
капусты, хряпы]. [Считалка].
13. На качелях качаешься:
в животе щекочет,
сорока стрекочет,
меня развлекает,
все до единого помню,
головой мотаю [качаю].
14. Гром загремит,
земля задрожит,
молния сверкнет,
кого-то хлестнет.
15. Гне-гне, гнездышко,
курочка снесла яичко:
этому дала, тому дала,
этому не осталось.
16. Баю-баю сыночка,
очень красивенького:
[как] яблочко из садика,
[как] ягодка вишневым,
глаза [как] смородинки,
ротик [как] крыжовничек.
17. Бабушка дитяtko баюкает,
ножкой люльку качает,
держит двумя руками
и всеми силами.
18. Гне-гне, гнездышко,
посередине деревни Лежо,
в Линдине — у Птичкиных,
в Шало — у Малоевых,
в Кочке — у Даниловых,
в Ососье — у Куколковых,
в Пасынках — у Деревянной ноги,
в Малом Нивище — у Маничевых,
в Прудовке — у Даничевых,
в Морозовке — у Пресняковых,
в Кутузове — у Шведовых.
19. Дождик льет,
жена Степана горит,
становой прыгает,
староста свинью гонит.

мышь тащит блин,
кошка тащит портянку.

20. Воробей-воробушко чирикает,
воробей холода боится.

21. Когда у ребенка выпадают молочные зубки, на место вырастут постоянные ('хлебные') зубы. Шатающийся зубок незаметно для ребенка выдернешь, дашь ребенку и велишь ему через голову выбросить на печку, бросая, сказать:

«Пусть у мыши [вырастет деревянный],
у меня костяной».

22. Если ребенок стукнется лобиком об лавку, молоточком ударит по своему пальчику, ножку ушибет — надо дуть на больное местечко и приговаривать так:

«Пусть у мыши болит,
у ребенка пусть поправится,
у зайчика пусть болит,
у ребеночка пусть поправится,
у волчонка пусть болит,
у ребенка пусть поправится!».
И поправится.

23. Если ребенок плачет по ночам, то тихонечко встань, без единого слова ('без сна, без голоса') возьми свой пояс, сложи дважды, постегивай и каждый раз приговаривай:

«Бью тебя поясом —
спи ребенок по ночам».
Утихнет и уснет.

24. Если ребенок расшалится, не слушает слова, надо взять три раза по девять веточек из веника, похлестывать ребенка и приговаривать:

«Дай хорошего ума,
дай хорошего разума,
слушай слово, открой уши».

25. Как бабушка ласкает внука [или внучку]:

1. Кормилец-дитятко. 2. Бабушкино милое солнышко. 3. Летающая пташка, бабочка. 4. Дорогой выношенный [в утробе]. 5. Позолоченное золотце. 6. Единственный милый. 7. Бабушкино небесное каменное точилушко. 8. Дорогой рассадушко. 9. Даст бабушка своему внуку кашку, пирожка, хлебушко, даст попить водички, даст горячего молочка; к праздничку сошьет бабушка новую рубашку.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записали Д. И. Макарова и Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 19 и след.).

№ 52. poslovičat

1. aigañe l'induñe jo ñokašt'a
puwhkiw, müöhäñe vašta
keruo avual'ow.
2. aigañe müöhäzel'lä ei heit'-
t'iače.
3. bohatalla i kukko muñiw.
4. broñi nagol'e kohtj l'en-
d'aw, da kod'ih uökši ei
kergie.
5. d'engalla ožua et ošša.
6. d'engalla vain tuattuo da
muamuo et ošša.
7. d'engašta i howketah.
8. d'enga ei jogohizella pūžu.
9. d'ieļa ei makša ni palan-
nutta groššua.
10. dorogalla šeizo — dorogua
kužu.
11. duaroin i bajafi makkuralla
ei nowže.
12. ed'emmäkši rabieššat — l'ä-
hembiaďä otat.
13. ei igiä el'ia — igä muistua.
14. ei ihuo illašt'ua, eigo var-
daluo val'l'aštua.
15. ei küžut'a: val'iaŋgo luajit-
tijh, küžut'ah: ken luad'i.
16. ei nagol'e kazilla kakka-
rua, popad'iw i kolahušta.
17. ei nimi miestä riko.
18. ei pie howkkua d'iažñie.
19. el'a ihaššu enzimäšt'a hü-
vut't'a, el'a põll'äššü enzi-
mäšt'a pahutta.
20. el'a jalgoih jät'a da vorua
fiähkih kavota.
21. ei mua, a vuoži eiñehen
kazvattaw.
22. el'a luaji aijašt'a enñen va-
žast'a.
23. el'a luo kül'männüöl'l'a nä-
völ'l'a lunda.
24. el'amät'öin — tied'amät'öin.
25. el'a opašša ut'ua uimah.
26. el'a varaja kuol'eida, va-
raja el'avie.
27. emänd'ä on künzil'oišt'a
kül'l'äñe.
28. enzimäñe ostuwda on pa-
rembi jäl'gimäšt'a.
29. eruot päiväkši — prost'ieče
ijäkši.
30. kərbäzie et tapannalla ota.
31. et t'ijjä, nin kiwguaalla is-
sut, t'ijjät — nin dorogua
müöt' hüppiät.
32. et t'awt'a šuannalla, pid'aw
t'awt't'ia piennäl'l'a.
33. ew kaikilla üksī šomuš,
kaikilla on üksī nuoruš.
34. ew kaikki puwt mečäššä
ühenmuožet, ei što rahvaš.
35. ewle pahutta pakuonnašta,
omalla kiäl'l'a el'a ota.
36. ewle šid'a miehüt't'a, ken
ottais iččieh vierüt't'a.
37. ew omah šuwh šul'gijäšt'a.
38. ew šid'a puwhutta mečäššä,
kumbazella l'indu ei issu,
ew šid'a rist'ikanžua mual-
la, kumbazella ew
gořua.
39. ew šiid'a fiähkä, mi šuwh
mänöw, on šiid'a fiähkä,
mi šuwšta l'aht'ow.
40. ew žen verdua muan
piäl'l'a, mi on muan alla.
41. gazietta ew azietta.
42. grožija grožiw, a el'ajä
el'aw.
43. gul'uñe ei kezriä, ei kuvo,
a vuatteissa on sulkuzissa.
44. hairahuš ew viärüš.

45. härvoissa kobrisse d'enga šormiloista l'äbi uid'iw.
46. hawkkujua on, armaštajua ew.
47. howkka i ze hüvān t'ie-d'āw.
48. howkalla hajuo et ana.
49. howkka on nagol'e l'ōw-d'ān.
50. howkalla valehella ei šua.
51. huigie ew muigie i šil'mie ei l'eikkua.
52. humala prawvan šanow.
53. huomenel'l'ine iče huolen pid'āw.
54. huomneščironē ei l'ammit't'ān, niin ildacirolla ew konža (toizičči miehell'ā mänenda).
55. huwl'i pakšu, niin vačča hoikka.
56. hüviä lašta ei pie pergua, pahua i perrannalla et otā.
57. hüviä viikon muissat, pahua — ni konža et unāna.
58. hüvä — da vieraš, pahā — da oma.
59. hüvä mel'l'icčāne, da piet'tū.
60. hüvä šana, da kuin ših koh i šanottu.
61. hād'uš tulcw paraščoppeh, niin ei šua ovenšuw haju.
62. hād'āhizen šuw muhahtaw, l'āzijān — ei.
63. hād'āwd'ūn on howkka.
64. hānen l'āzimine — miwn t'ervehūs [ūhenmuozet].
65. hānen siännūnnān t'āh meil'ā l'eibākeskie ei l'iene.
66. iče i huolešša, vain omah oččah tuwlomah rubiew.
67. iemmā merd'ā kalah ei pie männä.
68. igā el'et't'āw ew poikki pel-lon projittava.
69. igā el'ā, igā i opassu-

70. igās hukkuu, i šuot'ā, hiān nagolē meččāh kacčow.
71. igās peziēce — vet't'ā val-giēmbi et l'iene.
72. ijäksi ni mid'ā et varušša.
73. i kullašta l'äbi kūwnel'tip-puw.
74. i pada puar'ken čul'kiāčōw.
75. izāndā ei olle kod'ih päin, niin labiella i' roiččow, a kuin emānd'ā. — niin met-lalla i pūwhkiw.
76. izānnāt't'ā i kod't' širo't'ina.
77. jogohizella on ukši piä ol-gupšil't'ā.
78. jogo takošša onat i gorat.
79. jumalan nuorāne on kol-mekerdāne.
80. jūgie on d'engua šuaha, kahta jūgiēmbi on pid'ā.
81. kagraē — da gošt'ina.
82. kakši kukkuo ūhell'ā tua-hitukulla ei mahuta.
83. kala huoviš, l'iem i šid'ā ei makša.
84. kannmuo hüviä hüvūt'en, palvuo pahua pahuten.
85. kana ew žilvatta, rosad-niekkā ew huonehuš, da jo i privuala ew mužikka.
86. kannettu veži kaivošša ei pužu.
87. kažie el'ā pane kalua var-deimah.
88. kazi issunnalla ottaw.
89. kažilla kiza — hiirel't'ā toži.
90. kawniš velga makšuan.
91. kel't'ā kiāšša, šil't'ā i kār-žāšša.
92. kel't'ā mi kivišt'āw, ze šid'ā i kuottelow.
93. kel't'ā on nerošt'ā, on šil't'ā i elost'ā.
94. kel't'ā pialakka kizuaw, ze puolella vial't'ā el'āw.
95. ken elošša, ze i huolešša.

96. kenen voi puašša, šil'l'a i huol'i piäššä.
97. ken l'eibiä šuōw, a ked'a i l'eibä.
98. ken mid'a eččiw, žen i šuaw.
99. ken on boikoi šuōmäh, muone i ruadamah.
100. kerda šanuo da igä mui-stua.
101. ken ševotti, že i šel'l'it'-t'aw.
102. ken toizella awttaw, že iččiel'l'a l'iziäw.
103. kiel'i l'ibie, nin el'iä kebie.
104. koirä hawkkuw — tuwl'i kandaw.
105. koissa i šeinät awtetah.
106. koissa i šeinät voissa, muw-valla — puolet aigua kui-valla.
107. koldunaw kod'i ei korgene.
108. kondje ni konža ei pezieče, a händ'a kalkan varatah.
109. kondje on vägövä, da rišt'ikanžua varajaw.
110. krid'izižä puw viikomman šeizow.
111. kugal'i katetta, šigäl'i i jalgoja oijenna.
112. kuin el'ät, niin i kuwlut.
113. kuiva lužikka i šuwn fevit'-t'aw.
114. kulda revušta tunduw.
115. kumbaŋe kebiel'd'i tulow, že kebiel'd'i i uid'iw.
116. kumbaŋe l'ehmä hävii, nin že voina i l'üpši.
117. kummašt'a šormie i pure: uhen äijuöl'd'i kivist'aw.
118. kun brihaŋe sünd'uw, niin uheksäl'l'a pihalla laštuzet ihaštutah: toizeh koh hiät luokšiw.
119. kuŋi avokero kaččel'ječow, šini ownas ongurdaw.
120. kuŋi igiä — šini t'ervehütt'a.
121. kuŋi jalgaŋe kapsaw, šini šuwhut napsaw.
122. kun lapselda tuatto kuolow, l'iew puol'it'iekseh širočina, a kun muamo kuolow — niin unääh širočina.
123. kunne kurgi i l'eŋnä: uhethavut ruwvaksi.
124. kunne üt — šinnei unet.
125. küven i kül'an viŋit't'aw.
126. kül'l'aŋe näl'gähizel'l'a ewtovarissa.
127. kül'l'äst'a on huvä bergoija.
128. küngä l'äššä, da et pure.
129. käži kät't'a pežow.
130. kewhän velga ei viikokši.
131. laisan regi ei jia ved'amät't'a.
132. laiska ruaduo varajaw.
133. lapšen tokkua i nänkal'l'a nokkua.
134. lapšet kažvetah — i huolet kažvetah.
135. lapšie da kažiloida et muanita.
136. l'eččimät'öin kibu janduw.
137. l'eppä l'epäššä vigua nägöw.
138. l'iiga l'ikkujalla.
139. l'innašša kaikki hinnašša.
140. l'ävän verejän šalbuat — mieron šuwda et.
141. luwn luona l'iha magiemi.
142. luwn piäl'l'a l'iha kažvaw.
143. l'ümmüt'a rawdua, kuŋi on kuhma.
144. l'ähet muwvalda äijiä šuamah, koista eŋämän kavotat.
145. magavolla keguo et nošša.
146. maguajalla — pielušta.
147. mid'a muwt, šid'a i avošuwt.
148. mid'a pl'äčöt'ät, šid'a i näčöt'ät.
149. mieron šuwda et šalbua.
150. mierošša kuin mereššä: kaikkie on.

151. mieš — da i miel'i, l'indu — da i kiel'i.
152. mi humalatta miel'el'l'ä, že humalašša kiel'el'l'ä.
153. miñña on mierošta otet-tava: mit'uš popad'iw.
154. miššä hoikka — šiid'ä i poikki.
155. mualla pid'aw el'jä muan rukah, ei nin mualda pois.
156. muamolla lapšet ewlla armahat šomuten, ollah armahat omuten.
157. muamon vičča villañe.
158. muamo poigua žal'eiješša it'kōw, kuin jogi virduaw; čikko vell'ie — kuin ruwčča pagenow; naiñe mužikkua — kuin kašše heit't'iščōw.
159. mužikašta ed'izeh eruot harpawkšella, šiid'ä — viršalla, a žen jāl'gehi — uññäh.
160. mūt't'uoť kannot, muozet i vežat.
161. nagrajan šuwih on parembi kačču, mi it'kijän.
162. naiješša t'awži šieglä d'er-gua, a naiduoh ew mil'l'ä šieglua oštua.
163. nait'ikella ew ni puppuo, ni päppiä.
164. naroš kiitoš on parembi naroš moitošta.
165. niken ew šepä šünd'umiä.
166. nuorušaiga — howkušaiga.
167. näl'gä — tora perehešša.
168. näl'l'äl'l'ä — da omalla vāl'-l'äl'l'ä.
169. ohvotniekkua šiä ei pie.
170. olgah vain piäd'ä — l'ängie l'uboida.
171. omašta ubitkua ewle.
172. ongikala — da pakkuonda-pala.
173. on häd'uš, nin hammaš hal-giew.
174. peigalo on keššell'ä kām-meñd'ä.
175. opašša lašta, kuñi o poikki lawčan.
176. oššettu kážie varajaw.
177. ožatoin naimah — uťot l'uhe-nōmäh.
178. ottajalla üksä riähkä — ar-vuajalla uheksän.
179. ottajan kăzi ei vaivu, andajan vaibuw.
180. pahalla vaštah kät't'ä et pane.
181. pahašta pagoh — hüväh hüppiä!
182. paimen ruoškua punow kaik-keh karjah varoin, a ei uh-teh l'ehmäh.
183. parembi uheksän kud'uo, mi üksä nado.
184. pehmiel'd'i l'evit't'aw, da ko-valda nowžet.
185. pellošša peldo nāgōw, me-čäššä mečča kuwlow.
186. pereheštä erottuoh kolme vuotta pid'aw ruadua vain vuarnoih varoin.
187. pieñd'ä kiit'ä, šuwrella takka pane.
188. pikkarañe koirañe on ijan penduñe.
189. pit'kä ilo itukši.
190. počči muistaw šuōnd'äšijan, ei muissa l'uoñd'äšijua.
191. poiga hawkkuw — kiwgualla i kabad'i, vävü — jo kiä-gästä i püzü.
192. rebo revon hännäl'l'ä ei tal-lua.
193. üheštä opaštunnuošta kol-mie opaštumatonda ei pie.
194. rodu ew redu.
195. rodu lapsen t'embuaw.
196. ruado mieštä ei riko.
197. ruattu — ew muattu.
198. šigua panet kartalla — hiän i jallat noštaw kartah.

199. šiaštajäl'l'a šuöjä l'öwd'uw.
200. šuofita kando, nin i že l'iew šoma.
201. šuwda viäriššä, da omua puol'issa.
202. šuwrella pinolla rewnašša on hüvä laštuzie kerät'ä.
203. šuwri pala i šuwn fevit'-t'äw, pieñi kül'l'äššä pid'äw.
204. šurmalla da šulahazella vägeh et mäñe.
205. šuönd'ä šuönnän piäl'l'ä šobiw, l'uönd'ä l'uönnän piäl'l'ä ei.
206. že koirä ei košše, kumbañe hawkkuw, purow že, kumbañe urizow.
207. že že l'indu, da virret toizet.
208. tanhuon-šijan muwtat, tabua et muwta.
209. t'erän alda vain piäžet, nin hamaran alda piäžet.
210. t'iet'eh hebo regie potkiw.
211. toivotuš da muañituš ollah rinnakkeh.
212. tuattuo da muamuo ei fat'i ijäksi.
213. t'uhjal'l'a ni mid'ä et t'ukiče.
214. t'uhjä värči šeizualleh ei püzü.
215. t'üwni väl'iämme t'üwriäw.
216. vacča ewle žirkalo.
217. vajahukšella ed'äh et aja.
218. vanhah varua ei pie pid'iä.
219. vanha vavolda ei ševo.
220. vefi vet't'ä šagiemb.
221. verkazel'd'i i l'eppä l'ümbüw, kerdah i kadaja katkiew.
222. vierahaššä šil'mäššä soruzen nāgöw, omašša i hiťt'ä ei dogad'i.
223. vieraš luw pert'iššä riidua eččiw.
224. vieraš randa — vilu randa.
225. vierašta pid'äw ottua vain žen verda, mi šil'mäh mah-taw.
226. viešt'il'l'ä podvodua ei pie.
227. virduajua vet't'ä et pijä.
228. vora hot' šeiñät jät't'äw, palo kaikki keriaw.
229. vorua lukku ei pie.
230. vägeh vävükši et vejä.
231. vävükken vain kalakukkoñ kaziin, vel'l'erken kondieh kaziin.
232. üheštä huavasta l'iew l'eibälabieda i tuahilabieda.
233. ühteh hiil'eh puhutah.
234. üksi šuw it'köw, üksi šuw nagrau.
235. ul'ähäkkiä l'indu l'end'el'öw, da ei t'iijä, kunne istuočow.

№ 52. Пословицы

1. Ранняя пташка уже клювик очищает, поздняя только рот раскрывает.
2. Ранний позднему не поддается.
3. У богатого и петух несется [об удаче].
4. Ворона всегда прямо летит, да на ночь домой не поспевает.
5. На деньги счастье не купишь.
6. На деньги только отца да мать не купишь.
7. Из-за денег и с ума сходят.
8. Деньги не у каждого держатся [не каждый умеет тратить].
9. Дело не стоит ломаного ('сгоревшего') гроша.

10. На дороге стой, дорогу спрашивай [совет всегда пригодится].
11. Даром и чирей на ягодице не вскочит.
12. Подальше положишь ('уберешь') — поближе возьмешь.
13. Не век жить — век помнить.
14. Не с лица нам воду пить ('красота не для ужина и стан не для упряжи').
15. Не спрашивают — быстро ли сделано, спрашивают — кто сделал.
16. Не всё коту блины, дают и колотушки.
17. Имя человека не портит.
18. Дурака не надо дразнить.
19. Не обрадуйся первой удаче, не испугайся и первой неудачи.
20. В ногах не оставляй вляться, вора на грех не наводи.
21. Не земля, а год хлеб ('овощ') вырастит.
22. Не делай [в хлеву] загородки, пока нет теленка [не хвалясь раньше времени].
23. Не кидай снег на отмороженное лицо [не задевай больное место].
24. Непрожитое — неведомое.
25. Не учи утку плавать [ученого не учи].
26. Не бойся мертвых, бойся живых.
27. Хозяйка от ноготков ('ногтей') сыта.
28. Неприятность в начале лучше, чем в конце.
29. Расстаешься на день — прощайся навеки.
30. Всех мух не перебеешь ('мух битьем не возьмешь').
31. Не знаешь [чего-либо] — на печи сидишь, знаешь — по дороге бежишь [пойдешь отвечать].
32. Не наполнишь доходами, если не умеешь расходовать.
33. Не у всех одна красота, у всех одна молодость.
34. Не все деревья в лесу одинаковы, не то что люди.
35. Нет плохого в просьбе, своей рукой не бери.
36. Нет таких людей, которые бы брали на себя вину.
37. Нет такого, кто себе в рот плюнул бы [себя охаял бы].
38. Нет такого деревца в лесу, на котором птица не сидела бы, нет такого человека на земле, у которого не было бы беды.
39. Грех не от того, что рот принимает, а от того, что изо рта вылетает.
40. Не столько над землей, сколько под землей [о шумливых людях].
41. Газета — новости со всего света ('не без дела').
42. Грозящий грозит, а живущий живет.
43. Голубка не прядет, не ткёт, а в одежде шелковой.
44. Ошибка — не вина.
45. В руках с растопыренными пальцами деньги уходят сквозь пальцы [о неумении тратить].
46. Есть кому ругать, миловать некому.
47. Дурак, и тот хорошее поймет.
48. Дураку ума не дашь.
49. Дурак всегда с находкой [веселый всегда].
50. Дурак лгать не может.

51. Стыд не дым ('кислый') и глаз не режет.
52. Хмель правду скажет.
53. Завтрашнее само [о себе] позаботится.
54. Утреннее солнышко [первое замужество] если не пригрело, то вечернему [второму замужеству] некогда.
55. Губа толста, так живот тоньше [о тех, кто дуется, не садится за стол].
56. Хорошего ребенка не надо бить, плохого и битьем не возьмешь.
57. Хорошее долго помнишь, плохое — никогда не забудешь.
58. Хорош — да чужой, плохой — да свой.
59. Хорошее мельничшко, да остановилось [говорят о стариках].
60. Хорошее слово, да к месту бы сказано.
61. Бедность придет в красный угол, так ее к дверям не прогонишь.
62. Бедный ('рот бедного') иногда улыбнется, а больной ('рот больного') нет.
63. Попавший в беду — безумен ('дурак').
64. [Что] его болезнь — [что] мое здоровье [одинаковы].
65. Из-за того, что он сердится, у нас хлеб не кончится [не стоит обращать внимания].
66. Сам и заботиться будет, как только [себе] в лоб будет дуть.
67. Дальше моря за рыбой не ездят.
68. Век прожить — не поле перейти.
69. Век живи, век учись.
70. Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит.
71. Сколько ни мойся, чище воды не будешь.
72. На век ничего не заготовишь.
73. И сквозь золото слеза капает.
74. И горшок с горшком [в печи] столкнется.
75. Если хозяин не к дому [не экономный], то как лопатой выгребают, а если хозяйка [не к дому], то как метлой метет.
76. Без хозяина и дом сирота.
77. У каждого одна голова на плечах.
78. В каждом доме свое и горе.
79. Божья веревочка тройная [трехрядная].
80. Трудно деньги добывать, вдвойне труднее удержать.
81. Овсяной — да гостинец.
82. Два петуха на одной мусорной куче не поладят.
83. Рыба дешевая, так и уха [из этой рыбы] ничего не стоит.
84. Угождай хорошему [в благодарность], потому что он хорош, послужи плохому [чтобы отвязаться], потому что он плох.
85. Курица — не скот [во дворе], рассадник — не дом, да и примак — не мужчина.
86. Нанюшенная вода в колоде не держится.
87. Кошку не ставь охранять рыбу.
88. Кошка сиденьем берет [о терпеливом, усидчивом].
89. Кошке игра — мыши всерьез.
90. Долг платежом красен.
91. У кого в руках, у того и в зубах ('в рыле').

92. У кого что болит, тот то [место] и рукой трогает.
93. У кого мастерство, у того и добро [богатство].
94. У кого голова варит ('играет'), тому полдела жить ('половинной силой живет').
95. Кто жив, тот и в заботе.
96. Чье масло в горшке, у того и забота на уме.
97. Кто хлеб ест, а кого и хлеб [ест].
98. Кто что ищет, то и найдет.
99. Кто быстро ест, тот быстро и работает.
100. Один раз сказать — всю жизнь помнить.
101. Кто запутал, тот и распутает.
102. Кто другому помогает, тот себе прибавляет.
103. Язык бойкий ('скользкий'), так и жить легко.
104. Собака лает — ветер носит.
105. Дома и стены помогают.
106. Дома и стены в масле, у чужих — половину времени всухомятку.
107. Дом колдуна не разбогатеет ('выше не станет').
108. Медведь никогда не моется, а его все боятся.
109. Медведь силен, да человека боится.
110. Скрипучее дерево дольше простоит.
111. По одежке протягивай ножки ('насколько хватает одежды, столько и ноги протягивай').
112. Как живешь, так и слышь.
113. Сухая ложка рот дерет.
114. Золото и в грязи заметно.
115. Что легко приходит, то легко и уходит.
116. Которая корова околела, та маслом и доила.
117. Какой палец ни кусай — одинаково больно [о своих детях].
118. Когда мальчик родится, то щепки на девяти дворах обрадуются: в другое место перебрасает их.
119. Пока разиня рассматривает, тем временем хитрый загребаёт.
120. Насколько жизни, настолько и здоровья [пожелание новорожденному].
121. Пока ноженька топает, так и роток чмокает [ешь самым добытое].
122. Если умрет у ребенка отец, он будет наполовину сирота, а если умрет мать — то будет круглым сиротой.
123. Куда журавль ни лети, пища твоя — хвоя [о несчастной судьбе].
124. Куда ночь, туда и сны [скажут, чтобы дурной сон не сбывся].
125. Искра и деревню подожжет.
126. Сытый голодному не товарищ.
127. Сытого хорошо угощать.
128. Близко локоть, да не укусишь.
129. Рука руку моет.
130. Долг бедняка не надолго.
131. Воз ленивой [лошади] на дороге не останется.
132. Ленивый работы боится.
133. Через ребенка и няня сыта.
134. Дети растут — и заботы растут.
135. Детей и кошек не обманешь.
136. Невылеченная болезнь скажется.

137. О́льха у о́льхи изъѣян ви-
дит.
138. Лишнее тому, кто не сидит
на месте.
139. В городе все денег стоит
(‘все в цене’).
140. Дверь в хлеву закроешь,
рот у мира не закрыть.
141. Ближе к кости мясо вкус-
нее.
142. На кость мясо нарастет.
143. Гни [куй] железо, пока го-
рячо.
144. Пойдешь в другом месте
много зарабатывать, дома
больше потеряешь.
145. Сном (‘спаньем’) стога не
наметешь.
146. Спящему [дороже всего] по-
душка.
147. Что [делают] другие, то
[делают] и прѣстаки (‘ра-
зини’).
148. Что настряпаешь (‘руками
помесишь’), то и поешь
(‘пожует’).
149. Рта у мира не заткнешь.
150. В мире, как в море: все
есть.
151. Что ни человек, то и ум,
что ни птица, то и голос.
152. Что у трезвого на уме, то
у пьяного на языке.
153. Невестка из мира берется:
какая попадется.
154. Где тонко, там и рвется
(‘поперек’).
155. Живи в стране, как в стра-
не живут, нет — так вон
из страны.
156. Для матери дети милы не
потому, что красивы, а по-
тому, что свои.
157. Материн прут шерстяной.
158. Мать по сыну плачет, как
река течет, сестра по
брату — как ручей бежит,
жена по мужу — как роса
садится.
159. От мужа сначала отойдешь
на шаг, потом на версту,
а затем и совсем.
160. Какие пни, такие и побеги.
161. Лучше смотреть на смею-
щегося, чем на плачущего
(‘смотреть в рот смеюще-
муся, чем в рот плачу-
щему’).
162. При женитьбе сито полное
денег, а после женитьбы не
на что сито купить.
163. У женишка ни рубашонки,
ни хлебушка.
164. Лучше хвалить нарочно,
чем нарочно хулить.
165. Никто от роду не кузнец.
166. Молодость — пора бесша-
башная (‘пора дураче-
ства’).
167. Голод — драка в семье.
168. Лучше голодом, да на
своей воле.
169. Охотнику погода не пре-
града.
170. Была бы шея (‘голова’),
а хомут найдется (‘хомуты
любые’).
171. От своего убытка не бы-
вает [при продаже].
172. Ужeная рыба — что мило-
стыня.
173. Такая нужда, что зуб рас-
калывается.
174. Большой палец посреди ла-
дони [ничего не умеет де-
лать].
175. Учи ребенка, пока он по-
перек лавки.
176. Покупное рук боится [бы-
стро тратится].
177. Несчастному жениться —
и ночь коротка.
178. У укравшего один грех,
у угадывающего — девять.

179. Рука берущего не устает, устает рука дающего.
180. От черта рукой не засло-нишься.
181. От плохого убегай, к хоро-шему беги.
182. Пастух кнут плетет для всего стада, а не для одной коровы.
183. Лучше девять деверей, чем одна золовка.
184. Мягко стелет, да с жест-кого встанешь.
185. В поле — поле видит, в ле-су — лес слышит.
186. Отделившись от семьи, три года на одни вешалки надо работать.
187. Маленького хвали, боль-шому ношу вали.
188. Маленькая собачка всю жизнь щенков.
189. Долгое веселье — к слезам ('к плачу').
190. Свинья помнит, где кор-мили, но не помнит, где били.
191. Сын ругает — на печку по-лезай, если зять — то за ручку двери держись.
192. Лиса на лисий хвост не на-ступит.
193. За одного выучившегося трех невыучившихся не надо.
194. Родня — не грязь.
195. Род притянет ребенка [ре-бенок в породе пойдет].
196. Работа человека не портит.
197. Поработанное — не поспан-ное.
198. Свинью позовешь к ко-рыту — она и ноги в ко-рыто [поставит].
199. Запасливому едок най-дется.
200. Наряди пень — и тот ста-нет красивым.
201. Губы криви, да своего за-щищай.
202. Около большой поленицы хорошо щепки собирать.
203. Большой кусок рот разо-рвет, от маленького сыт бу-дешь.
204. За смерть да за жениха си-лой не выйдешь.
205. Еда на еду идет, битье на битье не идет.
206. Та собака не трогает, кото-рая лает, кусает та, кото-рая рычит.
207. Птица та же, только песни другие.
208. Место под двор сменишь, характер — нет.
209. Спасешься только из-под лезвия, из-под обуха спа-сен будешь.
210. Надеючись, и кобыла в дровни лягает.
211. Обещание и обман рядыш-ком.
212. Отца да мать на век не хватит.
213. Ничем ничего не заткнешь.
214. Пустой мешок стоя не дер-жится.
215. Тихоня скорее толкнет.
216. Желудок не зеркало [не вы-дает, что поел].
217. На лжи далеко не уедешь.
218. На старость не надо на-дежды иметь.
219. Старый на борозде не за-путается.
220. Кровь гуще воды [о род-стве].
221. Помаленьку и ольха гнется, разом и можжевельник сломится.
222. В чужом глазу соринку ви-дит — в своем и бревна не заметит.

223. Чужой человек ('чужая кость') в семье ссору ищет.
224. Чужбина — холодина.
225. Чужое бери столько, сколько в глаз вмещается.
226. Для вестей подводы не требуется.
227. Текучую воду не удержать.
228. Вор хоть стены оставит, пожар — все заберет.
229. Вора замок не удержит.
230. Силой в зятя не притянешь.
231. С аятем только на рыбный

- пирог [ходить], с братом на медведя можно идти.
232. Из одной осины получают лопаты, которыми хлеб в печь сажают и которыми навоз выгребают.
233. На один уголь дуют [заодно].
234. Которым ртом плачешь, тем же и смеешься ('один рот плачет, один рот и смеется').
235. Высоко птица летает, да не знает, где сядет.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 78—85).

№ 53. niäritükäet i muwt šanonnat

1. ei kiel'd/el'e, ei vagual'e, andaw andiekši.	14. voijah voruija i tappuar ollah ünñäh heiget't'ömät.
2. šüöw žuadno, kuin angaman broñi.	15. nin kul'miin, äššen hibiehiifi kävel'öw.
3. olet avokeroloista avokero.	16. hiitroi rebo, et orazella pekkoh piššä.
4. biesan viižahuš on t'ämä rist'ikanža.	17. ka on pahalažin hugin ildañe.
5. šoitulla jäl'l'est'i aštuw brihua, kuin hawvin hammašta (pikkaräzie da äijä).	18. on neskluadnoi, kuin hukinkorenda.
6. šiännuit, nin čiban maiduo jäl'l'est'i.	19. on pit'kä, kuin humalariwgu.
7. čirhišt'ü, kuin čii'l'i.	20. hüvä tul'i, vähä mäni, šai darovoida.
8. kraiñoi kewhüş l'ieñi, jawhuo ew i šil'mäh panna.	21. žemmuoñe häd'ä on — nin hammaš halgiew.
9. hot' korvah i pawgua, ni mid'ä ei kuwle, gluhoi koppalo.	22. ilmoll'izet kummat ollah kobraššal
10. el'ä šuwrendel'ieče, et ole gornan gošta.	23. mužikka on tuhma, kuin il'vewš.
11. l'eivät kaikki: l'iew hambahat vuarnah riputtua.	24. it'ki, it'ki, da itulla i otti.
12. lapšen šuaduoh tuwvah hammašpiiruada.	25. jallat kül'mett'ih, on kuin hukalla kerošša.
13. heit't'el'iečow, alemmakši oreškan kaivuoheit't'iäči.	26. jäñiksän nahkalla on pekko-paikattu.
	27. kačcel'iečow, kuin vora jarmañkašša.

28. kagra, el'ä nagra: iče lagoh langiet.
29. katen ladva, ew kaikkie piälakašša.
30. olet kebiekeŋgäne, kaikkuanne kergiet, kunne ei kučuta.
31. on kuin kevon alda kiirakane [hiifi].
32. vävül'l'ä kiel'i on, kuin moskun ruoška (on boikoi paginalda).
33. kizuaw, kuin kaži hiireŋken.
34. kiät šäriššäh, kuin kanantappajalla.
35. t'amänilmaine kud'mo, kobisko olet.
36. kukonuŋi tartu.
37. mäŋgiš, kuldagora vaštah.
38. ka käbü nokkah l'ienil
39. lapšet ollah näl'gähizet, kuin nuakat.
40. lapši it'kōw kaiken päivän, kuin kiel'eštä riputettu.
41. udala on, rebuošt'aw, kuin l'eht'irebo.
42. tukat lošnitah, kuin harakanšulga.
43. tua väl'jän l'äht'ōw padua luad'imah (kuolow).
44. foršiw tuhmatukku, iče on kuin l'ötöniho.
45. aššutah, kuin makšanjagajat (jäl'lekkäh).
46. tuada et proved'i: on mie-l'entagane howkka.
47. mit ollow nua muštašiämi-zet ollah.
48. šezih kačcuošša miel'i met'tä keit't'aw.
49. tua on ruočin šuošša, sinne šua et doiŋi.
50. tuaton muruzet i palazet ollah lapšešša.
51. narodua keräwd'ü kuin šalon kaivolla.
52. ka hot' ois nowšša šavigoralla [kiwgualla].
53. mužikka on, kuin nül'giet't'ü jäniš.
54. päivä on näl'gävuwven pid'ehüš.
55. huomnekšešta ildah šuat nagolo jalgataŋnikasša.
56. humalahizeŋke vačča kubenüžin on.
57. katoš on harva, kuin rid'il'ä.
58. l'äksiiš pruažniekalla, da on händ'ä pit'kä, lapsišta ei piäže.
59. moržiemut kuin hel'ie heinäne.
60. on t'üwŋi, kuin jumalan-lehmanne.
61. t'ut't'ō on boikoi, kuin šukkulaane.
62. on ruškie, kuin muŋija kane.
63. miehel'l'ä mäni pahoin: ožattomah očin kočahtj.
64. ka on pahašanaane: jäl'gim-mäžen šanan šanow enžim-mäžikši.
65. jäl'gimmäšt'ä lašta šanotah pahnanhohjimmazekši.
66. on ruškie, kuin paistun bukva.
67. popad'i moržien pit'kä-kiel'i.
68. on pit'kävihaane: viikon vihua pid'aw.
69. on piärawkakši, gošaššukši heit't'iačen.
70. koččiw torah, kuin piät'öin kukko.
71. briha on prostoi, kuin heboŋe.
72. puol'it'eräne jogo paikkah rabel'iečow.
73. ilotat rahvašta, rahvahan ilo sie!
74. rawkalla ei šua omua piäd'ä šüöt't'ia.
75. kävel'et kuin ribu-t'iitta.

76. äijä narodua tul'i, ei vain omat, rujot i rammat keräw-vüt'tih.
77. ka on ruttopäiväl'line, tul'isuw.
78. on boikoi da laihañe, kuin šalaikko.
79. šammalsalku — tovet i t'üh-jät šammaldaw.
80. kebiekeñgäñe: koččiw, kuin šavuharakka.
81. tulow da valehtelow, šii-büzit't'a l'eñd'el'ow.
82. peit't'el'iečow, kuin meža-hiifi.
83. šivottavua pagizow.
84. šuoriet, šuoriet, da nagole et nñih vuatteih (toivot-tuačet, a tule et).
85. šuw kuin reppänä.
86. šuwrendel'iečet, olet kuin šuwrimakukko.
87. darovoilla el'ät, kuin šüö-t'intattari (nah'ebñikka).
88. ših vereh pid'i kaikki ša-nuo.
89. tartu kuin ruga i eruo ei.
90. näl'gähiñe olet kuin tiid'ie-hawkka.
91. tuhkañppi, ni mid'a maha et.
92. ollah rutot, kuin tul'ikor-bilazet.
93. vain vart'inäl'l'a i puissal-dua mieš, on kuin tröppü.
94. pöl'l'äštü, iho valgoi, kuin vaha.
95. pahalazin ved'ehiñe [ved'e-hizekši šanotah i joven baldjeda].
96. virkoš'leibä keroh tarttuw.
97. tua vuahikero vuaherdaw: t'uhjiä i totta pagizow.
98. ol'iin uniborova, kaiken ijan šuačiin muata.
99. unipöhl'öl'l'a on nagole vāhā magavuo.
100. mid'a l'ieñiit nimeh t'em-mattavakši?

№ 53. Иносказания, клички и отдельные выражения

1. Не унимает, не наставляет, дает поблажки.
2. Ест жадно, как ангамская ворона.
3. Ты из разинь разиня.
4. Как бес, хитрый этот человек.
5. За гармошкой парней идет, как зубов у щуки [маленьких да много].
6. Рассердился, так удерживать не будут ('козьего молока вслед').
7. Он взъежился, как еж.
8. Крайняя бедность настала, муки нет нисколько ('нет даже в глаз капнуть').
9. Хоть по уху и дай, ничего не слышит глухая тетеря.
10. Не капризничай, не горнинский [название деревни] гость.
11. Весь хлеб тут: придется зубы на вешалку повесить.
12. Роженице приносят пироги на зубок.
13. Прибедняется, опустился ниже орешковского колода.
14. Могут украсть, убить: они совсем бездушные люди.
15. Так продрог, даже мурашки ('нательная мышь') бегают.
16. Хитрая лиса: шилом в задницу не кольнешь.
17. Вот чертов волчий ужин [ругательство].

18. Нескладный, как стрекоза.
19. Высокий, как жердь для хмеля.
20. Хорошо получилось, мало потеряно, достал даровое.
21. Нужда такая, что зуб раскальвается.
22. Большая беда ('беда в горсти').
23. Муж образина ('как рысь').
24. Плакал, плакал да и вы-плакал.
25. Ноги холодные, как у волка в пасти.
26. Заячьей шкурой зад зала-тан.
27. Оглядывается, как вор на ярмарке.
28. Овес, не смейся, сам поля-жешь.
29. Глупый ('сломанная вер-шинка'), не все дома ('в го-лове').
30. Легкий на поводе, всюду успеваешь, куда тебя не зо-вут.
31. Очень невзрачный, как мы-шонок ('как из-под стога выглядывающий').
32. У зятя язык, как москов-ский кнут [острый].
33. Играет, как кошка с мыш-кой.
34. Руки дрожат, как у убив-шего курицу [из-за пус-тяка].
35. Копуша ты этакий!
36. Куриная слепота при-стала.
37. Идите, доброго пути ('зо-лотая гора навстречу')!
38. Вот и вышел шиш!
39. Дети голодные, как галки.
40. Ребенок целый день пла-чет, как за язык повешен.
41. Хитер, лебезит, как лиса.
42. Волосы блестят, как со-рочье перо.
43. Этот скоро на тот свет пой-дет ('пойдет горшки ле-пить').
44. Форсит уродина сам как ля-гушка ('лягушачья рожа').
45. Идут вереницей ('как на дележку печенки').
46. Этого не проведешь: он с умом дурак.
47. Какие-то они бессердечные ('с черными сердцами').
48. На такого смотреть не на-радуешься ('мысли мед ва-рят').
49. Это в шведском болоте [найдешь]: туда не дойти.
50. Во всем похож на отца ('в ребенке отцовские крошки и кусочки').
51. Народу собралось, как на ярмарку ('как на колодец в дер. Шало').
52. Залезть хоть бы на печку ('на глиняную гору').
53. Мужчина как заяц со сня-той шкурой.
54. День, как голодный год, долгий.
55. С утра до самого вечера постоянно на ногах.
56. Со страхом ('в животе искры') надо жить с пья-ницей.
57. Крыша редкая, как редель [плетеная из прутьев под-стилка к саням].
58. Пошла бы она на праздник, да хвост долог, от детей не вырваться.
59. Невестушка как травушка зеленая ('шелестящая').
60. Смирный, как божья ко-ровка.
61. Девушка как челнок [бой-кая].

62. Румяная, как несущка.
63. Замуж вышла неудачно, как лбом об несчастье ('несчастливого') стукнулась.
64. Вот злослов: последнее слово первым выпалит.
65. Последнего ребенка называют последышем ('самым нижним, последним в выводке').
66. Покраснел, как печеная брюква.
67. Жена попалась сплетница ('длинный язык').
68. Злопамятный, долго зло помнит.
69. Горемыкой, беднягой прикидывается.
70. Лезет в драку, как безголовый петух.
71. Парень. простак, как лошадь.
72. Полоумный ('с половиной лезвия') всюду лезет.
73. Посмешище ты, смешишь людей.
74. Бедняге своей головы не прокормить.
75. Ходишь, как Тит, в лохмотьях.
76. Много народу пришло, не только свои, калеки и хромые собрались.
77. Вот крутой человек, горячий ('огненный рот').
78. Бойкий да худенький [человек], как салака.
79. Болтун ('мешок со мхом') и ложь и правду болтает.
80. Легок на подъем: как сойка прыгает.
81. Придет да наврет: без крылышек летает.
82. Прячется, как полевая ('межевая') мышь.
83. Плохое говорит такое, что надо связать.
84. Одеваешься, одеваешься, да все не в ту одежду [обещаешься, а не приходишь].
85. Рот как волоковое окошко.
86. Ломаешься, как житный пирог ('пирог с крупой').
87. На даровом живешь, как татарин на откорме [на хлебник].
88. Заодно ('в одну кровь') надо было все высказать.
89. Пристал, как смола, и не отстает.
90. Голодный, как чибис [пи-галица].
91. Не мастеровой ('щепоть воли'), ничего не умеет делать.
92. Крутые характером, как жители огненных дебрей.
93. Всего-то веретеном и пошевельнуть человек, замухрышка.
94. Испугался — лицо, как воск, стало бледным.
95. Чертов водяной [водяным называют и хозяина вод].
96. Попрекаемый кусок поперек горла становится.
97. Этот болтун ('пенное горло') наболтает пустое и правду говорит.
98. [Я] был большой соня ('сонный боров'), всю жизнь любил спать.
99. Соне всегда не достает сна.
100. Так опустился, что склоняться стали.

Кудряшова Мария Дмитриевна (gара́скап ма́ria), 60 лет, дер. Малое Пивнище (pieñi kaškirowsta) Спировского района. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/9).

№ 54. kuin suad'bua kizattih

rubiew briha naimah. šanotah: „kunne l'ähet suattoloiksi?“ — „ka t'anne l'ähemmä, t'anne miwla himoittaisen“. a tuatto šanow: „ñet, ka t'anne l'ähemmä!“. a briha šanow: „mie t'anne en l'ähe, l'ähen t'anne, miwla ka t'amä pid'äw!“.

nu, ka briha tuaton ved'äw: ken on l'ubow brihalla — suataijah. käwväh suattoloiksi illan, käwväh kakši, šiind'ä jo kolmannella illala luad'iečetah... kuin ei luad'iečeta, (t'üt't'ö) uid'iw — briha voruičow, koista uid'iw t'üt't'ö miehellä, da t'ihonko, pomolčkom.

a šiind'ä suataijah. istuw andilahana ned'el'in. käwväh t'üt'öt it'et't'amäh. t'üt't'ö it'kow iänel'l'ä... koissa. šiind'ä kül'uh šuatetah. tullah druwškat ottamah, svuahat tuwväh gošt'inčua, šiind'ä veñčalla ajetah. t'üt'ön taloh tullah suad'bua kizuamah čolovek dvatsat' il'i dvatsat'pät', možoit i tritsat' miššä.

ka üheššä t'üt'ön talošša suwtkat gul'aijah, virt'ä lawletah, šuwväh, juwväh, karratah. ñe brihan taloh l'äht'iet'äh. šiel'd'ä tuuš čolovek dvatsat' il'i dvatsat'pät'. šiel'ä suwtkat gul'aijah, gošt'itah. lahjat ollah: lahjotah moržiemella... ei moržiemella, a moržiem lahjow muatkolla, buatkolla, vel'l'il'öl'l'ä, čikkoloilla, a moržiemella d'engua pannah tafelkalla. šiind'ä toispiänä suad'boveh l'äht'iet'äh t'üt'ön [brihan] talošta, jähäh vain šiel'ä omahizet. ruvetah pert'ie čilpuomah, soruomah. moržien rubiew püwhkimäh, a huö nagole čilputah moržiemella, d'engalla čilputah. l'äht'iet'äh vet't'ä ammuldamah moržien da šulahane. männäh korvon kumatah. paikan lahjotah navolla šiel'ä. šiind'ä kül'un kartalla paikan pannah — vaššan varatah ka tuah, vaššan t'üvel'l'ä paikan pannah, ka, štobi miän čikkuo vaštañe ei ob'iid'iisen, kaziñe ei gfii bišt'el'iisen, i karta kül'un ei kargawttaiš. doiñiekan ñokalla — što ois mil'l'ä šiivil'öija maijošt'a. vot i vso suad'iba...

iellä vet ei erottu: šielä miilo, ñe miilo, a jo el'et't'ih, kočahettu ei, vot, varaženi.

№ 54. [Как свадьбу играли]

Задумает парень жениться. Скажут: «Куда пойдешь сватать?». — «Вот сюда поедем, сюда мне хотелось бы [ехать]». А отец скажет: «Нет, вот сюда поедем!». А парень скажет: «Я сюда [куда говорит отец] не поеду, поеду сюда [куда сам хочет], мне вот эта нужна!».

Ну вот, парень отца и приведет: кто люб парню — сватают. Ходят сватать [один] вечер, ходят другой, потом вот на третий вечер

уже и сговорятся... Если не сговорятся [родители], девушка уйдет — парень уведет. Из дому убежит девушка замуж, да, тихонько, помолчком.

А потом сосватают. В невестах сидит [девушка] неделю. Девушки ходят «гневить» ее ('заставлять плакать'). Девушка причитывает... дома. Потом в баню поведут. Придут за ней дружки, свахи. Принесут гостинцев, потом к венцу едут. В дом к девушке приедут играть свадьбу человек двадцать или двадцать пять; может, где и тридцать.

Так вот, вместе в доме девушки сутки выпивают, гуляют, песни поют, едят, пьют, пляшут. Те в дом к парню отправляются. Оттуда опять человек двадцать или двадцать пять [приедет]. Там сутки гуляют, гостят. Подарки дарят: дарят невесте... не невесте, а невеста дарит свекрови, свекру, братьям [деверям], сестрам [золовкам], а невесте деньги на тарелку кладут.

Потом на второй день свадебные гости уезжают из девушкиного дома [из дома парня], там останется только [родня]. Будут в избе «сорить» [карельское: *šilpuomah* и русское: *zoguomah*]. Невеста берется подметать, а они все «сорят» перед невестой, деньгами «сорят». Отправятся за водой невеста и жених. Пойдут [другие у них] ушат опрокинут. Золовке платок дарят там. Потом на корыто в бане платок положат, веник приготовят вот сюда, на комель веника платок положат, вот, чтобы нашу сестричку веничек не обидел бы, кошечка не царапала бы и [чтобы банное] корыто не заставляло «плясать бы» [не было бы каких-либо неприятностей в бане, дарят «хозяина бани»]. На носик подойника, чтобы было чем молочко цедить. Вот вся и свадьба...

Раньше ведь не разводились: мило там — не мило, а уж жили, не выскакивали, вот, дорожй.

Кудряшова Мария Дмитриевна. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/12).

№ 55

miwn izänd'ä šanel'i. hänel'l'ä ol'i šuwfi sadu t'äl'ä, ogordassa. hiän vardeiöci jäniksie, jäniksetten käwd'ih ogordah saduloida grizimäh. hänel'l'ä ol'i tuluppa, vešma šuwfi tuluppa piäl'l'ä. ka t'ut'ötten kopitettih ka t'änne verejäl'l'ä kuwndelomah sarain luoh kolmen keššä. mänd'ih hüö sarain luoh, šiel'ä i kolot'itah šagarua dai šanotah: „suženoi-raženoi, ješ'l'i mie t'änä vuona mänen miehel'l'ä, to kuwlukkah, što zvoniw kellozet, ajetah, il'i koirä hawkkuw šiel'ä“. il'i ken mid'ä šiel'ä šanow.

i vot, značit, üksí t'üt'tö kolot't'i, kolot't'i šagarua jallalla dai šanow: „suženoi-faženoi, kumbazeh randah mänen miehel'l'a, nin kuwlukkah ka, što ajetah čiluzilla!“.

no toine, šanow, kolot't'i, šiid'a kolmaš. a šiid'a jo, l'iewgo kuwlunnun heil'äh, koñesno, a hänel'l'a ei kuwlunnun. kuwlu, al'i ei kuwlun heil'äh, značit, hüö l'äht'iet't'ih. — „kačuo, šanow, kuwlu miwla, ka tualda päin čilaji kellorä“. a toine i šanow: „miwla koira hawkku ka tuala“. a kolmaš šanow: „miwla ka ni mid'a ei kuwlun“.

hüö kopitetah, a miwn izänd'a ogordašta viid'i, hüö kuin projittih, a hiän jäll'est'i tulupoissa, dai rubei kuin tuwříkka vierömäh heil'a jäll'est'i. hüö kuin žemmuozerken ravužkena hüppiämäh: „oi-joil tavottaw nečistaja šila (značit, tuwříkka)! emmä ušto čuwrunnun, niin kai nütten tavottaw!“.

ručkinan vaša-d'iad'öh hüpät't'ih. „oi, a nni-buabol spaši meid'al ka mid'a l'iew?“.

hüö istuočettih karžinlawvalla, a hiän heil'a kaikilla piäl'öih padazet pañi. a t'äd'a ni mid'a ei ollun: ni nečistoida šilua, ni ked'a, a miwn izänd'a pöll'ät't'i, dai kaikki... maidopadazet pand'ih piäh, štobi ei duaviišen, tullow čorta jäll'est'i, nin padazen pihniw, dai duwmaiččow — piä, a iče ga padañe!

№ 55

Мой хозяин рассказывал. У него был большой сад здесь, в огороде. Он караулил зайцев [сад от зайцев караулил], зайцы ведь ходили в огород яблони грызть. На нем [хозяине] был тулуп, очень большой тулуп был одет. Вот девушки-то шли сюда к воротам слушать около сарая, втроем [были]. Подошли они к сараю, там и колотят по воротам и говорят: «Суженый-ряженный, если я в этом году выйду замуж, то пусть мне послышится, что звенит, с колокольчиками едут, или [пусть слышится], что собака лает там». Или кто что там скажет.

И вот, значит, одна девушка колотила, колотила по воротам ногой да и говорит: «Суженый-ряженный, в какую сторону выйду замуж, так пусть услышу я, что едут [оттуда] с бубенцами».

Но вторая, говорит, колотила, потом третья. А потом, вот было ли им слышно, конечно, а ему [хозяину моему] не было слышно. Было им слышно или не было, значит, они отправились [домой]. «Гляди-ка, говорит, мне послышалось, вот с той стороны звенел колокольчик». А вторая и говорит: «Мне [послышалось, что] собака лаяла там». А третья говорит: «Мне ничего не было слышно».

Они шагают [домой], а мой хозяин [муж] из огорода вышел, когда они [уже] прошли [мимо него], а он за ними в тулупе да и стал, как тюрник, катиться им вслед [за ними следом]. Они как с таким ревом бежать: «Ой, ой! Догонит нечистая сила (значит,

тюрик)! Наверно, не сказали „чур!“, так вот теперь и догоняет!».

Прибежали к дяде Василию Ручкину. «Ой, бабушка Анни, спаси нас! Что [с нами] будет?».

Они сели на голбец, а она [бабушка Анни] им всем на головы и надела горшки. А этого ничего не было: ни нечистой силы, никого, а мой хозяин напугал [девушек]. Вот и все... Крынки надели [девушкам] на головы, чтобы [черт] не удавил их; придет если черт следом [за ними], так горшок спихнет да и подумает, что голову [спихнул], а на самом деле-то горшок!

Хвалова Парасковья Васильевна (ga' aš i ha pa š a), 60 лет, дер. Малое Нивиче (pie h i ka š ki pu w s ta) Спировского района. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. яз., запись № 131/8).

№ 56. kuin talvella nuorlzo gu'aljah

ved'eñiešta šua [4. XII], toko, l'äksimä da roštuoh šuah [7. I] kävimä omah kül'äh, nagole kuožal'iloit'ken, kezrämimä. nu, kel'ä kuin' ken, koñešno, ol'i znakom, že briha tul'i šil'l'üöh. kezriät i pagizet, i kodvazen, kadrel'ie kizuat i tuaš, no staraiččima kezrät'ä, što oiš kolme vart'iniä kod'ih prestuavittu.

a roštuošta l'äht'iet'äh zbornoit. l'äht'iet'äh zbornoit, tullah zbornoiloih. ka enžimäñe ka t'ial'ä kaškipuwsalla zbornoi, toine ka vaš'leista (14. I) prudovoilla. šiel'ä, nu ew, ne ob'ezat'el'no üheššä kül'äššä, b'javajet i kaheššä kerdah. ka kerät'äh aigah čolovek dvatsat', ka otetah kakši-kolme, mi on, hevošt'a, jed'inol'ičnoit hebozet oldih. val'l'aštaw tuatto, l'ibo vel'l'et, hebozet i l'äht'iet'äh gošt'ie keriamäh. kerät'äh, gošt'ät tullah. varuššetah, i l'iew šem časow, l'ähemmä bešowdah. l'ähet bešowdah. olet illan šiel'ä bešowdaššä. tulet, možot, päť-četije huomnešta kod'ih. päivän maguat, et päiviä, do d'est'i huomnešta maguat päiviä, šiid'ä l'ähemmä tuaš päiväbešowdah. päiväl'l'ä bešowdah mänet... ken kel'ä tuaš on znakom, tuašen šiel'ä kizuat, al'i issut, al'i mid'ä. a illalla ka ni konža ei t'üt't'ö ečcin brihua, a briha, brat, miel'd'ü ješ'l'i miwh, niin t'üönd'i kenen ni buit'en kučcumah. mie ješ'l'i kun ne želaju, niin šanon: „net, en l'ähe“. toizen kučču, kolmanen. ka mudualla brihalla ei šua i kučču ni ked'ä, ni ken hänel'l'ä ei l'ähe. a kel'ä kuin želat'el'no, l'ähet. mänet, kodvazen issut, et miel'd'ünne, ei paissun, da otat da uijit pihalla, da toizella istuočet, dai...

a gošt'ista obezat'el'no tuatto tul'i jarel'l'äh ottamah kod'ih. kaiken pühäñkeššen ka niin nagole i gu'l'äččima muas'l'eñcah šua.

muas/eačana ka ol'i kozlovala'lla vešma šuwri gul'aŋka hebo-
žilla. zbruwjat vešma hūvatl' šuoŋiečet, ka ul'ei päivän ajelet šiel'a,
aivin jo jāl'gi-jāl'geh nagolo hevošt'a ajat. šuwripühä l'ieñi — t'ukl'
ni ken ni kunne: gul'avo proid'i keviäh šua. keviä l'ieñi, ka äijä-
štäpäiviä. ka äijäpäivä l'ieñi — tuaš rahvaš kaikin pihoiilla, nu vain
emmä ollun ul'ei uöd'a: žiivatta kul'äh — i t'ut'öt kod'ih. ul'ei
pühätpäivät gul'aiččima, kaikki pruažniekkapäiväzet gul'aiččima, nu
joi uöl'oid'a emmä gul'ainun, kuin nūt. a žiivatta kod'ih — i t'ut't'ö
kod'ih, a kuin vain opozdaičet — dai et popad'ii kod'ih.

№ 56. [Как вимой молодежь гуляет]

С веденья [4. XII], бывало, начали, да до рождества [7. I] хо-
дили в свою деревню, все с прялками, пряли. Ну, коли у кого
[у девушек] кто [из парней], конечно, был знаком, тот парень при-
ходил к той. [Сама] придешь и разговариваешь [с парнем], и не-
долго кадрили танцуеть, и снова, но старались пряхть, чтобы три
полных веретена было бы домой представлено.

А с рождества начнутся сборища. Пойдут сборища, придут на
сборище. Вот первое, вот здесь в Малом Нивиче сборище, второе
вот с васильева дня [14. I] в Прудовке. Там, ну нет, не обязательно
в одной деревне, бывает и в других деревнях сразу. Вот, соберутся
иногда человек двадцать. Вот возьмут две-три [лошади], сколько
есть лошадей, единолично лошади были. Запряжет лошадей отец,
или братья, и отправятся собирать гостей. Соберут, гости придут.
[Дом] настроят, и [как] будет семь часов, пойдем на беседу.
Пойдешь на беседу. Пробудешь целый вечер там, на беседе. При-
дешь, может быть, в пять-четыре [часа] утра домой. День [днем]
поспишь недолго, до десяти утра поспишь, потом отправляемся
снова на дневную беседу. Днем на беседу пойдешь... Кто кому
[с кем] опять знаком, снова там играешь, или сидишь [с ним], или
что. А вечером вот никогда девушка парня не искала, а парень,
брат, если в меня влюбился, то послал кого-либо приглашать [меня].
А если как не желаю, то скажу: «Нет, не пойду». Вторую [девушку]
пригласит, третью. Вот некоторым парням не удастся никого при-
гласить. Никто с ним не пойдет. А к кому желательно [идти],
пойдешь. Придешь, немножко посидишь, если [тебе] не понравится,
не разговорчивый [парень], возьмешь да убежишь на улицу, да
с другим и сядешь, да и...

А из гостей обязательно отец приезжал брать обратно домой.
Весь мясоед вот так все и гуляли до масленицы. Вот в масленицу
в Козлове было очень большое гулянье [катанье] на лошадях.
Сбруя (в orig. мн. ч.) очень хорошая. Оденешься [нарядно], вот
целый день и катаешься там. Вот друг за другом ('след в след')
едешь — всё лошади. Великий пост наступил — тюк! Никто никуда.
гулянка кончилась ('прошла') до весны. Весна настала, вот с пасхи

[весна]. Вот пасха настала — опять весь народ на улице. Ну вот ночей напролет [на улице] не были. Скот в деревню — и девушка домой. Все воскресные дни гуляли, все праздничные денечки гуляли, ну а ночей [напролет] не гуляли, как теперь. А скот домой — и девушка домой, а если только опоздай — да и домой не попадешь.

Хвалова Парасковья Васильевна. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/10).

№ 57. svatkina kuwndelomašša

kuwndelomah kävimmägo?... kuin roštuo proid'iw, kiwguan l'ammit'et'äh, kakkarua ruvetah paistamah, da l'änget piäh da ikkunašta i pid'aw kaččuo: keššä l'ienet miehel'l'ä, moñigo talošša l'iew el'äjiä. ikkunašta šiel'äi năgüw. a kakkarah luajittu lowkot, l'eikkattu. šiid'ä tulow kaččomašta t'üt'tö. ikkunašta muamoh küžüw: „moñigo mieštä năgü?“. šanow: „viizi“, miššä: „kuwzi“, miššä: „šeiččimen“, kel'l'ä mi ožuttuačow, pereh šuwrigo, da...

l'ienöw ilda. l'äht'iet'äh kuwndelomah kül'üh, žirkaloh kaččomah šulahašt'a. šiel'ä năgüwgo: kun šinä vuona mänet miehel'l'ä, niin năgüw šulahaše...

a viel'ä kül'uššä kuaveht'iečow, viikon kuin kačot. eiñin mänäh brihatten, ozoruijah: feppänäštä fiwvun luwvah. šiel'd'ä kuin l'äht'iet'äh — hiw-hiwl — hüppiämäh kül'uššä kül'äh šuaten, da! a nütten vet' ei käwvä kuwndelomah. niin năgüw heil'äh.

mie omua ičet't'ai šanon: ol'iin kaččomašša. mie t'äššä kül'äššä el'an, olen tullun miehel'l'ä. ka miwla năgü žirkalošša, ka mie t'anne i miehel'l'ä tul'iin. t'äššä randua mie en ollun i vowoš, a žirkaloššä miwla năgü mužikka, šulahaše. da!

ol'iin mie kurginalla gost'issa. oldih meid'ä ottamašša. il-lalla bešowdašša ol'ima, vaš'eida vaš [14. 1.] kävimä [jovella]: „aštukkua! l'ähemmä jovešta kivüt'tä šuamah: l'iewgo šil'ieñägö mužikka, al'i faboi l'ienöw?“. ješ'i šil'ieñe kivüt' popad'iw, niin l'ienöw šoma mužikka, ruhmukaš popad'iw — niin l'ienöw faboi, tuhma. i mănima za dva kilometra. t'amän, hiemuan, kuorit t'äštä šuaten, üöl'l'ä avandoh kiän i panet kivüt'tä šuahešša. himottaw t'iet'ä, l'iewgo [mužikka] šoma. šiel'd'ä tulemma: „ožutua, šiwla miit'uš kivüt'. — „o-o! šiwn kivüt' min hüvehüt! — „kačuo miwn!“. — „o-o! šiwn paha, tuhma šulahaše!“.

šulahašt'a kävimä küžümäh, it'et't'amäh lasta kävimä. müö ol'ima boikoit. uvehta kuorzuttamah kävimä, šigua pagawttamah kävimä. šigua pagawttua on trudnol šiñ šijalla pid'aw äijä otviet't'ie! vain ei šua otviet't'ie — l'iew ploho d'ielat: jäll'iešt'i hüppiäw, kuin tuwrikka!

ka ol'ima müö kuwndelomassa, šigua pagawttamassa. šiga kü-
 žuw, šanow: „äijägo on miwla šel'l'ässä sugahast'a?“. a šijalla vas-
 tah pid'aw otviet't'ie: „a miwla tukašt'a piässä äijägo on?“. šiga
 tuaš küžuw: „äijägo taivahašša t'ähüt't'ä?“. — „mi pellošša kivüt't'ä,
 že taivahašša t'ähüt't'ä?“. — „äijägo, šanow, mereššä peskiušt'a? —
 „mi koššošša lowkošt'a, že mereššä peskušt'al“. ka pid'aw šigua
 kuin pagawttual šiid'ä vaštai rubiew kuwlmah, mid'ä šiga šanow.
 šiga rubiew röhkämäh, šiga šanow, kel'l'ä miehell'l'ä [mänet], kel'lä
 mid'ä [šanow]. . . iškiet't'ü šiga, kumbazen l'ihat ollah talvvella aha-
 vah riputettu, ka že šiga pagizomah rubiew. müö iče pagizima
 šijarke. niin vet't'en i šiga pagizow. šiga küžuw — pid'aw otviet't'ie.
 sv'atkoina mänet pagawttamah, mänt'ijä, hen otviet't'iw. šiga
 ei otviet'i, otviet't'iw män t'ijä ken, vot. nečistaja šilä!.

№ 57. Гадания в святки

Годать ходили ли?.. Как только пройдет рождество [7. 1],
 печку затопят, блины будут печь, да хомут на шею, да из окна и
 смотреть [будут]: за кем будешь замужем, сколько в доме будет
 людей. Из окна там [через хомут] и видно. А в блинах сделаны
 дыры, вырезаны. Потом приходит с гаданья девушка. Из окна мать
 ее и спрашивает: «Сколько человек видно было?». Скажет «Пять».
 Где: «Шесть». Где: «Семь». Кому сколько покажется, большая ли
 семья, да. . .

Настанет вечер. Пойдут слушать в баню, в зеркало смотреть
 жениха, там видно ли: если в тот год выйдешь замуж, то виден
 жених. . .

А еще в бане кажется [чудится], если долго смотреть будешь.
 А то парни иногда поозоруют: через волоковое окошко палку бро-
 сят. Как пойдут оттуда [с криком]: «гив-гив!» — бежать из бани, до
 деревни [бегут]. Да.

А теперь ведь не ходят слушать. Так им видать.

Я о себе самой скажу: ходила смотреть. Я в этой деревне живу,
 вышла замуж сюда. Вот мне показалось в зеркало, вот я сюда и
 замуж вышла. В этих краях я вовсе не бывала, а в зеркало видела
 мужа, жениха. Да!

Была я в гостях в Кургане. За нами приезжали. Вечером были
 на беседе, перед васильевым днем [14. I] ходили на реку: «Идемте!
 Пойдем из речки камешек доставать [узнавать]: будет ли с гладким
 лицом муж, или рябой будет?». Если гладкий камешек попадется,
 то муж будет красивый, если шершавый [камешек] попадется — то
 будет рябой, некрасивый. И пошли за два километра [на речку].
 Этот, рукав, вот засучишь до сих пор [до локтя], ночью в прорубь и
 опустишь руку, чтобы камешек достать. Хочется знать, будет ли
 красивый [муж]. Оттуда придем: «Покажи-ка, какой у тебя каме-

шек?». — «О! Твой камешек какой хорошенький!». — «Посмотри-на мой!». — «О! Твой плохой, некрасивый муж!». .

Ходили спрашивать о женихе, ходили ребенка заставлять плакать. Мы были бойкие. Ходили и заставляли жеребца храпеть, со свиньей разговаривать ходили. Свинью трудно заставить говорить! Тут свинье надо много отвечать! Если только не сможешь ответить — плохо дело будет: следом [догонять] побежит, как тюрик!

Вот мы слушать ходили, со свиньей говорить. Свинья спросит, скажет: «Сколько у меня на спине щетинок?». А свинье в ответ надо сказать: «А сколько у меня волосинок на голове?». Свинья снова спросит: «Сколько на небе звездочек?». — «Сколько на поле камешков, столько на небе звездочек!». — «Много ли, скажет, в море песчинок?». — «Сколько в холсте дырочек, столько в море песчинок!». Вот как надо со свиньей говорить! Потом только и будет слышно, что свинья скажет. Свинья начнет хрюкать, свинья скажет, за кого замуж [выйдешь], кому что [скажет]... Заколота свинья, мясо которой зимой висит на морозе [вялиться поставлено], вот та свинья будет говорить. Мы сами говорили со свиньей. Так ведь и свинья «говорит». Свинья спросит — надо отвечать.

В святки пойдешь расспрашивать — поди знай, кто отвечает. Свинья не ответит, отвечает поди знай кто, вот. Нечистая сила!..

Николаев Василий Иванович (nikolain vaša), 32 года, дер. Прудовна (prudowka) Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 50, лл. 1—3).

№ 58. kuin päret'tä srugitah

miän koluššalla ilmazen ijän katokšie katetah päriel'l'ä. kuda ke'l'l'ä tanhuot on katettu ollella, no olgikatoš vain šuwrešta hiaštä. a kuin katat päriel'l'ä, nin jo dvatcat' l'et huoletta i ole. a vet ollella katettu vuwven kolmen-viijen jäl'geh l'iew tuaš kuin šiegla, tuaš korvalla i l'ekuta! žent'äh jogohiñe i stremiečow kaikki katokšet kattua päriel'l'ä.

pärieh parahittuan mänöw näremeččä, pärieh varoin val'l'ičet parahan puwn, stobi ei oiš oksua: mid'ä vähembi oksua, sid'ä ši-l'iembi päre, a okšikkahašta l'iew äijä t'ilgua. a šiid'ä i ul'en lo-žiešta tože päre ei muoñe l'ieñe, kattuašša voiččow halleta. a ka paraš kaikkie ei ložie, ei i hoikka, keškikerdane, sred'noi puw; pil'ie merkua müöt' ühenpiduziksi čurkaziksi, lad'jata t'el'egäh, suattua sruginnalla. iččien aigah i srugitah. ottaw pruoban, kačot: „luaji näin!“. a kuin pid'ännöw vähäšt'ä hoikembua il'i ložiembua, niin šiwla rišt'ikanža i luad'iw. otat päriet, ogonotkat sih jiahäh (muoñe i poruotka on), makšat ruadamua, šiinä i kaikki.

hūt voittuan mel'licät ruvettih šambumah, sruginnat šid'ä ze, a katoksie kattua pid'aw. nīm luajitah käisiruginnalla. ka hot' hukan sruginnalla vähägo ruattih? viel'ä ei vain oma kül'oveh, muwvalda ajetah. t'äššä on ruado ičeväin, monellah pid'aw. šeizawduw srugija srugua vaš, rewnah — pärien ottaja. vualun riwvušta pūžut'tiäcēt'äh pūōrit't'ajät, mieštä kolme-nel'l'ä. l'äht'ow ruado, nīn vain l'ähe pois t'iel'd'äl mi l'uwbo päřet't'äl sruga čul'čennow, nīn sfiadu i tahkotah. näbiel'l'ä srugalla puolella viäl'l'ä ruat, a čul'či sruga i päřeid'ä rikkow — hařjuaw. srugijana ei jogohizella šua olla: šiinä pid'aw mahtua, t'iet'ä tolku srugašta. kun pid'ännow ložiembua päřet't'ä, nīn pid'aw srugua noššaldua, a kuin hoikembua, nīn l'iččualdua.

pūžūō riwvušta da pūōrit't'ia jogohizella šuaw, vain staraigah, el'gah laisutta pid'äkkah.

№ 58. Как строгают дранку

В нашей местности испокон веков крыши кроют дранкой. У коего дворы покрыты соломой, но соломенная крыша — только при большой нужде. А как покроешь дранкой, то уже двадцать лет и будь без заботы. А ведь соломой покрытая [крыша] через три-пять лет снова станет как решето, опять за ухом и почеши (двигай ухом)! Поэтому всякий стремится все крыши крыть дранкой.

Для дранки лучше всего идет еловый лес. Для дранки выбе-решь лучшее дерево, чтобы не было сучьев: чем меньше сучьев, тем глаже дранка. А из сучкастого [дерева] останется много браку ('щепок'). А потом и из очень толстого [дерева] дранка не такая будет: когда начнешь крыть, может колоться. Так вот, лучше всего не толстое и не тонкое, а среднее (карельское: keškirdeähe и русское: r'ed'noi) дерево; распилить по мерке одинаковой длины чурочки, сложить на телегу, повезти на строгальню. При тебе и на-строгают. Возьмет пробу, смотришь и скажешь: «Сделай так!». А если нужно немножко потоньше или потолще, так тебе мастер ('человек') и сделает. Заберешь дранку (в orig. мн. ч.), огонотки [горбыльки от чурок] останутся тут (такой и порядок заведен), заплатишь за работу, тут и все.

А теперь, как видно, мельницы [где строгают также и дранку] стали мало-помалу закрываться ('угасать'). То же самое и стро-гальни, а крыши крыть надо. Так строгают дранку на ручных стро-гальнях. Да вот хоть на строгальне Хуккиных мало что ли рабо-тали? Не только своя деревня, из других деревень едут. Здесь работа проводится своими силами, несколько человек нужно [для этого дела]. Станет строгальщик у строгального стана, рядом — тот, кто принимать [дранку] будет. За шест [или ручку] махового колеса возьмутся те, кто будет крутить колесо, человека три-че-тыре. Дело пойдет, так только с дороги прочь! Сколько хочешь

дранки! Если нож затупится, то сразу же и наточат на точиле. Острым ножом в полсилы работаешь, а тупой нож и дранку портит — лохматит. Строгальщиком не каждый может быть: тут нужно уметь, понимать толк в ноже. Если нужна дранка потолще, то нож надо приподнять, а если потоньше, то прижать.

Держаться за рычаг и крутить всякий может, пусть только старается, пусть не ленится.

Марков Петр Андреевич (markovičan pet'u), 72 года, дер. Аржаное (ruispuwsta) Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 104—113).

№ 59. ruis'puwstah n'äh

kaiken oman ijän el'iin ruispuwsalla. ruispuwsta kül'ä monigo vuotta on olomašša — t'äd'ä en voi tarkah šanuo, en mie ole šigäl'i kirjämieš, mie vain t'ijjän žen, što olen kuwvetta kol'enua.

enžimäne el'äjä ruispuwsalla ol'i šiila. mistä hiän tul'i t'anne — ew t'ieduo, ei muisseta, eigo šanella t'äd'ä. miän puame-tilla enžimäne nimi on šiila. hänen poiga ol'i marke — mark šilič. t'äl'd'ä šuat on l'äht'en miän fomil'ja markow. marken poiga ol'i iva — ivan markovič, ivan poiga ol'i riigo — grigorii ivanovič, riijon poiga ol'i ondrej — andrei grigorjevič, miwn tuatto. hiän el'i šeiččimenkümmeñd'ä vuotta l'izäŋke, ol'i äijän-vähän kirjaj mahtaja. hänel'l'ä ol'i kirjutettu nimet: tuaton, d'iedoloin i pravod'iedoloin. hiän šano, što enžimäne el'äjä ruispuwsalla ol'i šiila, a šiid'ä rubei kül'ä kažvamah. ed'izeh srojieči päiväzeh očiin sloboda. ol'i ošośśalda nowššun pereh. šiid'ä t'eron vel'lekšet tuldih ed'ähäd'ä, murmaniešta päin, hüö pagoh hüpät'tih t'anne, oldih mist'äollow d'ieläšta puwtunnuot. heid'ä tavotettih, no ei šuanun tavottua, piäštih pagoh perehil'öirke. kül'an mužikoilda pürri't'tih, pakottih äijäl'd'i: „priimikkiä kül'öveheksi“. kül'ä otettih omaksi. viel'ä šanottih, što olah hüö mist'äollow „järvestä nowššuo“. lapšie hiän toizet lapšet niärit'el'l'äh: „oh šie, järvestä nowššun!“.

t'eričän roduo nüt on kül'äššä kaksi taluo, a viel'ä kaksi taluo on l'äht'en akad'emiceskoih el'amäh — stančalla, vollockan tagah.

nüt kül'ä on kahteh slobodah nel'l'äkümmeñd'ä taluo. miwla on jo šeiččimenkümmeñd'ä enžimäne vuoži, olen potr andrejevič. on miwla poiga vaňa, hänel'l'ä on jo nel'l'äkümmeñd'ä vuotta. miwn ivan petrovič on šeiččimet'tä kol'enua ruispuwsan el'äjie.

rigeneh oldih palot...

kolhozan luajittih kuin i muwvalla. ed'izeh mänd'ih kolmeküm-mend'ä taluo, toizet viel'ä kodvazen puzutt'el'iečett'ih. nüt on predana jamnoin muzikka ovčinnikov ivan al'eksejevič. miän kolhoza ol'i ül'en spravnoi, ewllun häd'ä ni mist'ä. l'eibä-suött'ä miän peldoloilla kažvaw hüviin.

miän kohuššalla d'iedot muissuteldih l'itvan aigua. l'itva proid'i miän kohustua müöt'en, eišt'u kül'ie müöt'en. kuda-kumbaŋe kül'äŋe jäi koškomatta. šanottih, zuabrušša da beřogovoi, näišt'ä t'iet'tävišt'ä kül'ist'ä.

l'itva tappo rahvašta. muzikat kirvehüziin vaššattih heid'ä. šurmah šuat torattih. ruišpuwstua vaš on kalmizo, niin i mänd'ä kakši vualuo řadalleh. mulloin, šanottih, zavod'ittih peskuo ved'ä, da hül'lätt'ih — rubei nowžomah piämal'ukkua. kuin šanotah, niin i on: kalmizo. dutkin luona beřogašša goralleh on tože kalmizo. jogirandua uwtaw vejel'l'ä, viijit'äh luwt řišt'ikanžan. ošoššan goralla tože on kät'kiet't'u. l'itva keräi eluo i žiivattua otti, äijäl'd'i ruašt'i da šatatt'i, häd'äwt't'i rahvašta, znai muissetah, kun panua unda.

miän tuatot muissetah voinua turkin muanke. suvorovua paistih. pl'ennoiloida ol'i vejet't'u, nin guominot t'äwvet oldih. šiid'ä hiät kunnollow ül'ennett'ih.

bajařin aigua miän kül'äšša, jamnoissa, viänd'äšša ewllun. miän mama ol'i otettu ploskoilda — šeiččimen virštua väl'i. heil'ä ol'i bajafi snažina, lopakošša (t'äl'd'ä kahekšan virštua) ol'i bajafi makarov. šanel'i mama, kuin el'et't'ih bajařin. aigan. nel'l'ä päiviä ruattih bajařsinua, kakši omalla pellolla. ül'en monikummall'ine ol'i bajafi snažina, monda kohtua paissah i nüt häneh näh viel'ä, ei šaiš kuingi šiwla kaikkie i šanella. rahvaš riššitt'ih ši'l'mie, kuin kirboi bajařšina i l'ieni vol'a.

omalla ijal'l'ä šuwri permenä ol'i el'ännäšša, ol'i revol'ucii. ka ol'i mišša d'iivua, kuin čuafin ajettih. ol'igo t'ämä toivottul kuin l'iennōw šuannun luad'ie t'ämä l'eñinalla, ka ol'i piälakka hänel'l'ä. ošoššan karassun miša šeizo počotnoissa karavuwlašša, konža l'eñina šano broņevikalda finl'and'iista tulduh. kuin šano, niin i l'ieni. rahvaš tuldih kod'iloih. muat tuaš juattih, ol'i žeml'amiera tullun. uwdeh rukah rubeimma el'ämäh: igä el'ä igä i opaššu.

№ 59. Про деревню Аржаное

Всю свою жизнь я прожил в Аржаном. Сколько лет существует деревня Аржаное — я точно сказать не могу, я не настолько грамотный, я знаю только то, что я [представитель] шестого поколения.

Первый житель в Аржаном был Сийла [Силантий]. Откуда он пришел — неизвестно, не помнят и не говорят об этом. В нашем

поминальнике первое имя Силантий. Его сын был Марк — Марк Силыч. Отсюда произошла наша фамилия — Марков. Сын Марка был Иван — Иван Маркович, сын Ивана был Рийго — Григорий Иванович, сын Рийго был Ондрей — Андрей Григорьевич, мой отец. Он прожил семьдесят с лишним лет, мало-малыски знал грамоту. У него были записаны имена: отца, дедов и прадедов. Он говорил, что первый житель в Аржаном был Силантий, а потом деревня стала расти. Сначала застроилась слобода к солнцу фасадом. Из Ососья переселилась семья. Потом братья Терентьевы приехали издалека, со стороны Мурмана. Они бежали сюда, в чем-то ('за какое-то дело') провинились ('попали'). За ними гнались, но не могли поймать, они сумели убежать с семьями. В деревню попросились у мужиков, очень просились: «Признайте своими деревенскими». Деревня приняла ('приняли') в качестве своих. Еще говорили, что они откуда-то «из озера поднялись». Их детей другие дети дразнили: «Ох ты, из озера поднявшийся!».

Из рода Терентьевых теперь в деревне два дома, а еще два дома уехали жить в Академическое — на станцию за [Вышним] Волочком.

Сейчас деревня в два ряда, сорок домов. Мне уже семьдесят первый год, я Петр Андреевич. У меня сын Ваня, ему уже сорок лет. Мой Иван Петрович — [представитель] седьмого поколения из жителей Аржаного.

Часто бывали пожары. . .

Колхоз был организован, как и в других местах. Сначала вошли [в колхоз] тридцать домохозяйств, остальные еще немножко вдерживались. Теперь председателем [работает] яминский мужик — Овчинников Иван Алексеевич. Наш колхоз был очень богатый, ни в чем не нуждались. Хлеб-кормилец на наших полях растет хорошо.

В наших местах деды вспоминали времена литвы. Литва прошла по нашей местности, проходила по деревням. Редко какая деревня осталась не тронутой литвой. Говорили, Забрусье да Береговая из известных здешних деревень [остались не тронутыми литвой].

Литва поубивала народу. Мужики с топорами встречали их. Насмерть дрались. Рядом с Аржаным есть кладбище, так и проходит два ряда [могил]. В прошлом году, говорили, начали песок возить, да оставили — черепа стали появляться. Как говорят, так и есть: около [деревни] Дудки на берегу горой [возвышается] также кладбище. Берег реки подмывает водой, выступают человеческие кости. На Ососьенской горе также похоронены [люди]. Литва отбирала добро и скот, очень грабила [народ] и обижала, в горе загнала народ — все еще вспоминают, как дурной сон.

Наши отцы вспоминали войну с Турецкой землей. Говорили про Суворова. Пленных было завезено, полные гумна были. Потом их куда-то угнали.

Крепостного права в нашей деревне, в Ямном, в Винже не было. Наша мать была взята из Плоского — семь верст [отсюда] расстояние. У них был помещик Сназин, в Лопакове (отсюда восемь верст) был помещик Макаров. Мама рассказывала, как жили при помещике. Четыре дня работали на помещика ('работали боярщину'), два дня на своем поле. Очень своенравный был помещик Сназин, много о нем говорят и сейчас еще, не надо бы тебе обо всем и рассказывать. Люди перекрестились, когда пало крепостное право ('барщина') и стала воля.

На моем веку большая перемена в жизни была, была революция. Вот где было диву, когда царя свергли. Разве можно было подумать об этом! Как только сумел это сделать Ленин. Вот башковитый был человек. Карасев Миша, из Ососья, стоял в почетном карауле, когда Ленин говорил с броневика по возвращении из Финляндии. Как он [Ленин] сказал, так и стало. Люди пришли по домам. Земли опять разделили, землемер приезжал ('был'). По-новому стали жить: век живи — век учись.

Марков Петр Андреевич. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 118—122).

№ 60. *kuin nahka luad'ie owfčinakši*

l'ivottua kuiva owfčina veješšä puolet suwtkie, kuñi hiän ei pehmene. panna kozlalla, ottua mielaŋke nāzrā kossalla. luad'ie vuaša kagrazešta l'ibo vehnāzeštā jawhošta, kävel'ūt'l'ä šepäl'l'ä i ned'el'i muijottua.

konža on šuwfi part'ii nahkua, niin pid'āw panna keššel'l'ä vuaša-tordo, a kahen puolen puizet. kaššat üksit't'iän nahkat vuašah i lad'juat rañnimmazeh puizeh. nahka puizeh pañiečow kaksiin ker-roin: piä da häñd'ä vaššakkeh, villat šiameh päin, a nāzrā — piäl'l'ä. t'äššä puizeššä, kuh pañiit, piet suwtkat, a šiid'ä otat, tuaš kaššat vuašah i üksit't'iän heit't'el'et toizeh puizeh. nāin vaihtelet ned'el'ie kakši, kuñi ei rubie villa l'äht'ömäh. rubiew villa eruo-mah rienazellah — šilloin jo nahka l'iew valmiš.

konža vuaša l'iew valmiš i muijotettu, ši pañiečow jogo owf-činan kohtah puol'i funtua šuolua i kakši funtua kagrašt'a jawhuo. valmiš owfčina on nošsettava valumah. valuw, šilloin pužerrat kahella kiäl'l'ä kobrissellen lujazeh kăzil'l'ä keššeššä alah päin. mărğäzenä rippeih panneššä riwvulla pid'āw luad'ie osatkarie, du-binua müöt'en kahelda puo kăzil'l'ä tukkuomizeh l'ičču, alahada päin vejel'l'ä.

kuivaw nahka. kuin ollow pehmie, niin jo valmis i on, a kuin ollow kovaŋe — pid'aw kohennaldua. šil'l'ä že vuašalla kaššallat owfčinan i tukkuot kalakukolleh, nokat kiännäl'l'ät piäl'l'ä päin i l'iččuut. piet kodvan, kuŋi ei pehmene — kazi kuwlow. tuorahazena riputat nuorah hännän juwrešta, oijennat kaglan i kl'ukalla hierot, ed'izeh randazet oijennat, a šiid'ä ül'ci nahkan. šiid'ä kruwgalleh muwttelet šivonda kohtua i vejät verkazeldi, nahka ved'iačöw muozeksi, müt'uš ol'i, i valguow. owfčina valmis.

voit luad'ie dubittuo owfčinua. näzrān kabliennan jāl'geh mie-lanke kerrast'a kaksi pid'aw voijella kiehutetulla parkilla. že nahka l'iew dubittu, dubittu nahka ei varaja vet't'ä. vihmukkah-valakkah kuin korvošta — kaštukkah turki, järe'l'l'äh kuivi — ženže nägöŋe.

šanoin šanalla, a nūt ožutan kaikki srumentat, kaikki būwtorat, mit t'äh d'ielah god'iečetah. [kaččoma: kožowān, torrot, puizet, kozlan, katalkepual'ikan, kl'ukan].

miān mama mahto nahkua luadie. tule, mie šiwn opaššan, možot konžaigi rubiet luad'imah, šanotah: igā el'et't'ävā — ewle poikki pellon projittava. mid'ai maha — kaikki on hüvä.

№ 60. Как выделяется овчина

[Надо] размачивать сухую овчину в воде полсуток, пока та не размягчится. [Потом] положить на козлы, снять с мелом мездру косой. Сделать закваску из овсяной или пшеничной муки. Дать перебродить на дрожжах и неделю дать киснуть.

Когда [имеется] большая партия овчин, то посередине [кожевни] надо поставить чан с раствором, а по обеим сторонам [чана] — кадки. Овчины по одной намочишь в растворе и разложишь их в крайнюю кадку. В бочку [овчина] кладется свернутой пополам: головная и хвостовая части [кладутся] друг на дружку, шерсть [окажется] внутри, а мездра наружу. В этой кадке, куда сложил [кожи], поддержишь их сутки, а потом вынешь, снова намочишь в растворе и по одной перекадываешь в другую кадку. Так переменяешь в течение двух недель, пока не начнет слезать шерсть. Если будет шерсть чуточку лезть, тогда овчина будет готова.

Когда раствор будет готов и прокиснет, в него на каждую овчину кладется полфунта соли и два фунта овсяной муки.

Готовую овчину надо вынуть и дать [раствору] стечь. Когда [раствор] стечет, отожмешь еще двумя руками сжиманием ладоней сверху вниз. [Когда] еще [кожа] сырая [и] когда вешаешь [ее] на жердь, надо дать осадочку: по жерди с двух сторон к середине руками сжимать, а снизу чуть стягивать.

Высохнет овчина. Если она мягкая, то она уже и готова, а если жесткая — надо доводить ('поправить'). Той же закваской снова смочишь овчину и завернешь наподобие рыбного пирога: концы

повернешь наверх и прижмешь. [Так] поддержишь некоторое время, пока не размягчится. Рука [это] почувствует. Сыроватую [кожу] снова повесишь на веревку за корень хвоста, выправишь шею и клюкою трешь, сначала боковинки выправишь, а потом вдоль всей шкурки [водишь]. Потом переменишь место, за которое кожа была привязана, и вкруговую потихоньку растягиваешь. [От этого] кожа вытянется [и станет] такой, какой и была, и побелеет. Овчина готова.

Можно выделывать и дубленую овчину. После того, как с мелом овчина очищена от мездры, разика два надо помазать раствором кипяченого [ивового] корья. Такая кожа будет дубленая. Дубленая кожа не боится воды. Пусть дождь льет, как из ведра, пусть шуба намокнет, [а] высохнет ('высохла') — снова такая же.

Рассказал тебе все на словах ('словами'), а теперь покажу инструменты, все принадлежности, которые на это дело годятся. [Мы осмотрели коженю, чаны, кадки, козлы, валёк, клюку].

Наша мама умела выделывать овчины. Приходи [и ты], я тебя научу. Может быть, когда-нибудь и ты будешь выделывать [кожу]. Говорят [ведь]: век прожить — не поле перейти, что ни умей, все хорошо.

Григорьев Александр Григорьевич, 50 лет, дер. Кручинка Спировского района. Записал А. А. Беляков, 1945 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 1—6).

№ 61. [hukan ɲeicci il'vewa]

muissat, ūht'enä vuodena meil'ä ol'i trohkon mit'a paime-
nissa, ɲin šinä vuodena, kažetsä, ennen rugehen l'eikkuandua,
hukka kaikki lambahat šordi. šeiččimenkümmeñd'ä viizi lammašta
tuhoi. ol'ima howkat, kaikki hawdah pañima. a vet toizilla i jäl-
lūt't'ä ewllun. hiän lambahan kaglašta fat't'iw, muada vaš trähñiw
lambahalda i duh von, a kumbazelda i verd'ä kuapl'ašt'a ei lasse.
ñe kaikki ois voinnun šuolata: vuvvekši harčut, ubitka ois ollun
pienembi.

nu ka, šiida šuat mie hambahan puñiin hugin piäl'l'ä. moñi ta-
poin, dai rawdoida pijiin.

vot kerran savat'eikši [13. X] varustuačiin, oluot pañiin, kaikki
ruavot ruattu. pruažniekkua vuottuassa rešil panna rawvat. jo ilda
puoleh savateida vaš l'äksiin rihipuwsta h rawvoiŋke. tul'iin,
viñit'iin palorandah, miššä, nad'ožno. t'iijäno, hukat kävell'äh. raw-
vat miwla oldih čiepiŋke, potomušto vägövä hukka rawvoiŋke mo-
žet uid'ie, a ras viel'ä lunda ew, ɲin voičcow i kaduo. toizen ɲo-
kan čiepil'd'ä šivoin nār'ieva'l'ožn'ikan ladvah. rawvat hüviin peit'iin,

čiepin peit'in, kuin s'ieduic'ow kaikki luajiin i l'äksiin kod'ih duwmaic'en, huomneksella, ennen gost'ie, tulen kačahan.

toissa piänä huomneksella, icčenäh savat'eina, mi ollow häkku tul'i, ei šuan meččäh männä. a päiväl'l'a tuldih gost'at, veštel'oi-d'umä, nin ne do rawdoh. takže i toissa piänä ew rawvat miel'eššä, jo kolmandena piänä gost'at l'äht'iet't'ih huomneksella. rod'ih vrod'e igävä ukšiin. šilloin vašta juohtu, što rawvat on vifit'et't'u... l'äksiin meččäh trezvoh da hüviin i ruavoin, ato mänt'iijä mid'a ois viid'in. niin oldih kiänd'un azjet.

vot, značit, l'äksiin meččäh rawdoida kaččomah.

l'ähenen paikalla i mestua ei šua tunnuštua: vifit't'iäššä ol'i nuori näreikkohe, hienoh vičäššäreikkohe, a nüt on ruakši kaikki närehuot l'iššit't'u, šammal nošsettu, mua kuobittu. ken t'iešieči? val'ožnikan ladvašta čieppie müöt' kačon — harmottaw, šil'mät lošnitah, a iče ei l'iikaha. turba pakšu — ew hukka. mi tua? kačon — il'vewš, istuw kügrüt't'aw. tunnuššiin: muw ne možet olla, istuw, šid'ai kačo kočahtaw l'ibo šiwh, l'ibo pagoh. a kabal'a rawvoissa — et uijil

kuin ottua? tappua — hiän on živučoi, pid'aw muit'en. ružjua keralla ew: rawvoijke pid'aw ružjatta, žvieči varajaw ružjan duw: huo. ečiip kačgen. popad'i muoh hüvä ladviehahe žohkaŋke no-kašša, žohkalla niššoista muah l'ičata. vot mie ženke ladviehazeŋke l'ähenen hil'l'akkazeh, žohkua ed'izeššä pien. a il'vewš ei l'iikaha, kuin kuollun, vain šil'mät lošnitah. a šil'mil'l'a kaččow žohkah, a ei miwh. čisto kuollun, kuin vain ei šil'mie. nu viel'a vrod'e šä-räht'el'ow, villa — kuin vrod'e tuwlut ruista müöt' proid'iw. nu ol-gah hot' do konca vaibun, a oštorožnost'i pid'aw pid'ia, ew janiš. janiš, dai že purow, a t'al'l'a kazihi puwtu, nin pillun päreiksi čil'biw.

ka mie žohkuä l'ähennän, l'ähennän niškoih dai l'iččain. naž-mill'in, mi on vägie, žohkan nokka že i romšahtj: čüt en il'vewk-šeh nokiin romahtan. hüvä, kaŋgie kazišt'a en lašken, nin en laŋ-gen. luottuačiin randah pagoza, a il'vewš kuin skokniw jäl'l'est'i, a čieppi že riwhtai niin, što il'vewksen ul'äh noššaldj, a ed'emmä ei lašken. a mie niin ruttoh kiännül'l'iin da rabuačiin pagoh, što jallat kuin ollow riššikkeh mänd'ih, suissuin i nokiin l'enniin. il'-vewš kopčilla kuobiw muada, a miwh ei doiŋi, čieppi ei lašše. voit šanuo: čieppi miwn i eloh jät't'i. kuin vain ei čieppie, nin ois kaikki l'ihat luwloista čil'bin. raži ois šuannun tuaŋke sprua-viečie? vet, kačo, konža miwlda kaŋgi katkei, hiän kočahtj, kabal'al'l'a huiskai, nin uhel'l'a künnel'l'a fatt'i tužurkan šel'l'ästä, a alah šuat ul'či šel'l'än l'eikkai, kuin veičel'l'a. hüvä, što hibieh ei doi-d'in, nin vain pal'to ubitkua. a kuin vain vuakšašt'a l'ähembiašä, nin ruačeldj ei ois lašken. ka kehno popad'i.

hukka že staraicčow pagoh uid'ie, a t'amä icčieh kaziin tulow. nu sruašt'iloista mie hänen šiinä. hüviin pežiin. šiŋ vereh i nahkuä ewllun žual'i.

konza kuin toin kod'ih da nahkan niluššiin da vuarnah riput'jin, nin lattieh šuat nahka. ka ol'i štukka! kaikin ud'ivl'aiččiečett'j. a kaččojua ol'i: kaikki kul'a tul'i kaččomah.

pušninah zdaičiin, nin šantah: t'ämän muost'a harvah, r'etko t'ämän šuwrutta.

a t'äššä, ned'el'i šil'l'a aigua, t'uögo ambuja illalla? šanot hukat ulvott'ih. mie t'eronsuošša issuin, poigovehta muañittin. jo iändä ruvett'ih andamah, a t'uö rubeitta ambumah, rikkoja ašien, lieñi kod'ih t'uhjačel'd'i l'äht'ie. hüvä ilda ol'i, možot ol's tuldu, da häkut't'ijä. nu poka viel'a ulvondah tullah. val'ičen hüvän illan, röpšiän štukan-toizen.

№ 61. [Рысь вместо волка]¹⁴

Помнишь, в один год у нас в пастухах был трофимковский [из Трофимкова] Дмитрий, так в том году, кажется, до жатвы ржи, волк всех овец зарезал. Семьдесят пять овец уничтожил. Были дураки, всех в яму зарыли. А ведь у некоторых и следочка не было. Он овцу за шею схватит, тряхнет об землю, у овцы и дух вон, а у иной и крови ни капельки не выпустит. Те все можно было бы засолить: на год харчи, убыток был бы меньше.

Ну вот, с тех пор я на волков зуб имею ('зуб закусил'). Насколько убил, да и капканы ставил ('держал').

Вот однажды готовился к савватееву дню [13.X], пиво сварил, все дела сделаны. В ожидании праздника решил поставить капкан ('в orig. мн. ч.). Уже под вечер накануне савватеева пошел с капканом в Рыхипуусту. Пришел, насторожил их на краю гари [горелого леса], где, надежно знаю, волки ходят. Капкан у меня был с цепью, потому что сильный волк с капканом может черт знает куда уйти, а раз еще снега нет, то может и потеряться. Другой конец у цепи привязан к вершинке елового валежника. Капкан хорошо замаскировал, цепь спрятал, как следует, все сделал и пошел домой. Душа, утром, до гостей, приду посмотрю.

На другой день утром, в самый савватеев день, какая-то помеха вышла, не смог в лес пойти, а днем приехали [или пришли] гости, повеселели, так не до капкана. Так же и на другой день не капканы на уме. Уже на третий день гости уехали утром, стало вроде грустновато одному. Тогда только вспомнилось, что капкан насторожен... Пошел в лес трезвый, да хорошо и сделал. А то поди знай что вышло бы. Так повернулись дела.

Вот, значит, пошел в лес капкан смотреть.

Приближаюсь к месту и места не могу узнать: когда настораживал, был молодой ельник, мелкий ельничек, а теперь догола все елочки общипаны, мох поднят, земля изрыта. Кто здесь озоровал? От вершинки валежника по цепи смотрю — сереется, глаза блестят,

¹⁴ Тексты №№ 61—72 переведены А. А. Беляковым.

а сама не шелохнется. Морда круглая ('толстая') — не волк. Что это? Смотрю — рысь сидит, сгорбившись. Узнал: ничто другое не может быть: сидит, того и гляди прыгнет либо на тебя, либо убежит. А лапа в капкане — не уйдешь!

Как взять? Убить — она живуча, нужно иначе. Ружья с собой нет: с капканом надо без ружья, зверь боится запаха ружья. Подыскал палку. Попалась такая хорошая вершинка с развилком на конце, развилком за шею к земле прижать. Вот я с этой вершинкой потихоньку приближаюсь, развилок впереди держу. А рысь не шелохнется, как мертвая, лишь глаза сверкают. А глазами смотрит на развилок, а не на меня. Как мертвая, если бы не глаза. Ну еще вроде вздрагивает, шерсть [шевелится], как вроде ветерок по ржи пройдет. Ну пусть хоть до конца усталая, а надо быть осторожным ('осторожность нужно хранить'), не заяц. Заяц, да и тот кусает, а этой в лапы попади — так на кусочки раздерет.

Вот я развилок приближаю, приближаю к шее, да и прижал. Нажал что было силы — конец развилка и сломался: чуть на, рысь сам носом не рухнул. Хорошо — из рук палки не выпустил, так не упал. Бросился в сторону бежать, а рысь как прыгнет свади, а цепь-то рванула так, что рысь вверх подбросило, а дальше не пустила. А я так быстро повернулся да бросился бежать, что ноги как-то скрестились, споткнулся и носом полетел. Рысь когтями роет землю, а до меня не доходит, цепь не пускает. Можно сказать, цепь меня и в живых оставила. Если бы только не цепь, то она все мясо с костей ободрала бы. Разве хватило бы силы с такой справиться? Ведь, смотри, когда у меня палка сломалась, она прыгнула, лапой взмахнула — так одним когтемхватила за спину тужурки, а донизу вдоль спины разрезала, как ножом. Хорошо, что до тела не достала, так лишь пальто убытку. А если бы на четверть поближе, так живым ('сырым') не отпустила бы. Вот дьявол попался.

Волк, так тот старается убежать, а эта на человека ('на себя') идет. Ну, от пережитого страха я тут ее палкой хорошо «прополоскал». В злости ('в ту кровь') и шкуры не жалко было.

Когда принес домой, да шкуру ободрал, да на гвоздь [на вешалку] повесил, так шкура до пола. Вот была штука! Все удивлялись. А смотрящих было: вся деревня пришла поглядеть.

В Заготпушнину сдал, так говорят: «Такие редко, редко такие крупные».

А тут, неделя тому назад, вы ли стреляли вечером? Говоришь, волки выли. Я в Терентьевском болоте сидел, выводок приманивал. Уже и отзываться стали, а вы начали стрелять, испортили дело, пришлось пустым домой уходить. Хороший вечер был, может, пришли бы, да [вы] помешали. Ну, пока еще на вой подходят. Вы беру хороший вечер, грохну штуку-другую.

Большаков Александр Васильевич, 37 лет, дер. Мишутино Спировского района. Запись А. А. Белякова, 1936 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, стр. 12—13).

№ 62. kuin šuaha rebuo

rebuo šuaha pid'aw mahtua, jes'li koiran'ke l'äht'ie, nin hüppe-l'üwt't'aw, i koiran vaivuttaw i iče vaivut l'öt'ökši. a paraš azie — koiratta. miwla ružja ol'i bel'giiskoi. uha hüvä ružja, zvolat, kuin žirkalot, i ambuw ed'äh, a tapa ei. ruañiččow, veri vuodaw, a tapa ei, ni konža et tavota ammuttuo žvieřie.

vanhat ohot'n'ikat miwla sovietuid'ih kal'ie. ka mie zvolan erotin i pañiin kiwguah, l'ämbiehüöh; zvolat old'ih juotettu vaššella, voičči palavoittua. palavoittin niin, što zvolat ruššott'ih. mie ne ved'eh. nu rubei ambumah, nin vieřie ei šua: za sto dvatcat' šagow — ei l'ekaha. a verd'a — hot' kuap'azen laškiis. ka šilloin mie annoin reboloilla ägied'a.

a püwd'ia heid'a uha prosto. ota šviežoi jäl'gi, al'i koht'j aššu, vain huavua, štobi ol'is rebo. aššu hil'l'akkazeh, štobi ei pöl'lät't'ia. kuin vain dogad'iit: kočaht'j rebo — šie hiiren rukah piičku. iče hot' awgiella šeizo, vain el'a l'iiku. kuin vain kuwlušt'j piičku-nehen — piet't'uw, ed'eh tulow. rist'ikanžan duwhu hänel'l'a tulow, no ei šua rozbefie mišt'a, jes'li et l'iiku. a eččimät't'a jät't'ia — ei fat'i vägie revolla.

mulloin mie talvešša kakšitoista rebuo tapoin. jawhuo, i sua-haruo, i mat'er'jua, i äijän muwda polučiin. rebo on ul'en herka tappua. vain hot' ühel'l'a drobuzella koškuw, nin jo kirbuow.

№ 62. Как ловить лисиц

Лисиц ловить надо умеючи ('уметь'). Если с собакой пойдешь ('пойти'), то набегаяшься ('лиса заставит побегать'), и собаку замучает, и ты ('сам') устанешь, как собака ('будешь как лягушка'). А лучше всего ('лучшее дело') — без собаки. У меня ружье было бельгийское. Очень хорошее ружье [было], стволы как зеркало, и стреляло далеко, но не убивало. [Зверя] ранит, кровь бежит ('течет'), а [зверя] не убивает. Никогда не догонишь раненого ('стреленого') зверя.

Старые охотники посоветовали мне закалить [ружье]. Вот я стволы отделил и положил [их] в печь после того, как она протопилась. Стволы были наварены медью, можно было греть. Нагрел так, что стволы покраснели. Я их в воду. Ну, [ружье] стало стрелять так [метко], что не поверишь: за сто двадцать шагов убивает ('не шевельнется'). А крови — хоть капельку пустило бы. Вот тогда я дал лисицам жару.

А ловить их очень просто. Возьми свежий след или иди прямо, только уверься, что [в той стороне, куда ты идешь] есть лисица. Иди тихонько, чтобы не напугать [ее]. Как только увидишь ('увидел'), что лисица выбежала — ты попищи по-мышинному. Сам хоть на открытом месте стой, но только не шевелись. [Лиса] как только услышит ('услышала') писк, остановится, прямо к тебе ('перед тобой') придет. Запах человека она чувствует, но не сможет разобраться — откуда, если [ты] не шевелишься. А оставить мышь [и] не поискать [ее] — у лисицы не хватает силы.

В прошлом году я за зиму двенадцать лисиц убил. Муки и сахару, и мануфактуры, и много [всего] другого получил. Лисицу очень легко убить, пусть ('хоть') даже одной дробинкой попадет, [и] то уже падает.

Круглов Павел Егорович, 60 лет, дер. Дербумье Спировского района
Записал А. А. Беляков, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 20—31).

№ 63. kuin mie kondieda nāin

šilma int'efesulčow, kuin mie kondieda nāin? nāin, vara-vel'i. niin nāin, štoi iče en ollun ruad'i. kl'ietkašša hānd'a on kaččuo ničevo, a meččāšša nāhā — korvat oldjh hörpāl'leh, viluh hige h rabai. hūvā, što kuad'iet puhtahakši jiād'ih. ūksiin hānerke on paha bešowduija, paginat on l'ūhūöt, kiel'i kulkulageh puwtuw.

ažiet oldjh šeiniin: šie t'ijāt, kuin mie l'ešnikkānā ruan, nin meččiā pid'aw i kaččuo. talvella hot' tuwl'i, hot' pōwrū, hot' pakkahe — māne meččāh. šugūžul'l'a hot' veži, hot' vihma — māne meččāh. kežāl'l'a omat ruavot vāngukkah, a šie māne meččāh. mui'en ei voi, ras olet ruadoh šiduocen, nin ruaduo i kačo. kaččohuoh mid'a l'uwbo rua: hot' koissa, hot' sušiedašša, hot' kolhozalla awta. mie ruan i kolhozalla, kun konža jowdu pozvuol'iw. skol'ko mie viigonašša aidua kohenniin? vāhāngo uwttā pañiin? a vet riwvut i šeibāhāt iče l'eikkain, muduažih kohtih za sto metrow ičeväin ribawtjin. paimen raži kehtuaw, kun ew riājit't'u. mi ollow on tua pakšupiā popad'in. slov net, žiivattua kaččow hūviin, fetko mi ūökši meččāh jiāw, da i pattehuon tuačči ew vigua, ei obiid'i žra žiivattua. mie vet i žen kačon. bivajet popad'iw laiska da paha, bestolkowvoi, ūl'či päivät žiivatta tukušša. a tukušša min ottaw? nāl'l'al'l'a i kod'ih tulow. a ras ei kül'l'al'd'i šüö pellošša, nin žen i l'ūpšāw. skol'ko hiān päivāšša utajiw maiduo, kuin hot' ūht'a l'itrua vāhemmān l'ehmā andaw? a paremmiin kačo, lašše heid'a roznoimbuažeh, žiivatta kül'l'āzemi, l'iiga l'itra maiduo. da i ičell'ah vet kebiemi: ei pie ūmbāri karjašta piet'tā-māt'tā hūpell'a. nin ka ei šid'a malteta. a t'amā, skažem, laiskuon

tuačči ei ümbäri hüppele, a žiivatalla i spokoja. a aidoida ei kehtua kaččuo...

[—pavel jgorovič, a kuimbua kondie?].

—ših šie el'ä kiirähä. kondieh pid'aw ostorozno l'ähet'ä, kuin istujah jänikseh, al'i t'edrih, bol'se viifien: uht'ial'd'ä, toizualdä päin, mišt'ä skodnoimbi. šie t'ijä kifjuttua, a mie hot' šeniin i vil'ikuwrien, a kondien luoh šiwn tuon, ed'eh šeizatan.

davai ed'izeh zakurimma, šid'ai kondieloih l'ähemmä. kondie on šuwri, a tabakan duwhuo varajaw, ed'izeh pid'aw kufie. kufihuoh hiän skluadnoimma roskažiečow. (l'igua, konešno, mie en šuače paissa, a mi šiwla kuin ei god'ieče t'etratkah, nin šid'ä el'ä kifjuta. päivän aloh t'äššä voit šeže t'äwži t'etratka kifjuttua putnoida. newšto kaikki šiwla pid'aw?).

nu, kun šeniin, nin kifjuta. tol'ko kiel'en šie i iče t'ijät paremmin ked'algi. kežäl'lä on hüvä tuhjozen taguana istuo da paissa, a šuguzül'lä muduaš kerran tulet kod'ih, nin hot' pužerra.

nu, vot kai mulloin ših aigah ol'i näinže hüvä šiä, čironē. nūt kaikki kifjuta, l'ähemmä kondieh l'ähenömäh bez ostanovki, vain kifjuta,

že azie ol'i ennen il'tua [2. VIII], točno hüväžešti en muissa. nu, skol'ko mie učuaskalla, omalla d'ielalla meččäh nagol'i kävel'en huomneksēšta, nin i šinā huomneksēna aivokkazeh zavtrakaičiin, näizella tože pid'aw ruavolla opozdaimatta männä, vakkazen kazi-varrella, vakkazeh palan l'eibiä da ogurčua, da puarazen juablokkua, ružjan šel'gäh, ružjatta mie meččäh nūt ni konža en l'ähe, vāhago mid'ä sluččiečow. l'ibo hukka možet vaštah maihahtua, niid'ä l'uboilla aigua voit ambuo, viel'ä premiin annetah, vain tapa. dai muitein ružjanke meččššä on spokoinoimbi hengel'lä, kuin ollow paremmin čuwsvuiečt ičett'ä. ol'i slučai, kerran ružjatta l'äksiin; da ruatowskoiloih šuat doižiin. ildapuoleh jo kod'ih päin aššun. ruispuwstah doid'ieššä, ennen kaivošt'a, muissat, hiil'ihawvoin luona šuoh päin on kaivoše, nin ka ennen šid'ä kaivošt'a tuhjoloista viiži hukkaa ed'eh möl'äht'i. značit, unnäh pahnovēh. no poiijat oldih šuwret, čüt ei muamoh muozet. mie rät-kähiin, nin kun hüö otalletah awgiešt'a müöt' šuoh päit', nin kuin hebozet, vain tumajaw. a vet ois ollun keralla ružja, nin vpolne ois voinnun vanhemmat ših ulozie. kart'eččipatronoilla tuan l'ähe-hüöd'ä zaprosto oizin molemmat šordan, a poiijat jälgeh hil'lakkazeh, tože ni kunne ei ois uijittu. vot hiän, kerdah takka d'evgua da viel'ä i blahodarnošt'i. a kaikki oma prostohuš. vid'iš, jügje ružjua kandua.

[—a kondie kuimbua?].

—mie šiwla šanoin, viifien kondieh pid'aw männä. niin i tulow, tuas randah häil'ähütt'i. nin mih mie suissuin kondieh l'ähet'eššä?

[—ružjan šel'gäh otiit].

—nu, vot. ružjan šel'gäh, vakkazen kazi-varrella dai pošol meččäh. muwh aigah mie vakkazetta kävel'en, l'eibäpalan korma-

nih — dai pošol. talvella bivajet i šizal'ih šud'iat: ei kul'mäis. a šilloin marjoih varoin vakkazen otijn. vid'is šie, kežal'l'a kuin varuššat, nin talvella tulow parembi. marja raznoi, da griba, da šienī šuolattu — kaikki l'eiväl'l'a abu. dai stolan taguana on veš-šel'embi istuo harčurke. hiän kuin ni kuin, a peremena. harvazeh gribarokkua, harvazeh šienirokkua, nuat'tirokkua, l'iharokkua — hiän tulow nagol'i roznoi šüömiñe. a vavarno on i niin hüvä. a emännäl'l'a ših mänöh ol'i suaharopeskuo, nin vařenjua keitt'ia hot' vierahan varakši al'i pruzniekakši.

[— a kondie?].

— tuaš kondie randah mäni. tua kondie hot' ois ennen šunnün-d'ia hävin. pöll'ät't'i ičett'ömäkši.

[— kenen šunnünd'ia: šiwn al'i kondien?].

— mie jo ammuin olen šünd'unnun. ših aigah, kačo, i kondieda ewllun, mid'a ollow ei heid'a ennen t'ial'a kuwlun. stalo bit' ei miwn šunnünd'ia, a kondien.

[— a kuin hiän vois hävit'a ennen omuadah šunnünd'ia?].

— kačo šie, tuaš že prawda, ennen šunnünd'ia hiän ei voin hävit'a. vidno, en ših koh šid'a šanua šanon. nu da ladno, l'ahemma iel'leh.

nu ka, l'äksiin, viel'a kašše ei kuivan. kuñi obhoda peräh mä-net dorogua müöt', nin kuivaw, vot kävel'iin hazovoih šuat. ruatowskoit, jogirandua müöt' t'eronšuohtul'iin, šid'a nagrišahoh, a šiid'a kuamuhua müöt' bukaših päit' da omah viigonah.

aigua müöt' dovol'no viikon kävel'iin, vet kačo, kaiken ilman iššiin. kuda-ked'a viel'a puwstañiekkua niit'täjiä i kuivuaia ol'i jogipuwsan jovuolla i muwvualla. kaikki kačoin i otprav'ajus' kod'ih. a viel'a ilda ed'ahanä. narušenjua ni miššä ew, voit kod'ih. rešil kačahtua vavarnuo. pada-ahošša vavarnikot ollah, da mie en puwttun šinne šinä piänä. vid'is šie, važameh kad'eh kaldai, ruatowskoida müöt' l'äksiin. nu rešil kačahtua viigonašta. konuavan proijiin, šuwrdameččia müöt' nowžen viirupkazeh. (šie šid'a et muissa, šiwn jäl'geh on l'eikattu). šil'l'a viirupkazella on hüvä vavarnikko kažvan. aššun hil'akkazeh, mie ni konža mečššä en šumi da lomot'i, jo olen privikñinnun meččia müöt' aštu-mah, što okšaņe jallan alla ei račkaha. aššun šeñiin, žiivatta t'äššä nokašša jo ammuin ew kävel'l'un: ew sviežoida jäl'gie. toista nok-kua šüött'aw. tul'iin mie ših ahozeh, šil'l'a viirupkazella. d'eist'vit'el'no, hüvä vavarnikko on kažvan, i marjua on. iče viel'a nárei-köššä šeizon, a jo val'l'ičen tuhjuo, kummašt'a zavod'ie kerät'a. hüvä, što en kerrin l'ikahtua ših tuhjoh. šeizon. mi ollow kohahtj tuhjošša. mie, popřivicki, peräwvul'l'iin nárien taguah da i kacon. kiän šeñiin ružjah luolljin. kacon, kuin rowno puol'i tuhjuo kal-dawuldi, ken ollow tuhjon žen halgualdi, erotti, i niän — nowžow šeizualleh kuin kegri turkiloissa, villat piäl'l'a päin, a očča kuin härräl'l'a l'evie, a turba t'erävä, kuin koiralla l'ibo hukalla, vain

šuwfi. miwlđa i jallat katettih i kazi ružjašta briwvahti, nedo rušjah. srazu kekšiin: vet kondie on. enžimen t'äd'ä čuwdua niän, a kekšiin, voit tunnustua, muiŋke et ševota. hospod'i, munat'ii keroh! mid'ä ruadua? ružjah näh kiveksi unahiin. voitgo drobulla kondjeda driäznie! tuan muone d'äd'ö šeizow. da glawnoi, üksiin olen. šeizon, a iče kuwlen, kuin tukat buitto elawvuttih i kartusista pihalla pürrit'äh, kartussie čüt ei nošseta. jallat unnäh lamettih [lamewvuttih], lahovvuttih, šariššäh. i iče šarewvüin. šeizon, kábü käd'eh. puata pid'aw — duwmaičen, a kuin pagenet? vet kuwluštaw. a kuwluštaw da šiin'ai šurma. tua vet kábä'l'ä'l'ä sil'ähut'äw, nin šel'gäpiih šuat i künnet männäh, kaikki ravat vačasta haravoiččow. šeizon ni uwzi, ni küpši, šäräjän, kuin virran piäššä. a hiän karhual'ow varbažie, tukkuzeh tukkuoldaw i näč-kut'äw niid'ä. nu duwmaičen, t'äššä miwla hänen lownan loppuh ew mid'ä olla. kuŋi milma ei lownattan, nin pid'aw šiird'uö riähišt'ä pois. rubein hil'akkazeh peräwd'ümäh, harpual'en tagaperäziin: en kerrin ni mid'ä, kuin kolahan šel'iin! vakkaŋe randah römäh'ti. pid'aw vet! okša kottah pišt'iači, a mie šel'iin. miel'eh ožai: kaikki, l'esniküičiin! korvissa kohajaw, al'i tuhjot šohissah? en muissa, kuin mie šeizualleh piävüin. kačon: kondie pagoh, vain vavarŋikko painuw. mie vakkazen koppain, da toizeh randah. tože kuin loša meččiä müöt' halguan, kuin rowno i jallat ei kiviššett'ü. kod'ih šuat kolme virštua lohkain, nin i samvuara ei oiš kerrin kiehuo. a šantah — stafikka! stafikka vain kuŋi ei peržieh piššä, a ših vereh i nuorella en heit't'iačen.

tul'iin kul'äh, kuin ajettu heboŋe huahitan. muduannet ei vieřit'ä, šantah: „el'iaššeh ewllun ni mit'utt'ä kondieda, a puavilalla iče kähiz tul'i. ružjanke ol'it, nin mid'ia et ambun?“ mäne ičeš ammu, nin silloin kačomma. nähä ol'i sruašti, a tuada ambuol

dai prawda, miän mečiššä el'iaššeh kondieda ei kuwlun, ni ken ei nähnün. mie enžimaŋe täh „ožah“ puwtuin, da vain ni kel'l'ä muilla en želaiče t'äd'ä „ožua“. a šiid'ä šuat naizet ei voittuan ruohita üksit'ian ed'äh meččäh kävel'l'ä. d'eisvit'el'no, ennen ewllun, a nüt vidno voinašta hüö on t'anne l'ukkiäčennüöt. vet kai kozua ennen ewllun, a srazu voinan jal'geh äijä ol'i jiaviečen. a nüt tuaš ew. mit ammuttih, mit hukat šüöd'ih: kaikki kavottih.

№ 63. Как я медведя видел

Тебя интересует, как я медведя видел? Видел, милый друг ('брат'). Так видел, что и сам не был рад. В клетке его рассматривать ничего, а в лесу видеть — уши насторожишь ('уши были подняты'), в холодный пот ударит ('ударило'). Хорошо, что портки чистые остались. Одному с ним плохо беседовать, разговоры короткие, язык к небу пристаёт.

Дело было ('дела были') так: ты знаешь, поскольку я лесником работаю, то за лесом и надо смотреть. Зимой хоть ветер, хоть метель, хоть мороз, — иди в лес. Осенью хоть вода, хоть дождь, — иди в лес. Летом свои работы пусть питают, а ты иди в лес. Иначе нельзя: раз с работой связан ('в работу привязан'), так работу и смотри. Осмотрев, что угодно делай: хоть дома, хоть у соседа, хоть колхозу помогай. Я делаю и для колхоза ('колхозу'), когда время позволяет. Сколько я в выгоне изгородей починил! Мало ли новых поставил! А жерди и колья сам рубил, в некоторые места за сто метров на себе таскал. Пастух разве будет, коли не уговорено. Какой-то он толстоголовый попался. Слов нет, за скотиной смотрит хорошо, редко которая на ночь в лесу останется, да и не очень вол он, скотину зря не обижает. Я ведь и за этим наблюдаю. Бывает, попадет ленивый да плохой, бестолковый, целыми днями скотину в куче держит. А в куче что возьмет? Скотина голодная и домой придет. А раз недосыта ест в поле, так столько и доится. Сколько он в день недодаст ('утаит') молока, коли хоть на один литр корова меньше даст? А получше смотри, пускай их поразрозненной — скотина сытее, лишний литр молока. Да и ему самому ведь легче: не надо кругом стада беспрерывно бегать. Так вот не понимают этого. А вот, скажем, из-за лени кругом стада не бегают, а скотине и спокон. А за изгородями ленился смотреть...

[— Павел Егорович, а как же медведь?]

— К тому ты не спеши. К медведю надо осторожно приближаться, как к сидящему зайцу или тетереву, больше крадучись: с одной, другой стороны, откуда ловчее. Ты знай писать, а я хоть этак и зигзагами, а к медведю тебя подведу, перед ним поставлю.

Давай сперва закурим, а потом и за медведями пойдем. Медведь большой, а табачного запаха боится, сперва надо покурить. Покурив, оно складнее рассказывается. (Лишнего, конечно, я не люблю говорить, а если что тебе не годится в тетрадку, то того и не пиши. За день тут можно эту полную тетрадь написать путного. Неужели все тебе нужно?).

Ну, коли так, то пиши. Только язык [наш] ты и сам знаешь лучше кого-либо. Летом хорошо за кустиком сидеть да говорить, а осенью иной раз придешь домой, так хоть выжми.

Ну, вот и в прошлом году в то время была также хорошая погода, солнечно. Теперь все пиши, пойдем к медведю приближаться, без остановки, только пиши.

Это дело было до ильина дня [2.VIII], точно хорошо не помню. Ну, поскольку я на участок, на свое дело, всегда хожу с утра, так и в то утро раненько позавтракал, жене тоже нужно на работу без опоздания итти, корзинку на руку, в корзинку кусок хлеба, да огурцов, да парочку картофелин, ружье за спину: без ружья в лес теперь я не пойду, мало ли что случится. Либо волк может на встречу попасться, их в любое время можно стрелять, еще премия дадут, только убей. Да и так ('иначе') с ружьем в лесу спокойнее

на душе, как-то лучше чувствуешь себя. Был случай, однажды без ружья пошел да до Ратовских [местность] дошел. К вечеру уже по направлению к дому иду. Подходя к Ржаной пустоши, не доходя до колодца (помнишь, около угольных ям к болоту есть колодец), так вот, не доходя до того колодца, пять волков из кустов навстречу вышло. Значит, целиком выводок. Но волчата ('детеныши') были большие, чуть ли не с мать. Я крикнул, так они как кинутся бежать по открытому месту в сторону болота, как лошади, только стучит. А ведь было бы с собой ружье, так вполне можно было старых [волков] тут уложить. Патронами с картечью с такой близки запросто обоих свалил бы, а волчат после потихоньку, тоже никуда не ушли бы. Вот оно, сразу ноша денег да еще и благодарность. А все [это] — своя простота. Видишь, тяжело [было] ружье нести. [— А как же медведь?].

— Я тебе сказал, крадучись к медведю надо подходить. Так оно и выходит, опять в сторону качнуло. Так обо что я споткнулся, приближаясь к медведю?

[— Ружье за спину взял].

— Ну вот. Ружье за спину, корзинку на руку да и пошел в лес. В другое время я без корзинки хожу, кусок хлеба в карман — да и пошел. Зимой бывает — и за пазуху сунешь, не замерь бы. А тогда для ягод корзинку взял. Видишь ты, летом как заготовишь, так зимой оно получше. Ягода разная, да гриб [для сушки], да солоника [гриб для соления] — все хлебу подмога. Да и за столом веселее сидеть с харчами. Оно как-никак, а перемена. Изредка суп с грибами, изредка суп с солеными грибами, щи из черной капусты, мясные щи — оно всегда разное кушанье. А малина и так хороша. А у хозяйки в то время был сахарный песок, так хоть варенье сварить на случай [прихода] чужого [человека] или к празднику.

[— А медведь?].

— Опять медведь в сторону ушел. Этот медведь хоть бы до рождения подох. Напугал так, что сам не свой.

[— Чьего рождения: твоего или медведя?].

— Я уже давно родился. В то время, гляди, и медведей не было, что-то их раньше здесь не было слышно. Стало быть, не моего рождения, а медведя.

[— А как же он мог бы подохнуть раньше своего рождения?].

— Смотри-ка ты, опять правда, до рождения он не мог подохнуть. Видно, не к месту то слово сказал. Ну да ладно, пойдем дальше.

Ну вот, пошел, еще роса не высохла. Пока до конца обхода по дороге идешь, так высохнет. Вот прошел до Хазова, Ратовское прошел, по берегу реки пришел в Терентьево болото, а затем в Нагрысьахо [подсека, где селась репа], а потом по Камухе в сторону Букарева да в свой выгон.

По времени довольно долго ходил, ведь смотри: весь свет обошел. Кое-кто еще из работавших на пустошах, косцы и

сушильщики, были на Березовской ('Речной пустоши') речке и в других местах. Все осмотрел и отправляюсь домой. А вечер еще далеко. Нарушений нигде нет, можно домой. Решил посмотреть малину. В Подаахо малинники есть, да я не попал туда в тот день. Видишь ты, влево ('в левую руку') отклонило, по Ратовскому [ручью] пошел. Ну, решил посмотреть в выгоне. Канаву прошел, по Большому лесу поднимаюсь на вырубку. (Ты этой не помнишь, после тебя вырублено). На той вырубке хороший малинник вырос. Иду тихонько, я никогда в лесу не шумлю и не гремлю, уже привык по лесу так идти, что сучок под ногой не хрустнет. Иду этак, скотина в этом конце уже давно не ходила: нет свежих следов. Другой конец [выгона] скармливает. Пришел я на ту поляну, на ту вырубку. Действительно, хороший малинник вырос, и ягода есть. Сам еще в ельнике стою, а уже выбираю куст, который начать обирать. Хорошо, что не успел тронуться к тому кусту. Стою. Что-то зашуршало в кусте. Я по привычке попятился за елку да и смотрю. Руку этак на ружье забросил. Смотрю: как-будто полкуста погнулось, кто-то куст тот расколол, раздвоил, и вижу — поднимается, стоя, как ряженный в шубе, шерстью вверх, а лоб, как у быка, широкий, а морда острая, как у собаки или волка, только большая. У меня и ноги отнялись ('сломались'), и рука с ружья упала, не до ружья. Сразу догадался: ведь медведь! Впервые это чудо вижу, а догадался. Можно узнать, ни с чем другим не смешаешь. Господи, черт побери [букв. не переводится]! Что делать? Про ружье совсем ('камнем') забыл. Можно ли дробью медведя дразнить! Такой дяденька стоит. Да главное — один. Стою, а сам слышу, как волосы будто ожили и из-под фуражки наружу просятся, чуть фуражку не поднимают. Ноги совсем ослабли, одрабли, дрожат. И сам задрожал. Стою, вот тебе и шиш ('шишка в руку'). Бежать надо, думаю, а как убежишь? Ведь услышит! А если услышит, то тут и смерть. Такой ('тот') ведь лапой погладит, так до позвоночника и когти вонзятся, всю гущу из живота выгребет. Стою ни жив ни мертв ('ни недопеченый, ни готовый'), дрожу, как над водой ('над струей'). А он огребает ветки, в кучку соберет и чавкает [их]. Ну, думаю, здесь до конца его паужинка мне нечего стоять. Пока и меня в паужинок не съел, так надо уйти от греха. Стал потихоньку пятиться, переступаю, пятась: не успел ничего — как грохнусь на спину! Корзинка в сторону полетела с грохотом. Надо же ведь! Сук в коту ткнулся, а я — на спину. В голове промелькнуло ('в мысль ударило'): все, отелсниковался! В ушах ли шумит али кусты шелестят? Не помню, как я стоя очутился. Смотрю: медведь удирает, только малинник клонится. Я корзинку схватил да в другую сторону. Тоже, как лось, по лесу чешу ('колю'), как будто и ноги не болели. До дома три версты отмахал ('отколол'), так и самовар не успел бы скипеть [за это время]. А говорят — старик! Старик лишь, пока в задницу не колет, а сгоряча ('в ту кровь') и молодому не уступал.

Пришел в деревню: как загнанная лошадь дышу. Некоторые не верят, говорят: «В жизнь не было никаких медведей, а Павлу сам в руки пришел. С ружьем был, так почему же не застрелил?». Иди сам застрели, тогда и посмотрим. Видеть было страшно, а в него стрелять!

Да и правда, в наших лесах в жизни медведей не было слышно, никто не видел. Я первый на это «счастье» наткнулся, да только никому другому не желаю этого «счастья». А с тех пор женщины поодиночке вроде не очень смеют далеко в лес ходить. Действительно, раньше не было, а теперь, видно, от войны они сюда притолкались. Ведь вот и коз раньше не было, а сразу после войны много появилось. А теперь опять нет. Что постреляли, что волки загрызли, все исчезли.

Волков Семен Ефремович, 70 лет, дер. Яблонька Спировского района. записал А. А. Беляков, 1945 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 44—49).

№ 64. jōt'kin issunda

miän paikoilla jōt'kie ennen issuttj̄h monešša koh. kurrešša issuttj̄h. kul'an taguana sosnowka dorogua müöt' ol'i kakši zavodua, jōtkizavodua. l'emešša oššippa-d'iäd'ö istu. kua-meñkan oššippa. hüö tože oldj̄h kurrešta l'äht'ennüöt. sp'uasušša issuttj̄h. enžimäzen, žen germanskoin voinan jälgeh i miän kul'äh ontošihan sandra luad'i zavodan progonazeh da rubei istumah. muwvualla ei kuwlun l'ähil'l'ä. miššä kuin šuot l'äššä da ped'äjämečät, nin issut, a näreikkö da l'ehtimečät, nin ew mid'äi zavod'ie. üht'ä tuohijōt'kie ajua, nin pid'aw kaikki koivut mečäštä kuorittua, a raži andaw l'esnoi.

tuohešta ajetah jōt'kie. že viel'ä parembi on, čistoi jōt'ki. čistoi kši kučutah. jallaččiloida da zbruwjua voidua. vain el'ä polta. čistoilla tuohijōt'kil'l'ä vain kuiva jallačči voija, nin poltaw. pid'aw ražvaŋke keit'tiä. že pehmeñd'aw, vet'tä ei lašše.

jōt'kin issunda ew hiitroi d'ielä. vain pid'aw guwba da trubat. ne rawdazet. muw kaikki koissa luajittava. glawnoi hiän on guwba da trubat, ne ollah oššettavat. šid'ä pid'aw pučit jōt'kih varoin, doiniikka al'i kakši, puizuot skipidarkah varoin. hiil'il'öid'ä müwvā, nin pid'aw mošt'inua. muwda ni mid'ä ei pie. kanduo pid'aw, t'ervasta.

a zavoda ew morowzovan fuabfikka, pienembi on. on šeniin šalvettu huonehuksut kul'un muoñe al'i vähäšt'ä l'eviembi, šammaldamatta, ovi, tagašeinäh lowkko, a kun kakši guwbua, nin kakši i lowkkuo trubih varoin da kaccuošša. muwda ni mid'ä

ew, ikkunua ew. oven kohtah, l'ähemmä tagaseinäh on luajuttu kiwgua al'i kakši. kiwguah on pandu guwba. guwba on al'ähäzekši nošsettu kivil'oil'a, štobi guwban alla l'ämmitt'ia. ieštä päin guwba on šalvattu šalvalla, kuin kiwgualawda, a tagaseinästä l'äht'ow lozie truba, zavodašeinästä l'äbi pihalla. že truba mänöw puizešta l'äbi, mih on vet'tä pandu. truban nökka, jo hoikembi, kuin puizešša mi on, tulow puizešta l'äbi. žen truban nökän piäl'l'a on puwhine truba šeizatettu pist'uoil'eh, rawdazen truban nokašša, nu, kumbahe puizešta l'äbi tulow, hōwrū ših nowžow. rawdazen truban nökän alla on hawda kaivettu, truban alla hawvašša doi-niekka, mih jōt'ki valuw. dai kaikki d'iesvat šiihä. jōt'kizavoda ew paja, vāhā mid'a on. muwda ni mid'ai ole ei. pučit varušša dai aja.

a issutah jōtkie, mie nāin kuin, en kerdua nāhnūn. šuošta al'i ammuzelda piikalda šuahah t'ervašta, ammušie ped'ajan kandeloida. kannot ne ollah jo unnāh hapannuot, pinnat hapannuot da hoikat juwret. vagalla noššallat — kebukkazelđi nowžow. hāneh on vain šiāmüštä jiānnūn, t'erva. že ei happane. ne kannot tukušša kuivetah, i vejet'ah hiāt zavodan luoh. ložiet juwret pilalla piit'ah, kannot i ne ložiet juwret šārgiet'ah. ne šārgiet'ut t'ervakšet plotno složitah guwbah, t'āwven guwban ahetah. guwban šalvatah šalvalla da viel'a šavella umbāfi šalvašta kaikki ragozet voljetah, ruvetah l'ämmitt'āmāh.

ei guwbah tulda panna, guwba on šalvattu. raži voit t'ervakšet viritt'ial ne palettais dai kaikki. guwban alla hallolla l'ämmitt'et'ah, kuin pert'in kiwguada. tul'i nowžow, umbāfi guwbašta on väl'it randoih jāt'ett'ū. guwban alla kuin hallot paletah, nin tul'i nowžow guwban pohjah i randoih, a piäl'd'a on truba katokšeh, šinne šavu nowžow.

ka l'ämmitt'et'ah, l'ämmitt'et'ah, kuin guwba palavoiduw, t'ervakšet ruvetah kuivamah, hōwrū l'äht'ow trubah, mi on guwban perāh āzetettu, guwbašta tulow, da pučista l'äbi mänöw. trubašša že hōwrū jāht'ūw, kuin truba on veješša da vilu. šiel'd'a rubiew, trubašta, skipidarka ed'izeh t'ippumah. čurčettaw i tulow doińiekkah, mi on hawvašša. a kuin viel'a l'ämmitt'et, nin rubiew i jōt'ki tulomah. ed'izeh tulow veži da skipidarka, jōt'kie on vāhā. žen doińiekašta kuadaw uht'eh puizeh, a šid'a, kun veži da skipidarka heitt'aw tulennan, rubiew vain jōt'ki tulomah. jōt'kin hiān kuadaw pučih.

konža heitt'aw jōt'ki vuodua, kiwguasta tul'i pid'aw šammuttua, guwba jāhūt'tiā, avata i ottua šiel'd'a hiil'et. t'ervakšet kaikki mānnāh hiil'ekši. hiil'et ne vain hel'ajāw. purretah guwbašta hiil'et da toista t'ervašta ahetah. kun on kakši guwbua, nin uht'a jāhūt't'ah, a toista l'ämmitt'et'ah, ajetah jōtkie. niin vuorokkeh kahella i ruatah.

hiil'et ne samvuarah ei god'iečeta, pajah mūwvāh. a jōt'kie pučie kakši-kolme ajaw da t'el'egāh, kül'ie mūöt'. kül'āšša kel'l'a ei pie jōt'kie! kaikin ošetah. voidamatta et aja.

— tuohešta? siinŋei tuohešta, vain tervakŋen neičči tuoheštahetah. ŋht'eh luaduh kaikki mänöw. tuohijöt'ki on parembi, nu i kallehemb i on.

mit'üs hiil'i tuohešta! guwbašta da kiwguah al'i pihalla kunne, hawdah, üks i truha.

l'emen, že kuameŋkan oŋsippa-d'iädö iinigäzen ijän jöt'kie ajo. sprawnoi talo ol'i. kakši t'üt't'uo kawničči. molemmat hüviin miehell'a ando. a poiga ol'i üks i—l'ewo. nüt kul'äh on nowššun, kolhozah.

№ 64. Выгонка дегтя

У нас ('в наших местах') деготь раньше гнали во многих местах. В Березовке гнали. За деревней по сосновской дороге было два завода, смолокуренных завода. В Леми дядя Осип гнал, Каменский Осип. Они тоже из Березовки переехали. В Спасоклинье гнали. После первой, той германской, войны и в нашей деревне сын вдовы Антона ('Антошихи') Александр построил заводик в прогоне и начал гнать [дёготь]. В других местах близко не слышно было. Где коли болота близко да леса сосновые, то гонишь, а [если] ельники да лиственные леса, то нечего и начинать. Один берестовый деготь гнать, то нужно все березы в лесу окорить, а разве лесник даст.

Из бересты гонят деготь. Он еще лучше, чистый деготь, чистым называют. Обувь и сбрую мазать. Только не сожги. Чистым березовым дегтем только сухую обувь смажь, то сожжет. Нужно с салом сварить. Тот размягчит, воды не пропускает.

Смолокурение — не хитрое дело. Только требуется куб [бак] и трубы. Это железные. Остальное все домодельное. Главное — это куб и трубы, те покупные. Потом нужны бочки для дегтя, подойник [ведро с носиком] или два, кадушка для скипидара [суровицы]. Угли продавать, так нужны корзины. Больше ничего не нужно, пни нужны, осмол.

А завод — не морозовская фабрика, поменьше. Так это, срублено зданье с баню или немного пошире, без мха поставлено, дверь, в заднюю стенку дыра, а если два куба, так две и дыры — для труб и для просмотра. Больше ничего нет, окон нет. Против двери, поближе к задней стене, сделана печь или две. В печь вделан куб. Куб приподнят на камни, чтобы под кубом топить. Спереди куб закрыт крышкой, как заслонка, а с задней стенки отходит толстая труба сквозь стену смолокурни ('завода') на улицу. Та труба проходит через ('сквозь') кадку, во что налита вода. Концы трубы, уже тоньше той, которая в кадке, выходит сквозь кадку. На конце той трубы деревянная труба, поставленная стоймя на конце железной трубы, ну, которая через кадку проходит, пар по той поднимается. Под концом железной трубы вырыта ямка, под трубой в ямке подойник, в который деготь течет. Да и все действо тут.

Смолокурня не кузница, мало что есть. Другого ничего и нет. Кадки приготовь и гони [деготь].

А как курят ('сидят') деготь, я видел, не один раз видел. С болота или со старой вырубки добывают осмол, старые сосновые пни. Пни те уже совсем гнилые, заболонь да мелкие корни сгнили. Вагой поднимешь, легко вытаскивается. В нем только середина оставшаяся, осмол. Тот не сгниет. Те пни в куче высохнут, и свезут их к заводу. Толстые корни пилой спилят, пни и те толстые корни переколят мелко, все переколят, и корни. Тот переколотый осмол плотно сложат в куб, полный куб насадят. Куб закроют заслонкой да еще глиной кругом заслонки все щели промажут. Начнут топить.

Не в кубе огонь, куб закрыт. Разве можно осмол зажигать! Он сгорел — да и все. Под кубом дровами топят, как печь избы. Огонь поднимается вокруг куба, пространство кругом оставлено. Под кубом как дрова горят, так огонь поднимается под низ куба и по сторонам, а сверху труба в крышу, туда дым поднимается.

Вот топят, топят; как куб разогреется, осмол начнет сохнуть, пар идет в трубу, которая установлена к задней стенке куба, из куба идет да сквозь кадку проходит. В трубе тот пар остывает, поскольку труба в воде и холодная. Оттуда начинает, из трубы, сперва скипидар [суровица] капать. Течёт [струйкой] и идет в поддонник, который в яме. А как еще топишь, то будет и деготь течь. Сперва идет вода и скипидар [суровица], дегтя мало. Это из поддонника сливают в одну кадку, а потом, как вода и скипидар перестанут течь, начнет только деготь течь. Деготь он сливает в бочку.

Когда перестает деготь течь, в печи огонь нужно потушить, куб остудить, открыть и снять оттуда угли. Осмол весь превратится в уголь. Угли те — только звенят ('звенит'). Выгребут угли из куба да другой осмол насадят. Если два куба, то один остужают, а другой топят, гонят деготь. Так поочередно двумя кубами и работают.

Угли те для самовара не годятся, в кузницу продают. А дегтя бочки две-три накурят да на телегу, по деревням. В деревне кому не нужен деготь! Все покупают. Без смазки не поедешь.

— Из бересты? Так же и из бересты, только вместо осмола берёсту насаживают. Одинаково все идет. Березовый деготь лучше, ну и подороже он.

Какой уголь из бересты! Из куба — да в печь или на улицу в яму, одна труха.

Из Леми, тот каменский дядя Осип всю жизнь деготь гнал. Богатый дом был. Двух дочерей ('девушек') нарядил. Обоих хорошо выдал замуж. А сын был один — Леонтий, теперь в деревню переселился ('поднялся'), в колхоз.

№ 65. [vakkazet]

a mie mid'ä ruan? ka, mid'ä ruan. vanhuš tul'i, nin pienet rua-
vot ollah. niitt'ia da kund'ia jo ei šua, kuda-mid'ai kebiembäzie
ruan viel'ä.

talvella most'inua da vakašt'a luajin. hiitrošt'i pieñi. kuin juk-
kuo šuaw varuštua da tuwva, nin talvešša äijän luajit. da mi
l'uwbo luaji korziŋkua, nin nūt tuah karačinah kaikki männäš.
hinda tiet'täväne, hüvä hinda on, vain t'ijä luad'ie, da ol'is
mil'l'ä šuattua. männavuona nel'l'ä regie, kuin keguo, šuatoin.
šuwri abu t'uli. jukkuo ol'i vägäijä varušettu, kaikki kissoin,
korziŋkua luajiin. pinda l'ist'eist'ä marjavakašt'a luajiin. niid'ä hot'
d'engah, hot' jäiččäh annat — ruattu ew muattu, ruat, nin i šuöt.

jukkopuw on žeže ped'äjä, vain čurkiksi pil'itt'ü. ped'äjän val-
l'ičet šuondeikolda al'i unnäh šuošta, hienošilozen, oigien. ul'en
lozie ew hüvä, šeniin čet'vert'ie al'i kuwtta verškua. t'üvičurkista
otat kahekšan goñt'ie, loziembazista, a kuin hoikembi, nin kuwži
da nel'l'ä. kežäl'l'ä kuin tulow šuaša jukkopuwda, nin panet hawdah,
ved'eh; ei kuivais. kuivašta ei šua kiskuo, že vain päfieksi. a tal-
vella ei kuiveta.

kun rubiet kiskomah, nin jukot šarret, goñt'it tuot kiwgualla
al'i kiwguah, hawvutat. šid'ä i kisso. kuin hüvä puw popad'iw,
kiskuočija, nin kebie on kiskuo, hieno kiskuočow. kissotah niin.
otat hawvutetuon goñt'in, šuwren veičen panet pinnan da lohokšen
keškeh, ožuat hamaralla al'i kufikkazella da niin lohokšen i erotat
pindapuolešta. lohokšešta ni mid'ä, hallokši l'ozaŋkah al'i viřik-
kehekši, a pärett'ä kissot pindapuolešta. žen pindapuolen goñt'ista
lohkuat kaha, ne tuaš kaha, a niist'ä jo rubiet l'isset't'ä kiskomah.
aivis pindazen, mi on ketun alla, panet efiš. niist'ä jo rubiet
marjavakašt'a l'ibo opuškakši most'inah, piäl'uš opuškakši. zavodalla
varoin kuin luajit korziŋkua, nin niisšä ew opuškua, niih opuškua
ei pie. heināmost'inah al'i šienivakkazeh luajit opuškan.

kuin kaikki goñt'it kissot, mi on tuodu kiwgualla hawduočomah,
lohokšet pilkot da čilput rabieššat, nin otat l'issit l'ist'iet. l'issit
veičel'l'ä, l'eikot, mi on čilmuačen l'ibo loziembañe, kohendelet,
rownennat l'ist'ien, ol'is ühen l'evähüne. šid'ä lattien pūwhit,
l'evit'at nel'l'ä l'ist'ied'ä poikki lattiesta, a toizet nel'l'ä ul'ci lattien
niil'l'ä šiameh, štobi hüö ois pl'et'itt'ü. keššeld'ä koh ollah ne
pl'et'itt'ü. že l'iew pohja. pohjan rannat aršinua müöt veičen
nókalla piirät i l'ümmütt'el'et ul'äh. šid'ä rubiet randoida pl'et-
t'imäh. rannat noššat, min korguñe pid'aw most'ina, šid'ä panet
opuškan, opuškah varoin kissot kaidazet l'ist'ehüöt sfiadu lohok-
šešta, enzimäzet l'ist'iet lohokšešta päin. opuškan panet da l'ist'ein

nokat kiänd'el'et kül'gil'ist'ein alla, šiameh pujotat, dai most'ina gotovo. viel'ä čilmuzet l'issit, dai randah.

marjavakkazet ollah košinkat. niidä košinkakši pl'et'it. košinkašša ollah pohjal'ist'iet i kül'gil'ist'ienä. niisšä ew kül'gil'ist'eid'ä, a otat pohjan pl'et'it kossalleh, uglazista vaššakkeh noššat pohjal'ist'iet i rubiet randoida pl'ett'imäh. opuškan panet, nin šiinä et randal'ist'eid'ä opuškasta piäl'ičči l'ummütt'e/e, a opuška kuin on kahlen puolen randal'ist'eid'ä, nin rawdanuaglazilla l'äbi kolot'it. randal'ist'iet opuškua müöt' l'eikkuat, panet paṽgan — dai kaikki.

№ 65. [Корзинки]

А я что делаю? А что делаю. Старость пришла, так работа невелика ('работы невелики'). Косить да пахать уже не могу, кое-что полегче еще делаю ('работаю').

Зимой мостинки да корзинки делаю. Хитрость небольшая. Как сосновые чурки удастся приготовить да привезти, то за зиму много наделаешь. Да сколько угодно наделай корзинок, так теперь в это Харачино все пойдет. Цена известная, хорошая цена, лишь знай делать да было бы на чем доставить. В прошлом году четыре воза, как стоги, отвез. Большая подмога была. Сосновых чурок было порядочно заготовлено, все отщепал, корзинки делал. С подкорковых слоев корзиночки для ягод делал. Те хоть на деньги, хоть на яйца дашь: поработано — не проспано, поработаешь, так и поешь.

Материал для корзины — та же сосна, только на чурки распиленная. Сосну выберешь в болотистом месте или в самом ('совсем') болоте, тонкослойную, прямую. Очень толстая не хороша, этак в четверть или на шесть вершков. Из комлевых чурок возьмешь восемь гонтов [плашек], из [дерева] потолще, а коли потоньше [дерево], так шесть да четыре. Летом коли придется заготовить материал для корзины, то положишь в яму, в воду: не высох бы. Из сухого не щеплется, это только для лучинок. А зимой не высыхают.

Когда начинаешь щепать, то чурки переколешь, гонты принесешь на печку или в печь, распаришь. Потом и щепли. Если хорошее дерево попадет, хорошо щеплется ('щеплющееся'), то легко щепать, тонко щеплется. Щеплют так. Берешь распаренный гонт, большой нож наставишь между заболонью и сухой сердцевинкой, ударишь обухом или колотушкой да так сухую сердцевину от заболони и отделишь. Из сердцевины ничего [не получается], на дрова в лежанку или на растопку, а лучину щеплешь из заболони. Ту половину заболони от гонта расколешь пополам, те опять надвое, а из них уже начинаешь лучину щепать. Самый верхний слой, что под корой, положишь отдельно. Из них сделаешь корзиночки для ягод или [оставишь] на опушку корзины, на верхнюю опушку. Для завода как делаешь корзины, то в тех нет опушки, на те опушки не

нужны. На мостинки для сена или корзинки для грибов делаешь опушки.

Когда все гонты перецеплешь, сколько принесено на печку париться, сердцевинки перерубишь да мусор уберешь, то возьмешь обчистишь лучину. Чистишь ножом, обрезаешь, если где отодрался край или где если потолще, поправляешь, подравниваешь лучину, была бы одинаковой ширины. Потом подметешь пол, разложишь четыре лучины поперек пола, а другие четыре вдоль пола между ними, чтобы они были переплетены. Посередине они переплетены. Это будет дно. Края дна по аршину [линейке] концом ножа процртишь и согнешь кверху. Потом будешь края плести. Края поднимешь, какой высоты нужна корзина, потом сделаешь опушку. Для опушки нацеплешь узкие лучинки сразу от сердцевины, первые лучины от сердцевины гонта. Опушку вставишь да концы лучин подвернешь под боковые лучины, вовнутрь всунешь, да и корзина готова. Еще отодравшиеся оголенки обрежешь — да и в сторону.

Корзинки для ягод — это косинки [косого плетения]. Те косинками плетешь. В косинках донные лучинки являются и боковыми лучинками. В них нет боковых лучин, а возьмешь дно переплеть в косую, по углам друг против друга поднимешь лучины и начнешь края плести. Опушку сделаешь, так тут боковые лучины не загибаешь через опушки, а поскольку опушка сделана по обе стороны боковых лучин, то железными гвоздиками склотишь насквозь. Боковые лучины по опушке сверху срежешь, вставишь ручку — да и все.

Волкова Василиса Ефремовна, 67 лет, дер. Яблонька Спировского района. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 141--162).

№ 66. pelvašruavot

pelvašruavot ollah jügiel. pelvaš suačcow äijä ruadua da hüviin, äššen i hüvä pelvaš kažvaw. a hüväštä pelvahašta i hüviä t'üöd'ä, kuin kaikki cislalleh mänöw, ei lumen alla jäähä. a pelvahanke ruaduo ümbäri vuoži. t'üön sügüzül'l'ä al'i že i enžitalvella varušat, a vuatteinke keviäh šuat muokkuačet.

ruavot zavod'iečetah viel'ä keviätkunnännäštä šuat. polossan künnet'äh, kuin mua vähäzel'd'i kuivahtaw da vähäzel'd'i muwreh-tuw. ül'en tuorešta ei voi pelvahalla künd'ia, kal'cistuw. kagra, že ei varaja, a pelvaš varajaw.

künd'ähüöh mua šeizow kodvazen, štobi ahavoiččiis da muřiem-bi l'ieniš. konža kuivahtaw mua, pid'aw ästoija. kuin peskumua,

nin nidevo, a šavimua on paha ul'en kuivana astoija. meil'ä lo mupeldo ol'i pesku, a ondrikovapeldo čistoi šavi.

polossalla kuin tulet astoimah, nin ed'izeh pid'aw rist'iel'l'ä. že on ul'en jügie. kuin hebozet on upfuoimoit, nin kiät rubiemassä ünnäh riwhtuaw, vohottamah ruvetah. rist'iel'l'ä — pid'aw riššikkeh ajella, žei rist'iel'eñd'ä. polossan nokašša val'assat hebozet astovoih, rubiet ajelomah. kuin ew ul'en rownoi küñd'ö, nin ed'izeh viel'ä šorrattelet. üht'eh piih astoičet, kohaldj ajelet, a šiid'ä vašta rubiet rist'iel'ömäh. a šorratella pid'aw šiksi, štobi turvešta ei jarel'l'äh kumata, štobi šangi jais muah päit', a ei kumawduiš piäl'l'ä päit' ul'äh kokottamah.

šorratelduoh zavod'it polossan nokašta, hot' kumbazešta mežašta, da ajat toizeh mežah, a šiid'ä mežašta tuaš enzimäzeh, t'äh mežah, a t'äštä tuaš toizeh mežah, i šeniin toizeh nökkah šuat. astovoin jal'gi l'iew kid'žoražiin. nokašša hebozet kiännät. nüt rubiet ajamah poikki enzikerran ajandajäl'gil'öih. šiwlä astovan jal'gi l'iew šeniin kuin čieppiine. tuaš nokašša kiännät i l'ahet toista jal'gie vaš. kuin l'evie polosta on, nin viel'ä i kolmannen kerran ajat. šorrat kaikki kierozet, mit on jännüöt, mih astova ei fatt'in. hebozie vanutat randa rannašta, kiät ruvetah lomimah, dai hebozet gpfewvutah vatkuassä.

rist'iel'd'uoh tuaš rubiet ajelomah kohaldj. zavod'it ühešta mežašta da toizeh šuat, štobi kleruo ei jais. kun hüvä, pehmie mua on, nin kahteh piih ajelet, daš tulow, voit že kül'viä. a kumkovembi on, nin i kolmeh i nel'l'äh piih ajelet. astoiduoh kaikki juwruot piäl'l'ä nowššah. astova ne kaikki keriaw, vain harvazeh astovoida noštele, kuin äijä keräwdüw. tukkuzeh ne juwruot kaikki mežah panet, šiel'ä hapatah. astoiduoh mua l'iew pehmie, puhaš. astova mänöw, kuin vet'tä müöt', piil'öist'ä mua, kuin veži virduaw, ši h kül'vät siemenen. kül'vet'äh muzikat. naizet astoijah. kül'vähüöh viel'ä kahteh piihüöh ajelet, kažvakkah. kuin šel'giet siemenet ollah, nin näin ruadahuoh pelvaš l'iew šel'gie, soru ei kažva.

siemeñd'ä kül'vet'äh, kuin kel'l'ä pid'aw parembua t'üödä, nin tuagiembuazeh, a kuin enšambi voida, nin harvembuazeh. tuagie pelvaš on kuijukkahembi, kuidu l'iew pehmiembi. harvemmašta — siemeñd'ä da čül'küö, že on čül'kukkähembi, rūpiembi, a kuidu ei muone l'iene. kewhä mua, nin i harvašta pelvahašta kuidu l'iew hüvä, vain vähembi, a vägöväh muah pid'aw äijäl'd'i tuagieh kül'viä, kakši muone. da že on viigodnoimbi. pelvaš vüöh šuat, d'efit, nin kuhl'ahañe kuhl'ahazen piäl'l'ä. t'üödä l'iew äijä, hüviä. a t'üö meil'ä on nagol'i hinnašša. da t'üöstä vain vet i d'engat. muwvualda mištä otat? vakašt'a luad'iw talvella, da äijängo vakazelda otat? kaikki jarmaŋkat ajelet, a konža kuin tuwvah moñi regie, kerdah hinda laŋgiew, oštajua vāhā, puolet uwveštah kod'ih tuot. a t'üöstä vuvvekši d'engat. toko i kolmehkümmeneh möimmā. vevot makšat, vellat juat dai icel'l'ä vāhāñe jiaw. pruažniekoikši pid'ii suaharuo, i šuwrimoida, i vehnäst'ä vāhāñe. ol'i roshodua.

konža pelvahan kul'vät, huol'i kaglašta šügüzüh suat. hüvä kežä, nin kažvaw. konža spuasuñ ümbäfi (28. VIII) konža bohro-čoiksi (21. IX) pelvahan d'efit, konža i jākimäh (10. X) jīāw. a d'efie pid'āw konža šulga zavod'iw langeta. kuhl'ahazet šeizatat kuivamah. konža kuhl'ahazet hüviin kuivetah, tuot hiät guominoh. srazu zavod'it i riibie.

a riivit'ah kaikkeh luaduh. ken i briwžalla puiččow. kebiembi on kiveh riehkie l'ibo kolotuškalla, pual'ikalla pergua. pual'ikalla i lapset kolot'itah, a iče müö kiveh riehimmä. pellošta kuin vejät pelvahat, kuhl'ahazet, nin panet nārt'ih guominoh, peräh, guomi-nopuoella, katokšen alla, štobi ei kaštais. hiän i tumanua varajaw, sžroi pahemmiin riibiečow, jügiemmä. pihalla riivit'üöt lad'juat, a riibimät't'a pelvahat guominošša ollah.

ka šeizatat kozlan lattjella, kozlah nuaglalla kiiñit'ät riivinlaw-van. kel'l'a kuin on rawdañe riivinlawda, nin rawdazen, a kuin kel'l'a puwhiñe, nin puwhizen. ew kaikilla rawdazet riivinlawvat, ollah i puwhizet. a rawdazessa on puwhiñe vain lawda, a piit ollah rawdazet, tavotuot, ñe kuin nuaglat l'äbi lawvašta kolot'ittu. hiän tulow kaččomua kuin šuga. kozlalla ših, riivinlawvoin luoh, panet kivet, rownoit pl'iituškat da viel'a kolotuškazet varuššat rewnah i rubiet riibimäh.

a riivit niin: tuot nārt'ist'a tukun pelvašta, kuhl'ahašt'a kolme-nell'a, panet lattjella ičel'l'a rewnah. šeizawvut kozlan taguah pl'iitan da riivinlawvan kohtah, otat pivoñ i naprit kiveh riehkie. kuin ei kaikki čul'küt l'āht'iet'a, nin ožual'et kolotuškalla, a šid'a haf-juallat riivinlawdah. pivoñe jīāw puhtahañe, ni uht'a čul'kust'a ei iä. sežen pivoñ randah. toizen otat i žen riivit. da šeniin kaikki. kiät t'amä ruado riwhtow. a konža towvon i eikkuamiñe ew lop-piettu, nin uöl'öl'l'a riivit, a päiväl'l'a i eikkuat.

riivinlawdah mi kuiduo jīāw, nin ñe ollah murdežet. murdei-zista vain kuavetta. kozlan alda čul'küt pid'āw puija, šiid'a viššata. viškattuoh ñe šieglotah verejäl'l'a ieššä, kumbazeñ verejäh konža tuwlow. šieglouhuoh vakkah, da šalkuh, da peldaittah. čul'küt puw-nah lattjella l'ibo mošt'inoih, a riivit'üöt pelvahat šivot kubočču-loih olgišid'eil'l'a da lovalla, orašpeldoh da progonañ.

lovalla pelvahat l'evit'ät hoikkazeh. pivoloista šid'iet panet eris, ühteh murdežiñke. ñe tože kuabieksi. nüt pelvaš lovalla, kačo, ei tuwlella noštaiš. lajolla pelvaš on ñed'el'ie kolme al'i ñel'l'a i vii-komman, kuin kaštjet da vihmazet. šid'a rubiet kaččomah, kuin kergiew. kuin päiväl'l'a kuiva pelvaš jo rubiew katkiemah i kuidu-eruw, nin otat kuottelukšen. kuottelukšen kiwgualla kuivuat, lo-
kutat i kačot — ongo jo valmiš pelvaš. kuin hüviin päisär eruw i t'üö on pehmie, nin pelvaš jo valmiš noštua. vain kerdah ei šuš ugod'ie, moñi kerdua otat kuottelušta, varajat ei rikkuo. kun jo on ünnäh valmiš, nin l'āhet noštamah. hüvāt šiät kuin ollah, n'in vāl'iāñ noššat, da srazu i riieh. a kuin vihmoiñ popad'it, nin muokkuaw. l'iigua lovalla pid'iä ei voi, lahowduw, t'üö l'iew laho,

kuabieh äijä mänöw, dai hinda pienembi, vähemmän annetah. a ün-
näh märgiä vet riiheh et aha, hawduočow. lovalda nostelet nuap-
puzilla, kaikki nuaputtelet i vuotat, konža puhaldaw. hot' rubie-
makši vihma väl'it'al'd'aw, kuivahetah, nin kaikin sidomah. kuboč-
čuloilla šivot da riiheh, kuin on jowdavua riiht'ä. a kun jowdavua
riiht'ä ei ole, nin nart'ih panet. moniin riihil'öin harvah kell'ä on,
nin lowkutetah väl'iän, ei viikoksi pizäwvüt'ä nart'ih. nart'issä vet
ei voi viikkuo pid'iä, pelvas rikkuočow, palavoiduw, lahonow.

riihen kuin ahat, tuorehet pelvahat väl'embiažeh, da kuivuat,
nin rubiet lowkuttamah, iel'l'ä kuin lowkkuloilla lowkuttima, nin
viikko pid'i lowkkuttua, sid'a viel'a lipsuta lipsuloilla, a nüt ma-
šiškalla väl'iän riihen lowkutetah, da kohti vid'iemeh — ei pie
lipsuta. nüt joi lipsut on kadonnuot, ew ni kell'ä lipsuo. dai
lowkut kell'ä vain kuotteluksie lowkuttuašša.

masiškalla lowkutetah nel'l'än kessä, a viijes — brihačuine
eiin t'üt'töne — kobrazie andelow. kahen lowkutetah, ruckista
masiškua püorit'etäh, a kahen seisotah: üksi pivoloida panow,
a toine ottaw, kohennellah pivuo. viizinäne lughal al'i puolen slo-
jua, puolet pardizet lowkutetah nämä, sid'a muwtuacetah. nämä
ruvetah lowkuttamah, a ne pivuo panomah da ottamah. seäniin kai-
ken riihen. puolen riiht'ä lowkutetah da läht'ietäh süömäh. low-
kuttuašša šüöt'etäh hüviin, kuin pruažniekkana, ruado on jügie.

kuin zavod'itah lowkuttua riiht'ä, nin naista tulow t'awži guo-
mino. susiedat naizet tullah vidomah. ennen i pagizet. iče pürrit'äh
vidomah. a jäl'geh, min ken vido, nin sie hänell'ä zen vivot. srazu
lowkuttahuoh on parembi viduo, kebiemmäl'd'i päisär läht'öw,
a kuin jäht'üw da tuorešsuldaw, nin on jügie viduo. zen'täh tullah
palavazeldi vidomah. lowkuttuašša t'awži guomino rahvasta, veš-
sel'ä on ruadua, vain äijäl'd'i pöl'ü l'icčuaw.

vidohuoh t'üöt pert'ih, uglah panet, tukkuh. vuotat oštajua.
moni go viizinäšt'ä pid'aw — val'licet harjattavaksi. harjattavaksi
parembažie val'licet, ol'iiš pit'embi da pehmiembi. harjuamah
jowvuštuačet jo pokrovoin (14.X) jäl'geh. harjuat kül'üssä. kuin
äijä harjuajua tulow, nin ew mill'ä i hezgitt'ia. päivil'l'ä pagi-
zet — kenen kül'üssä rubiet harjuamah. kül'ün lämmit'ät, što ei oiš
hädzvä. varušt skammit, t'eppozen. illaštahuoh otat harjan da
t'üödä dai lähet kül'üh harjuamah. sruašt'i on kül'üssä istuo.
kuin viel'a enämbi harjuajua on, nin parembi, a kuin vain kahen-
kolmen kessä, nin sruašt'i. da kuin viel'a paginat tullah pahat al'i
kuolluzih näh, nin jogo krabahuksutta kipsahtelet. viel'a i brihat
šeñe pöl'l'ät'el'l'äh. kuin miestä viizi-kuwži on, t'awži kül'ü, nin
parembi, vain äijäl'd'i pöl'ü on.

harjat ne on kaiken muozet. ed'izeh rawdaharjah lasset, har-
vembuah, sid'a tuagiembuah rawdaharjah, a zen jäl'geh suvas-
harjalla harjuat.

— ka, mit'tünäzet harjat? harjat ollah kaikilla ühen muozet,
vain kell'ä vanhemi, kell'ä uwvemi. on kell'ä tuagiemi al'i

harvembañe. mie en t'ijja, kuin luajitah rawdahañjoida. kolot'itah nuaglat — dai harja. on hoikkañe lawdañe, kumbazella issut, kuin kuožel'issa. toizeh nokkah on kolot'ittu ül'ah šorkañe, madalañe, a sih kolot'ittu toine lawdañe. ew suwri. l'äbi on rawdazet nuaglat kolot'ittu, hüö l'äbi lawdazešta viijit'ah puolen šormen korgehuoldj. tuagehut'en hüö ollah toine toizešta — sormi kebukkazeldi mahtuw. ženže muoñe i tuagie harja on, vain on pienembi lawdañe, kumbazešta ollah nuaglat, dai nuaglat ollah pärenuaglat, ollah tuagiemma, šormi ei mahu. a suvašharja on šijan šugahista luajittu. näin, kuin luajitah, dai iče kohennan, kun rikkuočow: varži katkiew al'i halgiew. ruvalla pid'aw valua. hiän on ünnäh ruvalla valettu, vain šugahan nokkazet l'eviešsä puolešsä ollah valamatta, pist'üöl'leh.

šuvashañjalla harjatešsa pivo on važamešsa kiäšsä, a harja oigiešsa. pivuo piet nokasta ül'ähänä, a harjalla harjuat ül'ähäd'ä alah päin. sid'ä pivon nokañ muwtat. harjattuoh pivosta jiäw vain hoikkañe, sel'gie. ni ühtä päistärüttä ei ole, kuidu kuiduzeh. kümnenen pivosta, šuvashañjapivuo, kiärit kiäröksi. ze paras vuate šuvashañjasta.

harjatešsa ew kuavetta. kuabiet ollah viduošsa, mi vid'iemien alla jiäw, da murdeizista puistelet. a harjatešsa jo on paiceš, ruohin, siänruohin, mi šuvashañjah tartun. pačekset, ruohtimet i siänruohtimet kül'üšsä, harjatešsa, kiärit kuožel'ipiäl'öiksi. kuin konža kun keräwvüt'ah harjuamah koiremmat naizet da t'üt'öt, kerät'ah kaikilda kuožel'ipiäl'öin, tuönnet'ah kenen ji olgah trohko h niirke kuožel'ipiäl'öirke. trohkošsa ol'i boraskinpaistaja. hiän mittuaw kuožel'ipiät, min maksetah — niih andaw boraskie. tuow kül'üh boraskit — piru pirunah meil'ä siel'ä. huomneksella tulet kod'ih, nin i süwvä ei tahota. a mužikat ei t'iet'ä, heil'ä et sano. üöl'l'ä kuožel'ipiät viet, üöl'l'ä boraskit tuot da üöl'l'äi süöt. sal'ittih toko naizet da t'üt'öt. enämmän t'üt'öt, t'üt't'öl'öin viidumkat oldih. konža jäl'geh i süöt boraskie! ammuñe on ze aiga, nüt ew niin.

ei harjuandah loppieče pelvahañke ruado. kaikki kuožel'ipiät i kiäröt pid'aw kezrät'ä, kuduo, ašsen l'iew vuate. vuattieh suat viel'ä äijän aigua da huolda panet.

vuatetta pid'aw äijä, ložiembua i hienombua pid'aw. ruohtimista kezriät ložiembua lañgua. niistä kuvot hurst'ie, värcie, hat-tarua, piäl'üstävuatetta. hienombazešta kuadievuatetta kuvot, sobua, ainošpiett'äviä räcciniä, post'el'nikkua. post'el'nikat da ainošpiett'ävät vuattiet kuvot rawdahañjalla harjatuosta. še on parembi ruohinda da paicešta. a suamoin hienon vuattien kuvot šuvashañjalla harjatuosta tüöstä, kiäröl'öistä.

nüt ni hevon peržet'tä ei maheta ruadua, prost'i hospod'il t'üt'öt kuin sälgievät, hupel'äh veceroih. a iell'ä ül'ci talven kezräimmä. suwrehpühäh suat kezriät, a sid'ä pühä tul'i — kañga-hie aźeta. ennen vet t'üt't'ölapsella kümmeñd'ä vuotta ei t'äwd'ün,

a jo kezriāmāh issuttelet, opaššat. ed'izeh šeñiin kuvetta kezriāw, a šid'a opaštuw dai loimekši rubiew. opaštumatta ni ken ei zavod'i kerdah. lapšena zavod'it da vanhuoh šuat nagol'i kezriāt. jo piā tudajaw, a kuožel'ilda et piāže. nāpit jāmennūōt, nin hienuo ei šua kezrāt'a, a ložiembua šofiezech laššet, nin vain kazi huiskaw. o, naižilla on enāmbi ruaduo da huoldal müōhemmā i laškietet da aivomma i nowžet. mužikalla buitto jūgiemmāt ruavot, a maguaw enāmmān. a meil'a ni kežal'l'a, ni talvella ew spokojuā. da talvella viel'a vähemmān maguat, kuin pereh da pienet lapšet. perehežke ew konža muata. kolmannet kukot lawletah, pid'āw jo kiwguā l'āmmitt'iā. varuššat šūwvā, žiivatat ruwvitat, juotat, pert'in rubieššat, kodvazekši istuočet kuožal'illa, joi murgina kergiew. murginoiduoh tuaš kodvazen kezriāt, jo, kačot, pid'āw i ildat'uōt luad'ie. illašt'ahuoh tuaš istuočet kuožel'illa da kukkoloih šuat issut. vāhāzen nukahat, tuaš joi pid'āw nowšāa.

langat kezriāt, viwhit, viwhet l'ivotat. l'ivošša piet moñi päivā, sul'čaveži l'āksiis. šid'a ne viwhet pežet, kuivuat, šorit. šofihuoh kefit kefinakalda tuwfikoilla. kumbazeh kaŋgahan pid'āw kruasittuo, nin painat. ka painat kruaskah. kavel'd'ih kruaskañiekat. hūvā kruaska popad'iw, nin viwhel'l'a panet ūhen pakiettazen. konža ewllur kruaskua, nin kruasima i kabal'l'a. kruasitah, al'i painetah kābūh, l'epānkettuh, koivunkettuh. kābūh kuin viel'a rawdua panet, nin l'iew tua mušta kruaska, t'ūkemušta. že i šarrast'a hūviin kruasiw. ni mil'l'a et ota, ei viere.

viwhet tuwfikoilla kuin kefit, nin rubiet luomah. luondastuavoih luot kaŋgahan, a šid'a rubiet kolodah kiāfimāh. kiārit kuvondastuavoin kolodah. kiāfiesšā pid'āw kačūuo dai kačūuo. ennen kiāfind'ia otat pirdah, panet laššet, kaŋgahan ottelet ed'izeh šufjāštā ūmbāfi, šid'a alahada päit' laššet stuavoin perekluad'inažiata ūmbāfi i tuaš vejāt šufjaštā alačči, šid'a kolodah. ūksi kaziil'l'a pid'āw kaŋgašta, da hil'l'akkazeh laškow, a toine zavod'iw kiāfie kolodalla. kolodalla pid'āw rowno kiāfie, ūhen kiāf'ehūōh kaikkie müōt', ei l'ieniiš kuduosšā vāl'l'a randa l'ibo keški. konža kuin on pahoin kiāfitt'u kolodalla, nin kuduosšā randa vāl'enōw, hōbl'ōt'āw. ših pid'āw l'iziāl'l'a kuvetta. kudjen laššet vain keškišolgeh šuat al'i vähemmān, vain randazeh, i tuaš müōššūtāt. niin rownenāt. kolodah panet langoin alla puikkožie, miššā kaŋgaš on vāl'l'ombi. puikkožilla kiāfitt'āt, niil'l'a ved'āw.

kuin kolodan kiāfit loppuh šuat, nin pirran otat, a laššet jāt'āt. laššet ših i jiašah. ed'izeh otat niid'eh, kaikkih, moñigo on, monellago rubiet kudomah, šid'a tuaš pirdah: kaheksiikkoh, kümmešikkoh al'i kaksitoistakümmeñikkoh, mid'a rubiet kudomah. kiāfiesšā on toine pirda, pahembi. šufjah kuin tartutat, nin voit jo zavod'ie kduuo.

kudiekši on langat tože tuwfikoilla kefit'tu. tuwfikalda kiāmit'āt kiāmit. že kiāminkovaššā kiāmit'āt. kiāmit ollah tuohizet, tuohēšta luajittu l'ibo kel'l'a i sišizeštā suaharobumuagašta. tuohizet

ollah paremmat. vain aijalleh kehtua luad'ie. ših pid'aw kezäl'l'a huol'i pid'ia, konza tuohi l'äht'ow. meil'a viel'a oldih buaboloim aigahizet kiämit. mi heil'a tulow! vain kiämit'tiässä pid'aw kiämit'tiä kiärinnäl'l'a vaštah, štobi kuduossa kiärind'a ol'is müöd'äh, šilloin kuduossa kiämin nokat ei riibiečet'a. kuin tolkowvoi muamo, nina pikkuzesta šuat šiwla kaikki newvow, kaikkeh opastaw.

kuvotah kaiken muošt'a vuotetta. kahella niijel'l'a kuvot hatta-ravuotetta, piäl'üssäkši varoin, šobua, kuad'ieda, räččiniä. kosto-vuatetta kuvotah nel'l'al'l'a niijel'l'a: värčie, pošt'el'nikkua. hienuo vuotetta nel'l'al'l'a niijel'l'a kuvotah kažipaikkakši. kuvotah i kahekšalla niijel'l'a kažipaikkua, skuat'efie, ken kuin mahtaw. kahekšalla da enämmäl'l'a niijel'l'a ei kaikilla šua kudu. kodañiekkua kuduossa pid'aw t'iet'a, kuin šukšiloida talluo. uht'eh rukah tal-lot—uhtet kodazet, toizeh rukah—toizet. kodañiekkua kuvotah šomua. skuat'efiloida viel'a i bumuagalla kuvotah. že pid'aw oštua. bumuaga vain kудiekši.

kuin ul'ei päivä istuo, nin ložiembua vuatetta päiväššä šeiñä l'izäŋke voit kebiel'd'i kudu, a hienuo ei šua. ul'en lowhko! kudoja pid'aw—šeiñä hienuo vuatetta kudu, kodañiekkua.

kezriänd'a, kaŋgahin luonda da kuvonda—kaikki šuwripuhä mä-now. srašnoih et jät'a, pert'it peššä, powkuta, rabieštuačie, a štel'a joi keviä, peldoruavot tullah. vuattjet kuvot—ne pid'aw vallata. valgiel šollet, painamatta, pid'aw tuaš l'ivottua. l'ivošša piet, sul-čäveži l'äht'ow, pid'aw zol'ie. zol'ihuoh huwhot, da lumella, kuin viel'a on lunda. a kuin lumella et kergie, nin lovalla. päiväzel'l'a da kasteilla hüviin valguaw. počki heinäigoih šuat lovalla piet. illalla lapat, a huomneksella tuaš l'evit'ät. šeiñin jogo päiviä kai-ken keviän. vuattjet vallotah, pehmet'äh. värčivuatteida et valgua, a muwt kaikki valguat. vajua vuoži pid'aw ruadua, kuñi vuattjet ombelet.

a ommeldavakši žeže laŋga. vain kuin hienuo vuatetta ommella, nin laŋga pid'aw kezrät'a ul'en hieno. vet že pid'aw viel'a kerrata. kerratuolla ommellah. a ložiembrañe kerdua, nin i nieglah et pu-jota, nieglä pid'aw kuin aiza, rahvaš ruvetah nagramah. ommelda-vaksi laŋgakši parahan pelvahan jät'ät, kezriät hienozeh, rownozeh, ei ol'is bul'kuo. bul'kuŋke nieglah et pane.

— a muwda mid'a? kaikki šanoin. možot mid'ai unahiin, kun jo ammuin emmä kuvo. nūt vet kuvotah vain huršt'ie da hattarua, da piäl'üštiä, muw kaikki oššettu. nūt vet nuofilla kod'ikuvottu-loih on huigie šuoŋiečie. pid'aw sat'ina, šulku. a ennen šulkuo vain harvalla t'üt'öl'l'a ol'i, da i že kaikekši igiä ukši platja.

№ 66. Работы по льну

Работы по льну трудные. Лен любит, чтобы много работали над ним да хорошо, тогда только и вырастет хороший лен. А из хорошего льна и хорошее волокно, когда все нормально идет, [треста] не

останется под снегом. А со льном работы круглый год. Лен [во-
лочно] осенью или в начале зимы пригостишь [обрабатываешь],
а с полотном [тканьем] до весны промучаешься.

Работы начинаются еще с весенней пахоты. Полосу вспашут,
как только земля немножко обсохнет да немножко пропарится.
Очень сырую для льна пахать нельзя, сляжется. Овес, тот не
боится, а лен боится.

После вспашки земля немного постоит, чтобы обветрило и рых-
лее стала. Когда пообсохнет земля, нужно пробороновать. Если
песчаная земля, то ничего, а глинистую землю очень плохо сухую
бороновать. У нас поле в сторону Ломового было песчаное, а поле
в сторону Андрикова — сплошная глина.

На полосу как приедешь бороновать, то сперва нужно крест-
накрест бороновать. Это очень трудно. Если лошади упрямы, то за
упряжку руки оттянет, свербеть будут. Крест-накрест бороновать —
надо сначала поперек, а потом вдоль следа ездить, это и есть боро-
нование крест-накрест. В конце полосы запряжешь лошадей в бо-
роны, начнешь ездить. Если не очень ровная пахота, то сперва еще
обрушиваешь. В один след ('в один зуб') проборонуешь прямо,
вдоль борозд прогоняешь, а потом только начинаешь крест-накрест
бороновать. А обрушивать нужно для того, чтобы пласта́ обратно
не опрокидывать, чтобы стерня оставалась внизу, а не опрокиды-
вался [пласт] вверх стерней торчать.

После обрушивания начинаешь с конца полосы, хоть с какой
межи, и едешь к другой меже, а от той межи опять к первой меже,
а отсюда опять ко второй меже, и этак до другого конца [полосы].
След борон будет змейкой. В конце [поля] лошадей повернешь.
Теперь начнешь гонять поперек следов первого гона. У тебя след
борон будет этак как цепочкой. Опять в конце повернешь и пой-
дешь теперь гнать рядом с первым следом, а с другого конца пой-
дешь рядом с другим следом. Если полоса широкая, то еще и
третий раз проедешь, обрушишь все огрешки, которые остались,
куда бороны не достали. Лошадей мотаешь из стороны в сторону,
руки начинают ныть, да и лошадям надоест шататься [из стороны
в сторону].

Пробороновав крест-накрест, опять начинаешь гонять прямо.
Начнешь от одной межи да до другой, чтобы огрехов не оставалось.
Если хорошая, мягкая земля, то на два следа прогоняешь и хватит,
можно ее [полосу] засеять. А если потверже, то и в три, и в четыре
следа прогонишь. После боронования все корешочки на поверхность
поднимутся. Борона их все соберет, лишь изредка борону прижой-
нимай, когда много наберется. В кучку их, корешки, все на межу
положишь, там сгниют. После боронования земля становится мяг-
кой, чистой. Борона идет, как по воде: от зубьев земля, как вода,
течет. Тут посеешь льносемя. Сеют мужчины. Женщины боронят.
После сева еще в два следа прогоняешь, пусть растет. Если семя
чистое, то при такой обработке лен будет чистый, сорняк не растет.

Лен сеют, если кому нужно получше волокно, то погуще, а если побольше [льняного] масла, то пореже. Густой лен волокнистее, волокно будет мягче. Из более редкого — семян да головок, в этом больше головок, бронистее, а волокно не такое уже будет. Тощая земля — то и из редкого льна волокно хорошее будет, лишь меньше, а в жирную землю нужно очень густо сеять, вдвойне. Да это и выгоднее. Лен до пояса, вытеребишь, так бабка на бабке. Льна [волокна] будет много, хорошего. А лен у нас всегда в цене. Да ведь от льна только и деньги. От чего другого возьмешь? Корзинки [муж] делает зимой. Да много ли от корзинок возьмешь? Все базары объездишь, а когда как привезут несколько возов, сразу цена упадет, покупателей мало, половину обратно домой привезешь. А от льна на год деньги. Бывало, и на тридцать продавали. Налоги ('подати') уплатишь, долги раздашь да и себе немножко останется. К праздникам нужен был и сахар, и крупы, и пшеничного маленько. Были расходы.

Когда лен посеешь, то забота с шеи до осени. Хорошее лето — то вырастет. Когда вокруг спаса [29.VIII], когда к богородице [21.IX] лен вытеребишь. Когда и к якимову дню [10.X] останется. А теревить нужно, когда перо [листочки льна] начинает осыпаться. Бабки поставишь сохнуть. Когда бабки хорошо высохнут, привезешь их в гумно. Сразу начнешь и околачивать.

А околачивают по-разному. Кто и цепом молотит. Легче о камень бить либо колотушкой, валком колотить. Валком и ребятишки бьют, а сами мы о камень колотили. Из поля как свезешь лен, бабки, так сложишь в скирду в гумне, к задней стене. В самом гумне, под крышей, чтобы не намочило. Он и тумана боится, сырой хуже околачивается, тяжелее. На улице околоченное сложишь, а не околоченный лен в гумне.

Вот поставишь козлы на пол, в козлы клиномкрепишь гребень [драчку]. У кого коли железный гребень, то железный, а коли у кого деревянный, то деревянный. Не у всех железные гребни, есть и деревянные, целиком деревянные. А в железном деревянная лишь доска, а зубья железные, кованые, они, как гвозди, сквозь доску вколочены. Он на вид как гребешок. На козлы туда, к гребню, положить камни, гладкие плитки, да еще колотушки [валки] приготовишь рядом, и начнешь околачивать.

А околачивают так: принесешь из скирды кучку льна, бабки три-четыре, положишь на пол около себя. Станешь за козлы против плиты и гребня, возьмешь снопик и начнешь о камень бить. Если не все головки отделятся, то поколотишь колотушкой, а потом прочешешь в гребень. Снопик останется чистенький, ни одной головки не останется. Этот снопик в сторону. Другой возьмешь — и тот околотишь. Да этак все. Руки эта работа отобьет. А когда яровые еще не все сжаты, то и по ночам околачиваешь, а днем жнешь.

В гребне которая соломка останется, так [это называется] отребьем (или веретем). Из отребья [получается] только чакан

Из-под козел головки нужно молотить, потом провеять. После всяня просеивают на сите перед воротами [гумна], перед теми воротами, в которые дует ветер. После просеивания на сите [кладут] в меру да в мешок, а затем в амбар. Головки убирают в сарай на пол либо в корзинны, а околоченный лен свяжешь в тукачи [большие снопы] соломенными связлами да [повезешь] на луг, в озимое поле да в Прогон [название поля].

На лугу лен расстелешь тоненько. От снопов перевязи положишь отдельно, вместе с отребьем. Они тоже на паклю [пойдут]. Теперь лен на лугу: смотри, не подняло бы ветром. На стлище лен лежит недели три или четыре и дольше, в зависимости от рос да дождей. Потом начнешь смотреть, как поспевает. Коли днем сухой лен будет уже ломаться и волокно отделяться от соломки, то возьмишь на пробу. Пробный пучок ('пробу') на печи высушишь, мнешь и смотришь, готов ли лен уже. Если кострика хорошо отделяется и волокно мягкое, то лен уже готов, надо поднимать [со стлища]. Только за один раз не угадаешь, несколько раз берешь пробу; опасешься ('боишься'), не испортить бы. Когда уже совсем готов, пойдешь поднимать. Если погода ('погоды') хорошая, то быстро [со стлища] поднимаешь да сразу и в ригу. А если пойдут дожди, то [они] помучают. Дольше, чем положено, ('лишнее') на лугу держать нельзя: ослабнет лен, [волокно] будет не прочное, в паклю много уйдет, да и цена на лен будет меньше, меньше дадут. А совсем мокрый лен в ригу ведь не посадишь, распарится. На лугу лен поднимаешь в конусочки, весь лен поставишь ('поднимаешь') конусками и ждешь, когда ветром обдует. Если хоть на недолго ('на одну упряжки') прекратится дождь, то лен пообсохнет, и тогда всем надо вязать. В тукачи свяжешь да и в ригу, если окажутся ('есть') свободные риги. А если свободных риг нет, то в скирду сложишь. По несколько риг [льна] редко у кого бывает, поэтому лен мнут быстро, не надолго остается в скирде. В скирде ведь долго держать нельзя, лен портится, разотрывается, слабеет.

Как ригу насадишь, сырой лен надо посвободнее [сажать], да высушишь, так и начнешь мять. Раньше одноручными мялками мяли, так подолгу приходилось мять, да еще пропускать в бросновку надо было, а теперь машинами [двуручная мялка с зубчатыми валами], быстро ригу намнут, да прямо в трепало, не нужно и в бросновку пропускать. Теперь уже эти бросновки исчезли, нет ни у кого бросновок. Да и одноручные мялки на козлах, если у кого и есть, то на них лишь пробую мять.

На машине мнут вчетвером, а пятый — мальчишка или девчонка — горсти подает. Двое мнут, за вал ('ручки машины') вертят, а двое стоят: один горсти кладет [в машину], а другой их берет, поправляет горсти. Из расчета по пятаку или по полряду [насаженным колосникам], по половине парных колосников мнут один ('ити'), а затем другие сменяют их. Те будут мять, а другие — горсти

подавать да принимать ('брать'). Так всю ригу [намнут]. Половину риги намнут да пойдут кушать. При мятё кормят хорошо, как в праздник, работа тяжелая.

Как начнут мять [насадку риги], так полное гумно женщин придет [на помощь]. Соседки-женщины приходят трепать. До этого и сговоришься. Сами напрашиваются [на помощь] трепать. Кто сколько натрепал, то после ты ей столько же натреплешь. Сразу после мятё лучше трепать, легче кострика отделается. А как остынет да чуть отсыреет лен, то тяжело и трепать. Поэтому лен надо тепленьким и трепать. При мятё полное гумно народу, весело работать, только сильно пыль мешает ('давит').

Когда лен потрепан, кладешь его в избу, в угол сложишь, в кучу. Ждешь покупателя. Сколько пядков нужно себе — отберешь и прочешешь. Для чески лучшее отберешь, чтобы [волокну] было подлиннее да помягче. Для этой работы ('чесать') освободишься уже после покрова (14.X). Чешешь [лен] в бане. Если много чесальщиц придет, так [в бане] и дышать нечем. Днем договоришься, в чьей бане будешь чесать. Баню истопишь [и следишь], чтобы не было утара. Приготовишь скамейки, копилку [лампу]. После ужина возьмешь гребень да льна [в охапку] и идешь в баню чесать. Страшно в бане сидеть. Если же чесальщиц много, то лучше, а если только двое-трое, то боязно. Да коли еще разговоры пойдут страшные ('плохие') или о покойниках, то от каждого шороха вздрагиваешь. Еще и парни эти пугают. Если же в бане человек пять-шесть, полная баня, то лучше, только очень много пыли.

Гребни эти разные бывают. Сперва в железный гребень [или чесалку] пропустишь, который пореже. Потом в более частый, а после этого щетинной щеткой чешешь.

— Так, какие гребни бывают? Гребни у всех одинаковые, лишь у кого постарее, у кого поновее, у кого почаще или пореже. Я не знаю, как делают железные гребни. Вколотят гвозди [в доску] — вот и гребень. Есть тонкая дощечка, как прялка, на которой сидишь. В другой конец вколочена вверх концом ножка, низенькая, а к ней приколочена другая дощечка. Небольшая. Насквозь железные гвозди приколочены, они сквозь дощечку выходят, на полпальца выступают. Расстояние ('по частоте') друг от друга — палец свободно проходит. Такой же частый и гребень, только дощечка поменьше, в которой гвозди, да и гвозди — драночные гвозди, они прибиты друг к другу почаще, палец не пролезет [между ними]. А щетинная щетка сделана из свиной щетины. Видела, как делают, да и сама умею чинить, если испортится: ручка сломается или расколется. Еловой смолой надо заливать. Она вся серкой залита, в широком конце только кончики щетины не залиты, торчком стоят.

Когда щетинной щеткой чешешь, то горсть льна держишь в левой руке, а щетку в правой. Горсть держишь высоко за один конец, а щеткой чешешь сверху вниз. Затем конец горсти перемещаешь.

После расчески от горсти останется лишь тоненькая горсточка, чистая, ни одной кострички нет, волокно к волокну. Десять горсточек после расчески щетинной щеткой свернешь в пучок [или початок]. Лучшее полотно то, которое соткано из льна, расчесанного щетинной щеткой.

При ческе нет пакли. Пакля [получается], когда треплешь [леи], то, что под трепалом остается, да от отребья повытрясешь. А при ческе уже получают пачесы, куделя, чистая куделя та, что после расчески на щетинной щетке остается. Пачесы, куделю и чистую куделю в бане, при ческе, свернешь в куклы. Вот когда соберутся чесать в бане озорные женщины да девушки, они соберут по кукле кудели от всех [присутствующих] и пошлют кого-нибудь в Трофимково с этими куклами льна. В Трофимкове был бараночник. Он свешает куклы, оценит, сколько стоят, и на них даст баранок. Принесет в баню баранки — и начнется пир горой ('пир пиром') у нас там. Утром придешь домой, так и кушать не хочется. А мужа не знают, им [обо всем] не скажешь. Ночью куклы отнесешь [к бараночнику], ночью баранки принесешь да ночью и съешь. Баловались, бывало, женщины да девушки. Больше девушки, девичьи выдумки эти были. [Иначе] когда ('в другое время') и поешь баранок! Давнишнее это время, теперь не так.

Работа со льном ческой не кончается. Все куклы и пучки [или початки] нужно спрясть, соткать, только тогда полотно получится. До полотна еще много времени и забот [положишь].

Полотна надо много, потолще и потоньше [полотно] нужно. Из куделей, расчесанных железным гребнем, нарядешь ниток потолще. Из них наткешь половиков, [полотно на] мешки, портянки, [полотно для] дельничек. Которые потоньше нитки, те наткешь для портов, рубах, будничных женских рубашек, постельников. Постельники да будничную одежду соткешь из ниток, которые спрядены из льна, расчесанного железным гребнем. Такое [волокно] лучше кудели и пачесей. А самое тонкое полотно соткешь из льна, расчесанного щетинной щеткой, из початков [пучков].

Теперь ни черта ('кобылей задницы') не умеют делать, прости господи! Девки, как жеребята, бегают на вечеринки. А раньше зиму напролет пряли. До великого поста прядешь, а потом, как пост наступил, — налаживай основы. Раньше ведь детям — девочкам — [еще] десяти лет не исполнилось, а уже прясть сажаешь, учишь. Сперва этак утók прядет, а потом научится — да и для основы прясть будет. Без учения никто сразу не начинает. Ребенком начинаешь да до самой старости все и прядешь. Уже и голова трясется, а от прялки не отделаешься ('освободишься'). Щепотки [концы пальцев] загрубеют, так тонко не можешь прясть, а запускаешь потолще, поглубже, так только рука ходит, как прядешь. О, у женщин работы да забот больше [было]! Попозже и [спать] ляжешь, да пораньше встанешь. У мужчин работы будто бы и потяжелее, а спит побольше. А у нас, [женщин], ни летом, ни зимой

нет покоя. Да зимой еще меньше спишь, коли семья да малые дети. С семьей некогда спать. Третьи петухи пропоют — надо уже печь затопить. Приготовишь кушать, скотину накормишь, напоишь, избу приберешь, ненадолго сядешь за прялку — уже и обед подоспеет. Пообедав, опять немножко попрядешь, уже, смотришь, надо вечернюю уборку [на дворе] делать. Поужинав, снова садишься за прялку да до петухов сидишь. Немножко прикорнешь — опять уже и надо вставать.

Нитки спрядешь, смотаешь на мотовиле, мотки намочишь. В мочке удержишь несколько дней, чтобы суровень отошел. Потом те мотки вымоешь, высушишь, продергаешь на гвозде [оттянешь скрутившиеся нити]. Продергав, навьешь с воробов на тюрики. Для каких кросен нужно крашеное полотно, то [нити] покрасишь. Ну, красишь в краске. Ходили торговцы с краской. Если хорошая краска попадется, то на моток нужен один пакетик. Когда не было краски, то красили и шишками. Красят [материю] и шишками, ольховой корой, березовой корой. В шишки коли еще железа прибавишь, то получится эта черная краска, как сажа ('затычка') черная. Эта краска и шерстяные нитки хорошо красит. Ничем не отмоешь ('возьмешь'), не линяет.

На тюрики как только мотки намотаешь, будешь навивать основу. На навивальный стан навьешь основу, а потом начнешь основу навивать на колоду. Навиваешь на колоду ткацкого стана. При навивании надо смотреть да и смотреть. Прежде чем навивать, берешь в бёрдо, вложишь лучинки [две гладкие линейки], основу завернешь сперва вокруг пришвы, потом снизу пропустишь кругом перекаладины стана и опять проведешь ниже пришвы, потом в колоду [ткацкого стана] проведешь. Одна держит руками основу да тихонько отпускает, а другая начинает навивать колоду. На колоду нужно ровно навивать, одинаково по всей [колоде], чтобы не ослаб край или середина при тканье. Когда бывает плохо навито на колоду, то при тканье край ослабнет, отвисает. На этот край нужно добавлять утка, уток пропускаешь лишь до середины основы или даже меньше, только на краешек, и ведешь обратно. Так подравниваешь полотно. На колоду под нитки кладешь лучинки ('щепочки'), где ослабла основа. Лучинки укрепишь, ими затянет [основу].

Когда колоду навьешь до конца, то бёрдо снимешь, а лучинки оставишь, лучинки тут и останутся. Сперва нить основы возьмешь в нитченки, во все, сколько есть, на скольких будешь ткать. Потом опять в бёрдо: в восьминник, десятичник или двенадцатинник, [смотри] что будешь ткать. При навивании [имеется] другое бёрдо, похуже. На пришву как прикрепишь, то уже можно начать ткать.

Для утка нитки также навиты на тюрики. С тюриков накрутишь цевки.. Это делаешь ('насучишь') на сучилке. Цевки берестяные, из бересты сделаны, у других были и из синей бумаги из-под сахар-

ных головок. Берестяные цевки лучше. Только не ленись вовремя сделать их. Об этом нужно летом позаботиться, пока береста отдирается. У нас цевки были еще с бабушкиных времен. Что им делается! Только при наматывании нужно мотать в противоположном направлении [против того, как свернута цевка], чтобы при тканье оборот цевки был бы по ходу нитки. Тогда при тканье цевки не задираются. Коли толковая мать, то тебе все с малых лет и укажет, всему научит.

Ткут различное полотно. Для портянок полотно ткешь на двух нитченках, [тоже] для дельничек, рубаш, портков, нижних женских рубашек. Полотно в елочку ткешь на четырех нитченках: для мешков, матрацев. Тонкое полотно на четыре нитченки ткут для полотенца, скатерти, кто что умеет. На восемь да больше нитченек не всякая женщина может ткать. Если ткать полотно в клетку, надо знать, на какие лыжи, в какой последовательности наступать. В одной последовательности наступаешь на них — одни клетки получатся, в другой — другие. Клетчатое полотно ткут красивое. Скатерти еще и с бумагой [из хлопчатого-бумажных ниток] ткут. Ее надо покупать. Бумага идет только на уток.

Коли весь день подряд сидеть, то за день потолще полотна стену с лишним можно наткать слегка, а тонкого полотна столько наткать не сможешь. Очень ловкая ткачиха должна быть, — чтобы стену тонкого полотна наткать, клетчатого.

Мотание, снование кросен да тканье — весь великий пост и пройдет. На страстную [неделю] не оставишь тканья, избы надо мыть, потолки, стены, [белье] бучить, убираться. А там уже и весна, полевые работы подходят. Наткешь полотна — их нужно выбелить. Белые, некрашенные полотна, надо опять мочить. В мочке удержишь, суровень отойдет — надо золить. После золки прополощешь да на снег, коли еще есть снег. А если на снег не успеешь [разостлать], то на лужок. Солнцем да рёсами хорошо выбелит. Почти до сенокоса на лужайке удержишь. Вечером соберешь, а утром опять расстелешь. Этак каждый день, всю весну. Полотна выбелятся, станут мягкими. Для мешков полотен не белишь, а остальное все выбелишь. Без малого год надо работать, пока одежду сошьешь.

А для шитья та же нитка. Только если потом полотно шить, то нитку нужно прясть очень тонко. Ведь ее еще нужно ссучить. Сученой ниткой шьют. А потолще ссучи — то и в иголку не вденешь, иголка для такой нитки нужна как оглобля, народ будет смеяться. Для нитки, которой шьешь, лучший лен оставляешь, спрядешь тоненько, ровненько, чтобы не было бугорков [утолщений]. С бугорками нитку в иголку не вденешь.

А еще что? Все рассказала. Может, что и забыла, так как давно уже не ткem. Теперь ведь ткут только половики да портянки, дельнички, остальное все у нас покупное. Теперь ведь молодым в свое

домотканое и одеваться совестно. Нужен сатин да шелк. А раньше шелка лишь у редкой девушки были, из очень богатого дома. Да и то на всю жизнь одно платье было.

Волкова Василиса Ефремовна. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 187—188.

№ 67. [palavan juablokan süöjä]

iell'ä, poigan, naizet ruattih äijän. kaikki kodiruavot naine ruado, kaikkie peldoruadoloida ruado. a mi pelvasta pid'i viduo, harjata, kezrät'ä, kuduol' a lapset min igiä otettih! en muissa, kuna vuodena, jo äijä aigua on siid'ä suat, vidno kazanskoiloin ümbäri [4. XI] ol'i, jo harjaimma. cais mikin kül'üssä harjaimma. kävümä toko: vasso-t'ota, mikisihä, luaseisiha-miina da mie. nu konža kedä muida tulow mies, einin kaksi, a periä müö pid'imä. mikisihäl'l'ä sinä sügüzünä ol'i imijä lapsi. i lapsi že ebävoimine, mi ollow l'äzijä. nais-rukka sih mänöh äijäl'd'i ol'i pahostunnun. a ruadua pid'i, harjuamizie et jätä toizeh vuodeh.

harjuamma seiniin kerran, kaikin iäništ'ümä, nukumma. mikisihä počä ünnäh maguaw, a käzi nagol'i ruadaw. ka kuin kerdah ravahtaw da voivottamah. müö kaikin pöll'äštümä: „mid'ä že seiniin, kuin sie?“. kačomma, mikisihäl'd'ä sormiloista vefi t'ippuw.

„a niin, šanow, uinoin. uinoin i unissa niän, kuirgi olen ma-moissa gošt'issa. murginoicemma. pandih žuafittuo juablokkua. mie seenie koppain näpil'l'ä da ka rawdaharjah sormet i süd'ain“.

ka kuin pid'i naizellä ruadua!

№ 67. [Посла горячей картошки]

Прежде, сынок, женщины работали много. Все домашние работы делала женщина, всякие полевые работы выполняла. А сколько льна нужно было трепать, чесать, прясть, ткать! А дети сколько жизни сокращали (‘веку брали’)! Не помню, в каком году, уже много времени с тех пор, видно, около казанской [4. XI] было, уже чесали [лен]. Кажется, в бане Никиты чесали. Ходили обычно: тетка Василиса, жена Никиты, Власыха — невестка да я. Ну, когда [еще] других человек-другой придет, а главные мы были (правили мы’). У жены Никиты в ту осень был грудной ребенок. И ребенок-то хилый, какой-то болезненный. Бедная женщина в ту пору сильно похудела. А работать надо было, чёски на другой год не оставишь.

Чешем однажды вот так, все умолкли, дремлем. Никитиха почти совсем спит, а рукой все работает. Вот как вдруг вскрикнет и дай выть ('ойкать'). Мы все испугались: «Что это ты, что с тобой?». Смотрим, у Никитихи из пальцев кровь капает.

«А так, — говорит, — уснула. Уснула и во сне вижу, будто захожусь у мамы в гостях. Обедаем. Поставили жареную картошку. Я как пальцами ('щепоткой') схватила — да вот в железный гребень пальцы и сунула».

Так вот как нужно было работать женщине!

Волкова Василиса Ефремовна. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, л. 185).

№ 68. [voin kolawttaja]

ol'i i toiñe muoñe azie. čäis muissat ogru-totua? ka hiän kerran istuoči kuoretta kolawttamah. kolawttaw kuoretta, a kuore mid'ä ollow ei mäne. nu istuw i kolawttaw. kolawtti, kolawtti dai nukkewdu, vöit šanuo, ünnäh uinoi. i nägöw, buitto t'ipazie šüöt-t'äw. tipazet ne nokitah, kana klukettaw (a ičego härkin puan randoih kolajaw). jäi viel'ä vähäñe ruogua da duwmaiččow: lop-pietah. l'äksi kod'ih. vain tul'i oven luoh, kaččow: vieraš kana tul'i kartalla i emän ajo. hiän kuin mögähtäw: „ki-iš!“. da kuin härkimen hel'ähütt'äw kiwguan oččah. havaštuaci, ga kanua ew, a kiwguan očča ünnäh kuofiešša i härkin lattiella kalajaw.

№ 68. [Сбивающая масло]

Был и другой такой случай. Наверно, помнишь тетку Агриппину? Вот она один раз села масло ('сметану') сбивать. Бьет сметану, а сметана что-то не сбивается. Ну, сидит и бьет. Била, била да и задремала, можно сказать — совсем заснула. И видит, будто цыплят кормит. Цыплята те клюют, курица квохчет (а это мутовка о края горшка стучит). Осталось еще немножко корма, и думает: кончат [клевать]. Пошла домой. Только подошла к двери, смотрит: чужая курица пришла к корыту и молодку [квочку] отогнала. Она как крикнет: «ки-ишь!». Да как мутовку швырнет в чело печи. Очнулась, а курицы-то нет, а чело все в сметане, и мутовка на полу валяется.

№ 69. oravoissa

oravua on hüvä suaha, hüpel'ä ei pie, vain issu kandozella. pid'aw männä meccäh, stobi viel'ä ei zoriis. šid'ä päiviä vaš pid'aw val'l'ita mesta, miššä on äijä oravan jäl'gie. tulet, miššä eñämbi jäl'gie, i val'l'icet kandozen. istuoče i vuota. vain hüvemmiin šuořieče, kodva pid'aw istuo. kuin zavod'iw zorie, ruvetah oravat hüppel'ömäh. vain vähäzel'd'i valguow, hüö nowššah pežo-loista i l'äht'iet'äh suömäh. šuwväh, kizatah toine toizer'ke, hüpel'-l'äh meccä müöt'. a šie issu hil'l'akkazeh i härvazeh čokšuttele. ka hüö i tullah šiwn čokšutandah. ammu, e'lä l'iiku. ammut, e'lä kosše, ana šiinä on, kuñi et l'ähe kod'ih. ühen ammut, kodvazekši piet'et'äh hüppel'ennän, šid'ä tuaš ruvetah hüppel'ömäh. tuaš čokšuta i tuaš ammu. da šeñiin, mi šiinä e'lät'tel'iečöw, kaikki voit čokšuttua. issut, issut, jo hüviin valguow, eñämbi ei kuwlu čokšuttamassa, ei nävü hüppel'ömässä, nowžet kandozelda, keřiät tapetut oravat i kod'ih. ennen murginua i koissa.

№ 69. За белками

Белок хорошо ловить, бегать за ними не надо, только посиживай на пенечке. Нужно пойти в лес, чтобы еще не было зари (не зорило'). Накануне того дня надо выбрать место, где много белчих следов. Придешь, где больше следов, и выберешь пенёк. Садись и жди. Только получше [теплее] оденься, долго надо ждать. Как начнет светать, начнут белки бегать. Только немножко посветлеет, они поднимутся из гнезд и пойдут кормиться. Кормятся, играют друг с другом, бегают по лесу. А ты сиди тихонько и изредка чокай. Вот они и придут на твоё чоканье. Стреляй, не шевелись. Застрелил — не трогай, пусть тут и лежит (есть'), пока не пойдешь домой. Одну застрелил — ненадолго прекратят беготню, потом опять начнут бегать. Опять чокай и опять стреляй. Да так, сколько тут водится ('проживает'), всех можно укокошить. Сидишь, сидишь, уже хорошо рассветет, больше не слышно [беличьего] чоканья, не видно, чтобы бежали, встанешь с пенёка, соберешь настрелянных белок — и домой. Раньше обеда и дома.

№ 70. okruženjassa

silloin müö toraimma viel'ä omalla puolla. komandovanja miät t'üönd'i razvetkah, kuin šantah, „v razvetku z bojem“. l'äksi meid'ä ünnäh zvoda. müö šeizoma mečässä, a ol'i käšket't'ü ottua kül'ä, zaimie kül'ä. kül'ä ol'i virsan kolmen piässä mečästä. kül'ässä šiinä issuttih nemčat, nemčoilla ol'i otettu že kül'ä. žen kül'an taguana toizissa kül'issä tože jo nemčat oldih. meil'ä pid'i t'ijjuštua: äijägo heid'ä on, kuin ollah voružittu, oγgo heil'ä tankua. müö l'äksiä aivoin huomneksella, viel'ä ei zavod'in päivä vallota. ed'izeh aštuma jäl'lekkäzeh tuhjozin taguačči, a šid'ä, konžä, puašña l'ieni, l'evenimä rozno i rubeimma eist'ümäh hüpät'en ükšit'tiän. kül'an l'ässä ol'i issutettu juablokka. mie ol'iin enzimäzinä. en kerrin vähäst'ä doid'ie zvolih, kuin nemča miät dogad'i i rubei pul'emotista šabawttamah. miän brihat ei piet'utt'ü: to üksi hüpäh-t'äw, to toine, to kolmaš — nagol'i ed'izeh männäh. no vain eiššümä hil'l'ah, äijäl'leh ei voi kerdah hüpät'ä. mie jo ol'iin zvolissa počki kül'ä väš, kuin kuwlussiin komandan: „nazat, tankil“. ket müöst'iačet't'ih taguah, ket kunne, a tankat jo meil'd'ä dorogua meččäh katatah. mid'ä ruadua? männä tankoih käziin, nin tolkuo vähä. veñün vavon pohjašša da vain zvolazii iččien piäl'l'ä tukkuon. a boju jo eist'uw meččäh. t'äl'd'ä viel'ä nemečkoit tankat tullah, pehotta jäl'lešt'i mänöw, suwri vägi keräwd'ü heid'ä. mid'ä ruadua? jäin okruženjah. kodvin tuačči kačon — nemčoida l'ässä jo ei nävü. rubein hil'l'akkazeh hoičkät'el'ömäh. ümbari ruvettin niinze hil'l'akkazeh brihat iänd'ä andamah. kolmetoista mieštä keräwd'ü. a zvolista emmä ruohi nowssa. rešimä veñüö üöh šuat. pit'kä päivä ol'i veñüt'tävä. nu, šiinä müö moneh hajuh hüvän duwman duwmaiččima. omie tavottamah l'äht'ie, nin emmä t'ijjä ed'ähgo hiät nemča peräwt'ti. kolmetoista mieštä frontua et katkua t'ied'ämätt'ä, a müö duwmaiččima — kodva „ruadua“ t'äl'l'ä puo frontua, nemčan tižušša. tul'i üö, keräwd'ümä müö üht'eh tukkuzeh, kačomma, oγgo äijä meil'ä zapuastua. l'öw'd'ü kel'l'ä vintowhka, kel'l'ä awftomatta. ol'i i granuattua. l'äksiä šuarimah nemčan tižušša. kuwda kaksi müö „nökkima“ nemčua tižušša. a konža meil'ä keräwd'ü suwri otruada, frontasta l'äbi prorviečima omin luoh.

äijän müö ših mänöh „ruadoma“ tižušša. ruvetah nemčat muištamah, kuin pid'äw okruzie. okruzinda heil'ä kal'l'is rod'ih.

№ 70. В окружении

Тогда мы дрались еще на своей стороне. Командование нас послало на разведку; как говорят, «в разведку с боем». Пошел нас целый взвод. Мы стояли в лесу, а было приказано взять деревню,

занять деревню. Деревня была версты за три от леса. В той деревне сидели немцы, немцами была захвачена та деревня. За той деревней в других деревнях тоже уже немцы были. Нам нужно было узнать: сколько их, как вооружены, есть ли у них танки. Мы пошли рано утром, еще не начинало светать. Сперва шли гуськом за кустиками, а потом, когда пашня пошла, разошлись враспынную и стали продвигаться поодиночке, перебежками. Около деревни была картошка посажена. Я был первым. Не успел немножко добежать до ботвы, как немец нас увидел и начал из пулемета сыпать.

Наши ребята не остановились: то один пробежит, то другой, то третий — все вперед идут. Но продвигаемся медленно, многим сразу нельзя бежать. Я был в ботве уже почти рядом с деревней, как услышал команду: «Назад, танки!». Кто повернул обратно, кто куда, а танки уже у нас дорогу в лес перерезали. Что делать? Идти на танки — так толку мало. Лежу на дне между бороздками да только ботву на себя пригибаю. А бой уже удаляется в лес. Отсюда еще немецкие танки идут, пехота сзади идет, большая сила собралась их. Что делать? Остался в окружении. Некоторое время спустя смотрю — немцев близко уже не видно. Стал потихоньку кричать ('хекать'). Кругом стали так же тихонько ребята отзываться. Тринадцать человек собралось. А из ботвы [мы] не смели подняться. Решили лежать до ночи. Долог день был лежать. Ну, тут мы на несколько умов хорошую думку надумали. Своих идти догонять — так не знаем, насколько далеко немец их попятил: тринадцать человек фронта не прорвешь, не зная обстановки. И мы надумали некоторое время тут «поработать» позади фронта, в тылу у немцев. Пришла ночь, собрались мы в одну кучку, смотрим, много ли у нас запасов. Нашлись — у кого винтовка, у кого автомат. Были и гранаты. Пошли шарить по немецкому тылу. Месяца два мы «клевали» немца в тылу. А когда нас собрался большой отряд, сквозь фронт прорвались к своим.

Много мы тогда «поработали» в тылу. Будут немцы помнить, как надо окружать. Окружение им дорого обошлось.

Смирнов Николай Николаевич, 35 лет, дер. Курган Лихославльского района. Записал А. А. Беяков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 68—71).

№ 71. tankoin västunda

vojuiciin mie äijän. äijän i rawdua kolot'ittih miwh. kaheksan oskolkua i nüt on miwssa, pikkarazie. že nicevo, možot nowssah hil'akkazeh, a jalga ei spruaviece. l'iew dubinazeŋke kävellä.

i t'ämä nicevo, kävell'äh i kost'el'iloir'ke. zato i nemcalla annoin ägied'ä.

mie komanduičiin prot'ivotankovoilla orud'jalla. ennen sid'ä ol'iin minomoččikkana. minomoččikana pahembi, harvah konža niät äijäŋgo mid'ä ruavoit, ed'ähäd'ä ammut. a prot'ivotankovoista ammut i niät, kuin piet't'uw. a ei piet'ü, nin sid'äi kačo, sto pägeillä talluaw.

kerran šeizoma müö gorakulmazesša. ed'izesšä ei suwrikkaŋe gorane, a taguana meččane. miän orud'ja hawdazesša tuhjon taguana. meččässä, meiš'tä voittuan oigieh randah, oldih pehot'incat. nemča t'iezi, sto miän pehot'incat näill'ä paikoilla ollah, viel'ä šidä päiviä waš hüö nastupaidih, da ottua ei šuannun. miän huavatih, sto ras pehotalla ottua ei šua, nin tankat t'üönnet'äh. vot müö varuziksi sih i šeizawduma, vuotamma „gošt'ie“. viikon vuottjma, äijän tabakkua poltjma vuottuassa, vdruk kuwlemma: jurissah gorazen taguana. tulla heil'ä ol'i ul'en udobno, goran taguada meil'ä heid'ä ambuo ei šua, a konža gorasta viijit, nin joi ambuo, duwmaiŋah, ei l'ie konža, ješ'l'i na polnom gazu furahuttua. hüö šeniin duwmaidih dai müö niinze duwmaiččima. niin hiän i viid'i. a mie ennen huavain, sto porasčotu ambuo t'ässä ew konža, pid'aw varuštuačie ambumah p'ramoi navotkoi. omilla salduatoilla vakuššiin, štobi ruattaiš palavemma. hüviin ruattih! gulu l'ähenöw, lähenöw i ka toine toizella jäl'lešt'i virviečett'ih gorazen taguada kolme tankua, voittuan meiš'tä šiiričči kohtj meččäzeh, missä pehotta ol'i. miän pehot'incoilla, naverno kawhie tul'i sih mänöh. meil'ä orud'ja ennen zařad'ittu, snafuadat varušetttu, štobi ostanowhkua ei oliiš. vuotella ew konža, šiinä ken ennät't'aw. kuin vain ozuttuačettih, ka mie i alloin heid'ä pukšuttua. ei keritt'ü meččäh doid'ie, kuin nel'l'al'l'ä snafuadalla kaikki šibiin. nämä, duwmait, viel'ä ei keritt'ü piet't'uo, a jäl'lešt'i viel'ä kolme halguaw. kaikkiedah naverno heil'ä int'ervala ol'i puol'i virštua, vähiä enämbi. nämä viel'ä metrow nasto l'ähembiaš viijitt'ih i tuaš voittuan meih kül'l'iin. mie i niid'ä napriin čabawttua. i ne ennen meččiä kaikki šibiin. en kerrin ammundua piet't'ia, ed'embiänä enzimäzie tankoida viel'ä kolme tankua viid'i. ühen i niist'ä virit'iin, a kaksi meččäh kočahettih. a šiel'ä ol'i prot'ivotankovoi ružja. ružjasta molemmat viritet't'ih. üheksäštä ni üht'ä ei piäššün. a miwn dol'ah šeiččimen. šiid'ä bojušta i ord'enan miwla annettih.

№ 71. Встреча танков

Воевал я много, много и железа вколотили в меня. Восемь осколков и сейчас во мне, маленьких. Это ничего: может быть, поднимутся, выйдут потихоньку, а нога не поправится. Придется с палочкой ходить. И это ничего, ходят и с костылями. Зато и немцу [я] дал жару.

Я командовал противотанковым орудием. До этого был минометчиком. Минометчиком хуже, редко когда видишь, сколько чего наделал, издалека стреляешь. А из противотанкового стреляешь и видишь, как [танк] остановится. А не остановится, то того и гляди, что на ноги ('подъем ноги') наступит.

Раз стояли мы у бровки горы. Спереди небольшая горушка, а сзади лесочек. Наше орудие в ямке за кустом. В лесу, от нас вроде по правую сторону, были пехотинцы. Немец знал, что наша пехота находится на этих местах. Еще накануне того дня они наступали, да взять не смогли. Наши предполагали, что раз пехота взять не смогла, то теперь [немец] танки пошлет. Вот мы на этот случай тут и стали, ждем «гостей». Долго ждали, много табаку искурили ('сожгли') в ожидании. Вдруг слышим: грохочут за горкой. Идти им было очень удобно: из-за горки нам стрелять по ним нельзя, а когда из-за горки выйдут, так уже и стрелять, думают они, некогда нам будет, если на полном газу фурануть. Они так думали, да и мы так же думали. Так оно и вышло. А я раньше предполагал, что по расчету стрелять тут некогда, надо готовиться стрелять прямой наводкой. Своим солдатам наказал, чтобы работали горячее. Хорошо работали! Гул приближается, приближается — и вот один за другим вырвались из-за горки три танка, как бы вроде мимо нас, прямо в лесок, где была пехота. Нашим пехотинцам, наверно, жутковато пришлось в то время. У нас орудие заранее заряжено, снаряды приготовлены, чтобы задержки ('остановки') не было. Ждать некогда, тут кто кого опередит. Как только показались [танки], вот я и начал по ним ('их') бабахать. Не успели в лесок войти, как четырьмя снарядами всех сшиб. Эти, думаешь, еще и остановиться не успели, а следом еще три [танка] чешет. Всего между ними интервал, наверно, был полверсты, не больше. Эти еще метров на сто ближе вышли, и опять вроде к нам боком. Я и по ним ('их') начал сыпать. И не успели доехать до лесочка ('раньше леска') — всех подшиб. Не успел кончить стрельбы — подальше от первых танков еще три танка вышло. Один из тех танков я зажег, а два [других] выскочили в лесок. А там было противотанковое ружье. Из ружья оба [танка] подожгли. Из девяти ни один не ушел. А на мою долю семь [подбитых танков]. За этот бой и орден мне дали.

Баранова Василиса Яковлевна, 31 год, дер. Кировка (h o m i ä g ä) Лихославльского района. Записал А. А. Беляков, 1936 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 100—105).

№ 72. kakši pakasta

konzollow annmuzena aigana rowno keskitalvella kävel'läh awgieda pal'l'asta pelduo müöt' kaksi vel'l'estä, kaksi pakast'a. hil'l'akkazeh assutah, jalga jallalda tallual'l'ah, toine toizer'ke paisah, besowduijah. üks'i pakkañe sanow toizella: „ruskieñeñä vel'l'i, kuin ol'is meil'ä vesel'iecl'd'ä, ked'ä ni olgah pureldua, kül'mätt'ä?“.

toine pakkañe, šiniñeñä, šanow: „kuin ked'ä kül'mätt'ä, nin ei pie awgiella pellolla kävel'l'ä. pellot ollah t'ühjät, dorogat ummet, pöwrüt't'u, ni ken ei assu, ni aja. pid'aw männä meččäh, siel'ä ajajua vähembi, nin ruadajua on. niir'ke voit kizata“.

hüpät'äh pakkazet meččäh, jäl'l'est'i heil'ä lumi kažattuw, iessä puwt racketah, näfiet halgiel'l'ah, racketah, lumi kriičkuw. ka kuwlussettih üht'äl'l'ä päin kelloñe kel'ajaw, toizualla päin regi rämajaw. kacotah: kelloziir'ke bajari ajaw, rejell'ä muzikka halgoh ajaw. ruvettih. duwnaimah, sum'aimah: kell'ä kumbazeh männä, kumbazeir'ke kizata, kell'ä kummas't'a kül'mätt'ä. ruskieñeñä pakkañe ol'i nuorembi i šanow: „miwla pid'äis muzikkua tavottua, muzikkua kül'mätt'ä. hiän on pahoin suoriecennun, cunat jallassa, paikattu turkiñe piäl'l'ä, l'äpäkkañe suapkañe piässä, lowkokkahat alazet kiässä. tuan mie väliämme kül'mätt'äziin. a sie kuin olet vanhemi da vägövembi, nin ota bajari kül'mätt'ä. bajaranie miwla ei sua voitua, hiän on hüviin, lämbimäh suoriecen: korvikko suapka piässä, tuluppa piäl'l'ä, t'opluhat jallassa, kondjen nahkalla kattuačennun. tuar'ke i siwla tulow pižüö, ota sie bajari“.

muhahti šiniñeñä pakkañe, šanow: „hüvä, olgah niin, kuin sie tahot. mäne muzikkah, a mie, takibit', l'ähen bajaranih. kuin kül'mätt'ämmä, nin illalla waštuacemma, šanelemma, kummas't'a kuin jügie ol'i kül'mätt'ä, kumbañe šuwer'go ruavon kumbazella ando, kumbazella heist'ä wiiko'go lämmin ol'i, väliä'go kumbañe kül'mi. jia t'erweheksi, vel'l'i“. „jia t'erweheksi i sie!“ — šanow ruskieñeñä pakkañe.

kriičkahettih, rackahettih, l'äht'iet'tih hüppiämäh: üks'i bajarilla jäl'l'est'i, a toine muzikalla jäl'l'es'ti.

tul'i ilda. tullah pakkazet pellolla: missä vilumbi, siel'ä heil'ä parembi, miel'ehembi. vanhemi, šiniñeñä, tulow vešel'ä, karraten, vihel'del'ow, rackahtelow. a nuorembi, ruskieñeñä, nasul'i astuw, rambuaw, ohkaw, hil'l'akkazeh hiivow. uhüt'tih hüö, ruvettih toine toizella šanelomah, ken ked'ä kuin kül'mätt'i. nuorembi i küžuw: „kuin sie, vel'l'izeni, tuar'ke pižuit, šaigo hot' vähäzel'd'i kül'mätt'ä? vet turkista, tulupašta da kondjen nahkašta l'äbi ol'i jügie probeirie. miwlai pahaččazeh suoriecen ol'i, a nasul'i eloh jain. kuin sie, rawkka, voitijt bajarin?“.

a vanhemi pakkañe muhajaw: „oh, sie pakkañe-ruskienenä, nuori vielä olet i hajuo vähä. mie kuin bajaran tavotjin da turkin alla süd'iačiin, da kuin rubein vilulla puromah da näpist'el'ömäh, nin bajari vain cihkaw. kügrist'ü kondien nahkan alla, ei l'ikahtua ruohi. hambahat hänel'l'ä kolissah, iče šinist'ü, jo i paissa ei sua, unnäh köbl'eht'ü. kül'äh tul'i, pert'ih awtettih nowssa, icel'l'äh i astuo ei sua. ei awttan hänel'l'ä ni turki, ni tuluppa, ni kondien nahka. kül'mi kägäräksi, turki i suapka härmäwvut't'ih, ripcit jäwvut't'ih — kačuo ei sua. vessel'ä ol'i miwla kizawttua händ'ä. ei kül'ia da l'ambimiä pert'ie, nin mie oizin kizawttan hänen. nu, a šiwn aziet kuin? šiwla kebie ol'i mužikkua, kül'mät't'ia, kuin noin pahoin ol'i suoriecennun?“.

„el'ä pagize, vell'izeñi, sie cäis nagra milma. cüt vain eloh jäin, niin, ol'iin puwttun. — popad'i kehno, kaikki luwt murjo, kaikeksi panettel'i. tahoin kebiel'd'i kül'mät't'ia, a niin ol'i jügie, nin ässen higeh rabai, unnäh lamewtti“.

„newsto ei suannun kül'mät't'ia mužikkua? kuinbua niin?“ — küžuw vanhemi vell'i-pakkañe.

„a ka niin. l'aksiin mie mužikalla jäl'lest'i. heboñe hänel'l'ä hil'l'akkazeh hörskütt'aw, väl'ian tavottjin, en kerrin i palavoiduo. mäniin mie hänel'l'ä turkin alla, alazih, kuin opassiit. rubein pist'el'ömäh, näpist'el'ömäh, nahkua kuwvittelomah. a hiän hawkkuočow, iččied'äh kulakkoloilla l'üömäh rubei. mie ihassuin, nagrattaw: „väl'ian mie šiwn proberin, meccäh ajat, a mečästä et piäzel“. ajo vähäzen dorogua milöt' mečässä, kiänd'i randah. mie duwmaičen: „hajulda šego, pöll'ästü“. a hiän hebozen piet't'i, nowzi rejestä, otti kirvehen dai rubei halguo l'eikkuamah. mie ihassuin, turkin alla vielä väl'l'embi l'ieñi händ'ä näpissel'l'ä, kážie, polviloida pureksie. a hiän vain rutomma kirvehel'l'ä l'üow, buittei kuwle milma. min enämmän l'eikkuaw, žen miwla ahtahemi, žen miwla pahemi, jo unnäh slabewvuin. hiän l'eikkuaw. höwrü turkin alla l'ieñi, a mie höwrüh l'äpeht'el'iečen. kirboin turkista lumeh, a mužikka turkin lumellai loi. „nu, kuin ei suannun šilma ottua vilulla, duwmaičen, nin mänen turkih, turkin kül'mät'an, a konža heit'ät l'eikkuannan, nin i šiwla tazuan“. mäniin turkih, höwrün ajoin, luwksi turkin kül'mät'iin, vuotan. loppi mužikka l'eikkuannan, tul'i, otti turkin, a turki ei l'ummähä, kuin kaği. loi lumella, fat't'i dubinan da dubinalla turkkie kunne popad'iw riehkimäh, mie jo pagoh valmis, da ševoin villoih, kaikki luwt miwlda murjo. l'üow da hawkkuočow, l'üow da hawkkuočow. sid'ä otti turkin, puissaldi, mie i kirboin. pañi turkin piäl'l'ä i l'äksi rejel'lä jäl'lest'i. a mie kuda kuiği awgieh piäziin da t'äh gl'öntäin, kuin niist'ie. eris pid'aw mužikoista olla“.

№ 72. Два Мороза

Когда-то в давнее время, в самую середину зимы, ходят по чистому полю два брата, два Мороза. Тихонько идут, с ноги на ногу переступают, друг с другом разговаривают, беседуют. Один Мороз говорит другому: «Брат Красный нос, как бы нам повеселиться, кого-нибудь покусать, поморозить?».

Другой Мороз, Синий нос, говорит: «Коли кого морозить, то не нужно по открытому полю ходить. Поля пустые, дороги заметены, [снегом] занесены, никто не идет и не едет. Нужно идти в лес. Там едущих меньше, так рабочие есть. С ними можно поиграть».

Бегут Морозы в лес, а за ними сзади снег твердеет, впереди деревья трещат, ели трескаются, потрескивают, снег хрустит. Вот услышали: с одной стороны колокольчик звенит, с другой стороны дровни поскрипывают ('дребезжат'). Смотрят: с колокольчиками барин едет, на дровнях — мужик за дровами, едет. Стали думать, решать: кому на которого идти, с которым поиграть, кому которого поморозить. Мороз Красный нос был помоложе и говорит: «Мне следовало бы мужика догнать, мужика поморозить. Он плохо одет, чуни на ногах, залатанный полушубочек на плечах, приплюснутая шапчонка на голове, дырявые рукавицы на руках. Его я скорее заморозил бы. А ты, коли старше да сильнее, так возмись заморозить барина. Барина мне не осилить, он хорошо, тепло одет: шапка-ушанка на голове, тулуп одет, валенки на ногах, медвежьей шкурой накрылся. С ним и тебе нелегко будет сладить, возьми ты барина».

Усмехнулся Мороз Синий нос, говорит: «Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь. Иди на мужика, а я, так и быть, пойду на барина. Как заморозим, так вечером встретимся, порасскажем, которого труднее было морозить, который какую работу задал, которому из них дольше тепло было, который скорее замерз. Будь здоров, братец!». — «Оставайся и ты здоровым!» — говорит Мороз Красный нос.

Скрипнули, хрустнули, побежали: один за баринком, другой за мужиком.

Настал вечер. Приходят Морозы на поле: где холоднее, там им лучше, милее. Старший, Синий нос, идет веселый, приплясывая, посвистывает, потрескивает. А помоложе, Красный нос, еле идет, хромает, охает, тихонько бредет. Сошлись они, начали друг другу рассказывать, который кого как морозил. Младший и спрашивает: «Как ты, братец, с таким сладил, смог ли хоть немножко поморозить? Ведь сквозь шубу, тулуп да медвежью шкуру тяжело пробрать, у меня и плохонько одет был, а еле жив остался. Как ты, бедняга, осилил барина?».

А старший Мороз усмехается: «Ох ты, Мороз Красный нос, молод еще, и разума мало. Я как барина догнал, да под шубу за-

лез, да как начал холодом кусать да щипать, так барин только кряхтит. Съежился под медвежьей шкурой, шевельнуться не смеет. Зубы у него стучат, сам посинел, уж и говорить не может, совсем окоченел. В деревню приехал — подняться в избу помогли, сам и идти не может. Не помогли ему ни шуба, ни тулуп, ни медвежья шкура. Замерз, как катыш, шуба и шапка заиндевели, ресницы обледенели — смотреть не может. Весело мне было играть с ним. Не будь деревни да теплой избы, так я разыграл бы его. Ну, а твои дела как? Тебе легко было мужика морозить, коли так плохо был одет он?». — «И не говори, братец. Ты, наверно, смеешься надо мной. Чуть в живых остался, в такую передрыгу попался. Попался черт, все кости помял, по-всякому честил. Я хотел легко заморозить, а так было тяжело, что даже пот прошиб, совсем ослаб». — «Неужели не смог заморозить мужика? Как же так?» — спрашивает старший брат-Мороз. «А вот так. Пошел я за мужиком. Лошадь у него тихонечко трусит, скоро догнал, не успел и разогреться. Вошел я ему под полушубок, в варежки, как ты учил, начал колоть, пощипывать, кожу стягивать. А он ругается, сам себя начал кулаками бить. Я обрадовался, смешно: „Скоро я тебя проберу; в лес едешь, а из лесу не выедешь“. Проехал он немножко по дороге в лесу, свернул в сторону. Я думаю: „С ума свихнулся, испугался“. А он лошадь остановил, поднялся из дровень, взял топор да и начал дрова рубить. Я обрадовался, под полушубком еще свободнее стало его щипать, руки и ноги ему кусать. А он лишь быстрее топором бьет, будто и не слышит меня. Чем больше рубит, тем мне становится теснее, тем мне хуже, уже совсем ослабел. Он рубит, пар под полушубком образовался, а я в пару задыхаюсь. Упал из полушубка в снег, а мужик полушубок на снег и бросил. „Ну, коли тебя не смог одолеть холодом, думаю, так войду в полушубок, полушубок заморожу, а когда перестанешь рубить, то и с тобой расквитаюсь“.

«Вошел в полушубок, пар согнал, полушубок заморозил, [и тот стал] как кость, жду. Кончил мужик рубить, пришел, взял полушубок, а полушубок не согнется — как палка. Бросил на снег, схватил дубину да дубиной по полушубку куда попало бить. Я уже бежать готов, да запутался в шерсти, все кости у меня помял. Бьет да ругается. Потом взял полушубок, встряхнул, я и выпал [оттуда]. [Он] одел полушубок на себя и пошел за возом. А я кое-как на чистое место добрался да сюда приковылял, как калека. Подальше от мужиков нужно быть».

Петров Иван Павлович, 50 лет. дер. Большое Платское Лихославского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 140/2).

№ 73.

mie sünnüin süwrella ploskoilla, l'ihoslawskoida rajonja. mie paimennan suwressa ploskoissa kümminenessä bfigiadassa... paimennan, ajamma huomneksella, nüt'ten hot'ten, vošmovo awgusta, päť časow huomnešta, illalla d'evät' časow. pellolla paimennamna šeičas, stjadja emmä lašše väl'läl'lä. ruogia poka on, l'ehmät l'üpset'äh hüviin... kezäl'lä mečäššä paimennamna, a nüt'ten ka peldoloilla viid'imä, kun ew šielä ruogia, viigona on pieñi tože: rewnassa l'inei, ümbäri potriava — l'eivät. nu poka vielä emmä travinnun, emmä i travi nüt'ten. dojarkat ollah dovol'noit, podkormkia nüt'ten emmä. ana, ew mih varoin i andia: on pellošša ruogia...

jo kaheksan vuotta paimennan, en t'iija, vielä viikkogo l'ienen, surmah šiaten. mie ni mit'üt'tä t'iedohutta en t'iija. ennen šanot'tih, što t'iet'tih, t'ied'ajat paimenet oldih: oldih aijat kuin šeinät, nin hüväi t'ied'iä ol'i, nüt'ten vain pid'aw nadeicciecie omih sor'kih: min vain hüppiät, žen i vastiat — kunne tahtow, šinše i mənöw.

t'iedohukset?... en mie vieri t'äh. ka ennen vahnat paimenet šanotah: pid'aw t'ied'iä hukista, stobi ei šöis žiivattia. ješ'l'i ew hukkia, nin ei šüö, vain l'ienöw, nin ottaw, ješ'l'i mečäššä, pellolla, koñešno, ei ota paimenen aigah... šid'ä paimenet paistih, što meččä pid'aw žiivattia. ni mi ei piel ješ'l'i on kül'l'äne žiivatta, niin ice tulow, šüöw kül'läl'd'i i tulow. a sügüzül'lä ni mi ei obiidi, nin hiän meččäh i jäw mjata. vain ei kergie, vain pime-nöw, jäw žiivatta meččäh, magiaw, a niin tulow kezäl'lä i keviäl'lä hüviin, ni mit'üt'tä t'iedohutta ei pie.

paimenišsa on vain kezä pit'kä... paimenella kezä proid'iw, kuin näl'gävuözi, vešma viikon t'añiečow.

viigonat on ka: papin progona — üksi, toine on l'iso-gorki, kolmas on kononaho, lomupolossat, pit'in-päit... ukot näin šanottih näid'ä polostoida.

talvella rjan?... dvoralla storozin, ümbäri vuwvet kaiviacen tjahešša, važoida kerian da rabistel'en.

№ 73

Я родился в Большом Платском Лихославского района. Я пасу скот в Большом Платском в десятой бригаде... Пасу, утром выгоняем, теперь хотя бы, восьмого августа, в пять часов утра, вечером [пригоняем] в девять часов. Сейчас пасем на поле, стадо не вы-

пускаем на свободу. Корм пока есть, коровы хорошо доят... Летом в лесу пасем, а теперь вот в поле вышли, поскольку там нет корма. Выгон маленький тоже: рядом линия, кругом потрава — хлеба. Ну, пока еще не травили и не потравим сейчас. Доярки довольные, подкормки теперь не даем, не к чему и давать: на поле имеется корм...

Уже восемь лет пасу, не знаю, еще сколько придется, до самой смерти. Я никакой ворожбы не знаю. Раньше говорили, что знали, знающие были пастухи: кругом были изгороди, как стена, так хорошо и ворожить было, теперь надо надеяться только на свои ноги: как побегаешь, так и остановишь скот — куда захочет, туда и идет.

Ворожба (в ориг.. мн. ч.)? Я не верю в это. Вот раньше, старые пастухи говорят: надо знать от волков, чтобы скот не резал ('не ел'). Если нет волков, так и не режет, как только будут, так и возьмет, если в лесу. В поле, конечно, при пастухе не берет... Потом пастухи говорили, что лес держит скот. Ничто не держит! Если скот сытый, так сам придет, наестся вдоволь и придет. А осенью ничто не беспокоит, так он в лесу и остается спать. Если только не успеет [наестся], когда стемнеет, остается скот в лесу, переспит, а так придет и летом и весной хорошо, никакого колдовства не надо.

В пастухах только лето долгое... У пастуха лето проходит долго, как голодный год, очень долго тянется.

Вот выгоны: Поповский выгон — раз, второй — Лисогорки, третий — Кононова полянка, Ломовые полосы, Долевые концы... Старики так называли эти полосы.

Зимой на скотном дворе сторожу, круглый год в навозе копаюсь, телят собираю да убираю за ними.

Зарубина Мария Дмитриевна, 50 лет, дер. Тимошкино (родом из дер. Крапивка) Лихославльского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 143/3).

№ 74

el'et't'ih muamo i kaks'i poigia.¹⁵ üks'i poiga ol'i hajukas, a toine ol'i howkka, howkka iivan, vot. üks'i poiga l'äksi ohottuolla, a toine poiga, howkkañe, i šanow: „davaï, muamo, i mie l'ähen“. muamo šanow: „oh, howkka, kunne šie l'ähet, raži šjaw püwd'ia šiwla, miŋgo? ei šia, ei šia püwd'ia!“

---

¹⁵ В текстах №№ 74 и 75 наблюдается смешение дифтонга *ia* и *ua*; рассказчица родом из соседней деревни Крапивка, где говорят на *ua*: *tuamo, šuari, tuaš*; в Плоском же говорят на *ia*: *miämo, čiari, tiaš* (см. Текст № 73, записанный от И. П. Петрова).

a hiän šanow: „ana, šanow, miwla kowkku da labie (ružjiä ew: vahnembi poiga, vell'i, otti ružjan, toizella ew), mie l'ähen kowkurke da labieŋke“.

nu muamo ando kowkun da labien. hiän hüppäi, hüppäi: tulow hukka västah. hiän hukkua t'äd'ä labiella da kowkulla lohmai — i tappo. hüppäi kod'ih dai šanow: „muamo, kačuo, mie tapoin, kuin koiran, harmuan, dai l'äksiin, en tuonnun kod'ih“. — „mid'ia šie et tuonnun, oh, howkka iivan! ois ollun šiwlaššen tuluppal“. a hiän i šanow: „o, l'ähenžen tapan“.

l'äksi tappamah. tulow rebo västah. tul'i hiän, tuas revon t'ämän tappo, tuas i hüppiäw hüvä'l'l'ä miel'in. hüppiäw muamolluoh: „šiel'ä, d'eskat', viel'ä tapoin!“.

tul'i, šanow: „tuašen ihaštunnun tulow: „tapoin“. muamo šanow: „mid'ia et tuonnun?“ — „o, l'ähenžen tuon!“.

l'äksi tuomah. tulow jäniš västah. jäniksen t'ämän hiän tuas tappo. tuas hüppiäw. tuas tulow: „muamo, šanow, tapoin mie harmuazen, kuin kazizen, korvazet hörpäzet. tapoin dai l'äksiin“.

a hiän šanow: „mid'ia šie tapoit, a et tuonnun, ois ollun suapka!“ — „o, l'ähenžen, šanow, tuon“.

l'äksi tuomah. tulow pappil västah. a hiän pappie tuas lohmai labiella da t'äl'l'ä... nu ožai, labiella da kowkulla — i tappo papin da tukista i taššiw hääd'ä. tul'i ikkunalluoh, toi t'ämän papin dai šanow: „muamo, ka toin, šanow, tulupan!“.

muamoh šanow: „miš-siä on, ožutua?“.

a hiän šanow: „ka, šanow, on krinčoin luoh pandu“.

muamoh tul'i, kačahiti. kaččow: pappil dai šanow: „šie mid'ä ruavoit, howkka, šanow, iivan! mäne peit'ä, šanow, ruvetah šilma t'äštä šüvin hawkkumah“.

hiän mäni kül'uh palat'in alla turgi hänen, dai l'äksi kül'ia müöt' kuččumah šuolua-leibiä šüömäh.

i šuarna kaikki.

№ 74

Жили мать и два сына. Один сын был умный, а второй был дурак, Иван-дурак, вот. Один сын пошел на охоту, а второй сын, дурачок, и говорит: «Давай, мама, и я пойду». Мать говорит: «Ох, дурак, куда ты пойдешь, разве ты можешь охотиться (‘можно тебе ловить’), можешь ли? Не можешь, не можешь ловить!».

А он говорит: «Дай, говорит, мне кочергу и лопату (ружья нет: старший сын, брат, взял ружье, другому нет), я пойду с кочергой и с лопатой».

Ну, мать дала кочергу и лопату. Он бежал, бежал: идет на-встречу волк. Он волка этого лопатой да кочергой и стукнул — и убил. Прибежал домой да и говорит: «Мама, смотри-ка, я убил

вроде собаку, серую, да и пошел, не принес домой». — «Что же ты не принес, ох, Иван-дурак. Тебе был бы тулуп!». А он говорит: «О, тогда пойду, убью [вторую]».

Пошел убивать. Идет лиса навстречу. Пришел он, опять лису эту убил, опять и бежит радостный. Бежит к матери: «Там, дескать, еще убил!». Пришел говорит: «Опять, как собачку, рыженькую, пушистенькую убил».

И снова радостный бежит: «Убил!». Мать говорит: «Что же не принес [домой]?». — «О, пойду тогда принесу!».

Пошел [за собакой]. Идет заяц навстречу. Зайца этого он опять убил. Снова бежит. Снова приходит: «Мама, говорит, убил я серенького, как кошечку, ушки торчком. Убил и пошел [домой]!».

А она говорит:

«Что же ты убил, а не принес [домой]? Была бы для тебя шапка!». — «О, пойду тогда, говорит, принесу».

Пошел за ним. Идет навстречу поп. А он попа опять и стукнул лопатой да и этим... ну ударил лопатой и кочергой — и убил попа да за волосы и тащит его. Пришел к окну, принес этого попа да и говорит: «Мама, вот принес, говорит, тулуп!». Мать говорит: «Где же, покажи-ка!». А он говорит: «Вот, говорит, около крыльца положен».

Мать его пришла, посмотрела. Смотрит: поп! Да и говорит: «Ты что сделал, дурак, говорит, Иван! Иди спрячь, говорит, будут тебя за это ругать».

Он пошел закинул его под полати в бане да и пошел по деревне приглашать хлеб-соль отведать.

И сказка вся.

Зарубина Мария Дмитриевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. яз., запись № 143/4).

№ 75. *šiwħka-burka, veščaja kaburka*

el'et't'ih muamo i kolme poigja. üht'ä kucuttih, šiel'ä, grisa, toista miša, kolmatta, možot, vaňa. vot. muamo i šanow: „poijat, ješ'i mie kuolen, to milma el'giä kät'kekkiä ni kunne, a kät'kekkiä tahnun peräh i kolmena üönä kävel'giä miwn luoh milma ka t'ied/el'ömäh“.

muamo kuol'i. kät'kiet't'ih hänen tahnun peräh. pid'aw männä vahnemmallä, grisaalla. grisaalla ei tahota männä vardeimah händ'ä üöksi, — varajaw, vot' i šanow: „iivan, mäne šie“. iivan suorieci. „annan, — šanow“, — mie šiwla oššan ruškien košt'uman i ruškien pajan, vain mäne“.

iivan l'äksi. mäni üöhüön vardeicci šiel'ä muamon kalmalla. muamo šiel'däi nowzow da šanow: „grisa, šie olet?“ — „en ole

mie". — „miša, sie olet?" — „en ole mie". — „vaña, sie?" — „mie!". — „nu ladno, mäne, mie šiwlá sluwžin sluwžbázen".

nu toine üö l'ienöw. pid'aw mǎnnä mišalla. miša šanow: „vaña, mäne sie, mie oššan šiwláš ruškien koštuman".

vaña tuas soglasieci, t'ämä howkka vaña. hiän tuas mǎni, t'ämän ün vardeicci. nowžow tuas muamo dai šanow: „miša, sie?" — „en ole mie". — „vaña, sie?" — „mie!". — „nu, ladno, „mie šiwlá sluwžin sluwžbázen".

l'iew kolmas üö. l'ähtöw t'ämä vaña muamon kalmalla üöksi. muamo siel'dä viid'iw dai šanow: „vaña, sie?" — „mie!". — „nu, ladno, sluwžin mie šiwláš sluwžbázen".

nu ladno, tul'i hiän kod'ih. vell'et šanotah: „numidä sie sielä näit?". — „ka näin ika näin".

rubiew andamah cuari t'üt'ärdä mieheliä i keräw kaikkie v okruge, keräw rahvasta, stobi val'ita šulahañe omalla t'üt'tärel'ä, viest'il'öid'ä pid'aw šeniin, zajavkoida andaw: „ka rubieinma šulahašt'a val'icčomah t'üt'tärel'ä, tulgua, d'eskat".

sielä hüviä il'i pahja keräwd'uw, keh miellüt'äh. nu vot, nämä kaksi vell'estä l'äht'eih, griša i miša, a vaña i šanow: „ottakkia, vell'et, i milma". a hüö šanotah: „kunne müö šiwn, howkan, otammal". šanow: „kunne t'üö, šinnei milma". — „emmä ota, šiwn muošt'a sielä ni kedä ei l'iene, howkkia, sielä vain l'ietäh hajukahat".

vot. nämä vell'et l'äht'iet't'ih. vaña mǎni tahnun peräh muamon kalmalla dai šanow: „muamo, sluwžilla miwla sluwžbañe".

muamo nowži dai šanow: „važemeh käd'eh mäne — oigieh viijit".

siwhka-burka siel'däi nowži, koštuma sell'ässä, dai šanow: „nu, vaña, važemeh korvah mäne, a oigieh viijit".

hiäh važemeh korvah mǎni, oigieh viid'i, seičas t'ämä hänel'lä koštumazen toi, hiän suorieci, šel'gäh istuoči, pl'otkan käd'eh otti i l'äksi (i pl'otka kaikki keralla tuodu hebozella). i l'äksi ajamah čiafi. l'äksi čiafi ajamah hiän i tavottaw omie vell'il'öid'ä. omie vell'il'öid'ä tavotti: ühtä vell'ie — pl'otkalla, toista vell'ie — pl'otkalla, da l'äksi daš'e ajamah. mǎnd'ih šinne, keräwvüt't'ih, viibiraijah šulahašt'a. sielä cuari šezow mis'sä ollow ul'ähänä pordahilla. kaikki keräwvüt't'ih. kacčow: vešma ubehella hüväl'lä tul'i šulahañe vaña. nüt t'ämä vaña pervoih etažah i skocahti hebozerken. nu, značit, t'ämä vaña cuarin vävü l'ienöw, t'üt'tären šulahañe.

nu l'äht'iet't'ih hüö kod'ih, a hänel'lä pandih, täl'lä vañalla, primietan, očalla pandih mit'tuön ollow primietan, vopcem. i l'äht'iet't'ih järell'äh kod'iloih. hiän tavotti vell'et, pl'otkitti hiätten kerdaziin, tul'i, riicciecel'd'i, kiwgullai nowži. kiwgulla nowži i istuw sielä, kiwgulla, dai šanow: „nu, midä, vell'et, sielä hüviä näit'tä?" — „midä näimmä... ka cuarin t'üt'tärellä šulahašt'a val'itah, niin možoit emnägö müö kumbañe popad'i". — „nu ladno, šanow, huomena l'ähet'tä, ottakkia i milma".

tuaš toissapiänä i l'äht'iet'äh. l'äht'iet'äh toissapiänä, vaña i šanow: „vain, vel'et, ottakkja i milma“.

šanotah: „emmä ota!“.

nu huö tuaš l'äht'eih, vaña mäni muamon kalmalla dai šanow: „muamo, sluwžilla miwla sluwžbañe“.

muamo tuašen hänel'l'äh sluwžbažen sluwžildj, heboñe šiel'd'ä nowžow i šanow: „nu, vaña, mäne važemeh korvah, oigieh viijit“.

hjän tjaš mäni važemeh korvah, oigieh viid'i; hänel'l'ä tuaš: košt'uma, pl'otka hebozella varoin. kaikki toi heboñe. hiän suo-fieči, tuaš i l'äksi duimah, ajamah. tuaš hiän vel'il'öid'ai tavot-taw. t'äl'l'ä kerdua kakšiin kerroin vel'il'öid'ä pl'otkalla pl'otkitti, uht'ä i toista. tuaš mänd'ih, keräwvüt't'ih šinñe. jo tuašen toizeh jatažah t'amä heboñe vañañke kočahtj. nu tuašen huö l'äht'eih kod'ih. a vel'et ei tunnušeta, što on hiän vel'li. tuaš tulđih dai šanotah: „požalui, tua l'iew čuafin t'üt't'ären šulahañe, što egl'ein i t'ämpiänä häñd'äh val'l'itah“.

nu tuaš l'äht'eih, hiän tuaš tavotti, tuaš pl'otkilla pl'otkitti. tul'i kod'ih hiän: „nu, kuin, vel'et, d'ielat t'eil'ä šiel'ä?“ — „nu kuin, kuin! ka ken ollow šiel'ä ajaw, kumbañe šiel'ä kaikkie bojevoimbi: egl'ein i t'ämpiän hiän meid'ä pl'otkalla duiččow. viel'ä kačomma huomena: pergaw al'i ei perra, kačomma“.

nu tuaš uön muattih, l'äht'iet'äh toissapiänä. jäl'gimäñe päiväñe. l'äht'iet'äh tuaš: „vel'et, ottakkua milma“ — „emmä ota!“.

tuaš l'äht'eih. hiän tuaš mäni t'eñiämbi tahnuon peräh, mäni kalmalla: „muamo, sluwži miwla sluwžbañe!“.

muamo tuašen hebozen šiel'd'ä t'üöñd'i. heboñe tul'i t'äh kos'-t'umañke, pl'otkañke: „nu, vaña, mäne važemeh korvah, viijit oigieh“.

hiän seičas suorieceldi i l'äksi tuaš ajamah. tuaš vel'et nāmā tavotti, tuaš jo kolmiin kerroin heid'äh pl'otkuičči: uht'ä kolme kerdja i toista kolme kerdja. näil'l'ä joi kivišt'aw, joi höbl'issüt't'ih.

nu ladno: mänd'ih tuaš šinñe, kaikin keräwvüt't'ih. tuaš čuafi t'amän i viiberi. tuaš jo kolmandeh jatažah t'amä howkka iivan i kočahtj hebozella. i pandih t'amän jäl'gimäzel'l'ä kerralla, pandih hänel'l'äh kuldazen pečat'in ka očalla i fatalla morziemen omalla šivottih očan. hiän i l'äksi, očča šivottu. hiän šiel'ä viid'i šincoh, al'i kunne, omalla kuššakolla t'amän šarfän t'üt'ön oman šido, stobi vel'et ei tunnušettaisen. tul'i enñen heid'äh, tavotti tuaš vel'et, tuaš heid'ä kolme kerdua pl'otkitti. vel'et ñe joi it'kiet'äh. tulđih kod'ih, hiän i šanow:

„nu, vel'et, kuin, kenen viibefittih?“ — „emmä t'iijä, kenen ollow palačun žemmuozen viiberittih, vešma joi šikarnoi da žem-muone briha, nin tuon rewnah meid'ä ei voi panna, vešma hüvä briha“.

nu, ladno. t'amä vain pomalkivajit, iivana howkka. l'äht'iet'äh nütten, huomena jo nastojasso ruvetah val'icčomah, jo sovsem ruvetäh viiberimäh da suad'buimah.

nu, iivan ni mid'a ei virka. nämä vel'et l'äht'iet'äh, a hiän joi mökött'äw iänet'tä kiwgualla, guruttaw. nu a vel'et šanotah šiel'a: „vańa, mid'a šiwa očča on šivottu?“. hiän šanow: „ol'iiin gribašša da nowziin näfieh t'eid'a kaččomah, kunnepäi t'üö l'äksija, da näfiešt'a langein dai očan šatatlin. ka šarfalla šivoin, ka kuššakolla“.

nu, ladno, šido hiän kuššakolla. mändih, kun keräwvut'tih, a šulahast'a ew. tua jo dvorcah ei männün, t'amä šulahañe. ew šulahast'a. čuafi i küžuw: „nu, brihat, eigo ole kel'l'a kod'ih vel'l'ie j'iañutt'a?“.

ni ken ei ni mid'a virka. a nämä vel'ekšet šanotah, griša da miša: „vet meil'a on howkka iivan jiañün, niin vet hiän t'äl'a ei ollun“.

nu, ladno, a hiän: „emmä šano!“. a t'amä šanow: „ššnokkja, kel'l'a on jiañün?“.

hiän šanow: „on meil'a howkka iivan“, čuafilla otvečajah.

čuafii šanow: „da mit'uš-l'uwbo olgah; māngiä tuogua händ'äh t'annel“.

nu vel'et l'äht'eih hüppiämäh. „vańa, aššu, — šanow, — šilma kučutah!“. hiän šanow: „en l'ähel tulgah ičeh čuar'il“.

mändih, šanotah: „ei l'ähe, — šanow, — kuččuw iččiedä čuafie“.

čuafi šanow: „mid'a mie l'ähen, māngiä kuččukkua!“. — „ei tule“ — šanow.

čuafi tul'i, otti hänen. val'aštj kofietan, māni hänen otti. tul-lah t'anne, otettih hänen šinne, vańan, čuafii šanow: mid'a šiwa on očča šivottu?“. a hiän šanow: „da niin, näfiešt'a langein“. — „da ožutuakkois!“. — „en ožuta!“. — „ožuta!“.

ruvettih hänel'd'a kefit'tämähžen t'äd'a oččja. a hänel'l'äh šarfa šivottu morziemen oma i kuldañe pečat'ti pandu očalla. čuafii howkkeñi: „hospod'il mitt'ünäñe morziemella šulahañe. miwn t'üt'-t'ärel'l'a, howkkañe!“.

nu čuafi ei l'ieñnün dovolnoi t'äl'l'a. nu ka šanow: „davait'e, ken l'öwd'äw kazizen, [kumbañe] istuw — virt'a lawlaw, maguaw — l'eibiä paistaw, hebozen šiwhka-burka veščaja kaburkan, dvenatsať žerepcow, da poččizen [kumbañe] istuw — skuaskua šanow, a maguaw — virt'a lawlaw. ješ'li kumbañe ka t'amän l'öwd'äw, to, — šanow, — žen morzien l'ienöw miwn t'üt'är“.

nu nämä tuaš i l'äht'iet'tih kaikin rannakših, i l'äht'eih kaikin kod'iloih, nu i duwmaijah.

čuafi šanow: „ka, mie t'eil'a annan hebozet kaikilla, māngiä eččikkiä šiwhka-burka, veščaja kaburka“.

nu ladno, näil'l'a kaksi hevošt'a ando, grišalla i mišalla, i vańalla ando hebozen. nämä istuočettih, vel'et, hüviin, piäh päin piät, a t'amä howkka iivana istuoči händ'äh päin piän da hännän suwh da peržet'täi l'äpsüt'täw hebozelda: „davai, davai hüppiä, dui morzienda eččimäh!“.

nu i l'äht'iet't'ih. mänd'ih hüpel'd'ih, hüpel'd'ih — ni mišt'a ei l'öwvet'a hebozie. a t'amä, v'a'ä, mäni tuas dai šanow: „muamo, sluwžilla miwla sluwžbañe!“.

muamoh tuašen ubehen t'üönnäl'd'i, hebozen, dai šanow: „ka näin, ka näin.“ — „nu, istuoče, šanow, miwla šel'gäh“, — t'amä, heboñe že.

hebozella hiäh šel'gäh istuoči, heboñe i šanow: „ka, ješ'i tul'at dvenatsat' žerepcow, mie, — šanow, — mimo nih vihrom proijin, šiificči, šie, šanow, oigiella kiäl'l'a fat'i griivašta“.

hiän vihrom proid'iešša heist'a šiificči oigiella kiäl'l'a fat'ti hebozen i hänel'l'a l'ieni t'äššä d'venatsat' žerepcow i miamo [heboñe].

istuoči, tul'i dorogalla, šido t'amän kaiken hebožin part'iin koi-vuoh i istuw. istuw dai tuluoñ luad'i šezih, tuluolla vuottaw, koiñ vel'et tullah. vel'et tullah, häñd'a ei tunnuššeta. hiän tuas suofiečen košt'umoih, i ei tunnuššeta. nu šanotah: „d'iäd'ö, müö meil'ä nämä hebozet“. a hiän šanow: „oštakkja!“. — „äijägö t'eil'ä meil'ä?“ — „nu, ka, šanow, šnimikkiä t'eil'd'a na t'fi pal'ca keški heil'ä d'a remeñil'öin nahkja. mie, šanow, annan t'eil'ä nämä hebozet“.

müö otettih puikolla toine toizelda nahkat šel'giä müöt' revit'ih, kiäl'l'a krut'illett'ih i annett'ih. t'amä nahkat nämä otti dai l'äksi. l'äht'iet't'ih nämä, a iivan i jäi. iivana i tulow (hebozet) hiän t'amän, čuar'in oman, šillan alla tungi), a nämä tuld'ih hebožen. tuld'ih, čuar'ii šanow: „nu, ka, nämä, šanow, hebozet tuod'ih i dvenatsat' žerepcow tuod'ih mjamor'ken, a šie, šanow, miamon hebozen šillan alla kunne-ollow ugomoñiit, kavot'it, i tuonnan ni mid'ä et“. hiän pomalkivajit.

nu l'ienöw toine päivä. ka toissapiäñä, šanow: „l'öwd'äkkiä kaziñe: istuw — l'eibiä paistaw, magiaw — virt'ä lawlaw“. a hiän šanow: „davaiguažen heboñe“.

nämä l'äht'eih tuas hebozilla ecčimäh, hänel'l'a hevošt'a ei ana. mie, — šanow, — hebozetta en l'ähe, anai miwla heboñe, šanow“.

nu čuari ando hänel'l'a kl'iaččäžen-kl'iaččäžen. hiän tuas istuoči. muit istuočett'ih ed'ehpäin, a hiän istuoči tuas taguahpäin: häñnän šuw'h otti, tuas i l'äksi pl'äčküt't'amäh. he — hhe! nu ladno. tuas i mäni muamolluoh i šanow: „muamo, sluwži miwla sluwžbañe“.

muamo tuašen hebozen hänel'l'a šiel'd'ä... heboñe tul'i, tuas hiän suofiečeldi i l'äksi, i šanow: „ješ'i mie vihrom proijin, kaziñe šiificči proid'iw, šanow, šie häñd'a fat'i“.

nu hiän šiel'ä näin i liad'i: vihrom proid'i, hiän kaziñen t'amän puwd'i, tuas koiwuzeh hebozen šido, istuw. čuarin hebozen hiän jo tuašen kavotti, jo kavotti hiän, häñd'a ei pie, kl'iaččiä. istuw, tuluoñ luad'i koiwuzen luoh dorogarannašša, tuašen kaziñe hänel'l'ä istuw da virt'ä lawlaw, maguaw — l'eibiä paistaw.

nu hüvä. tuas vel'et i aššutahen, aššutah vel'et: „nu, dobrti moloč'ec, müö, šanow, meil'ä t'amä kaziñe“. a hiän šanow: „oštak-

kjal". — „äijängo, šanow, otat?". — „l'eikakkja, šanow, šormi, uks'iin sormiloin oigiešta kiästä".

nu l'eikattih hüö sormiloin, annettih hänel'l'ä šormet i l'äht'iet'-
t'ih tjaš.

hiän tjaš jal'l'est'i aštuw. nu, značit, kazizen vel'l'et tjaš tuodih. a vel'l'et ei tunnuššeta, što on vel'l'i. tul'dih tjašen nämä, i že, iivana, tul'i. tul'i že iivana, čuafi tjaš rubei hawkkumah, što nämä tullah i hebozet tuwvah, a šie ni mid'ä et tuo, ni hevošt'a et tuo. hiän znai pomalkivajit.

l'äht'iet'äh kolmannen kerran počist'a vaš. tuaš l'äht'iet'äh. muit istuočettih tjaš hüviin, a hiän istuoči tjašen ših rukah, kuin i ennen, mänd'ih tjaš. hiän tjaš mjamolda sluwžbazen pakkoi. mjamö sluwžbazen sluwži. hiän tjaš hebozella šel'gäh istuoči, vihrom proid'i, poččizen fat't'i, tjaš hebozen t'amän, kunne hänel'l'ä pid'i, pan'i, a istuw poččizerkena, tulut luajittu. vel'l'et nämäi aššutah tuašen: „müö meil'ä, dobrji molod'ec, poččine!". — „oštakkjal". — „äijägö t'eil'ä pid'aw?". — „ka varbahista šormet l'eikakkjal".

hüö l'eikattih omilda jalloilda šormet, annettih hänel'l'äh, hiän käksi kiäril'd'ia i l'äksi jal'l'est'i. tullahhen kod'ih: nämä tuodih poččizen. tul'i iivan-howkka jal'l'est'i, a hüö tul'dih ed'izeh. hebozie ei šua kul'al'l'ä šalvata, hebozet hupel'l'äh küi'ia müöt', ni kel'l'ä šalvata ei šua. kaziñe istuw — virt'ä ei lawla, l'eibiä ei paissa, poččine tože samoi ni m'id'ä ei rja. nu hüö tul'dih, iivan i aštuw. čuafi tjaš rubei hawkkumahhen: „tuaš, šanow, šie ka näin i näin: et tuonnun ni mid'ä, muit tuwvah, a šie ni mid'ä et tuo i miwn omie vain kavottelet". a hiän šanow čuafilla: „kačomma, šanow, kenen ollah: ongo, šanow, näijen il'i miwn omat, možot, šanow, kaikki on miwn omat!". — „ollah! et šie tuonnun!" — šanow. — „nu, šanow, šalvakkja tahnueh, ku hüö tuodih!".

ni kel'l'ä ei šjanun, kaikin kul'al'l'eh šalvatah — ei šja šalvata. iivan kun iäñen ando — hebozet kaikin iivanah hupät'äh, poččine, kaziñe — kaikin ihaššuttih, što iivan tul'i. üks i heboñe tulow — olgupiäl'l'ä piän panow. ka näin. toine tulow — iivanalla panow. iivan šalbai ne hebozet. tul'i pert'ih, iäñen ando: rubei kaz'ine virt'ä lawlamah, l'eibiä paistamah, poččine rubei šid'ä že tože riadamah, mid'ä položen.

i ruvettih hüö žit' da poživat', dobra naživat'. i t'amä iivana l'ieñi šulahañe i vävü čiafilla. čiafin tüt'tären šulahañe.

i kaikki.

№ 75. Сивка-бурка, вещая каурка

Жили мать и три сына. Одного звали, там, Гриша, второго Миша, третьего, может, Ваня. Вот. Мать говорит: «Сыны [мой], если я умру, то меня никуда, [кроме] как за домом (скотным дво-

ром'), не хороните и в течение трех ночей ходите ко мне, меня, вот, навещать».

Мать умерла. Похоронили ее за домом. Надо идти старшему, Грише. Грише не хочется идти стеречь ее на всю ночь — боится. Вот и говорит: «Иван, иди ты». Иван оделся. «Дам, говорит, я тебе, куплю красный костюм и красную рубашку, только иди».

Иван пошел. Пошел ночку покараулил там на могиле матери. Мать оттуда и встает да говорит: «Гриша, ты?». — «Не я». — «Миша, ты?». — «Не я». — «Ваня, ты?». — «Я!». — «Ну ладно, иди, я тебе сослужу службу».

Ну вторая ночь наступает. Надо идти Мише. Миша говорит: «Ваня, иди ты, я куплю тебе красный костюм».

Ваня опять согласился, этот Ваня-дурак. Он опять пошел и эту ночь прокараулил. Встает опять мать да и говорит: «Миша, ты?». — «Не я». — «Ваня, ты?». — «Я». — «Ну ладно, я тебе сослужу службу».

Наступает третья ночь. Отправляется этот Ваня на ночь на могилу матери. Мать оттуда выходит и говорит: «Ваня, ты?». — «Я». — «Ну ладно, сослужу я тебе службу».

Ну ладно, пришел он домой. Братья говорят: «Ну, что ты там видел?». — «Вот так и так».

Царь будет выдавать дочь замуж и собирает всех в округе, собирает народ, чтобы выбрать жениха для своей дочери. Вести так посылает, заявки подает: «Вот будем жениха выбирать дочери, приходите, дескать».

Там хорошие или плохие соберутся, кто понравится. Ну вот, эти два брата отправляются, Гриша и Миша, а Ваня и говорит: «Возьмите, братья, и меня». А они говорят: «Куда мы тебя, дурака, возьмем!». Говорит: «Куда вы, туда и меня [возьмите]». — «Не возьмем: такого, как ты, там никого не будет, дурака, там будут только умные».

Вот. Эти братья отправляются. Ваня пошел за дом на могилу матери да и говорит: «Мама, сослужи-ка мне службочку». Мать встала да и говорит: «По левую руку иди — по правую выйдешь».

Сивка-бурка оттуда и выходит, костюм на спине, да и говорит: «Ну, Ваня, в левое ухо войди, из правого ('в правом') выйдешь».

Он в левое ухо вошел, из правого вышел. Сейчас эта [лошадь] ему костюмчик принесла, он оделся, сел верхом, плетку взял в руку и поехал (даже и плетка с собою у лошади принесена). И отправился к царю. Отправился к царю он и догоняет своих братьев. Своих братьев догнал: одного брата — плеткой, второго брата — плеткой, да поехал дальше. Приехали туда, собрались, выбирают жениха. Там царь стоит где-то высоко на лестнице. Все собрались. Смотрит: на очень хорошем жеребце приехал жених Ваня. Теперь этот Ваня на первый этаж и прыгнул на лошади ('с лошады'). Ну, значит, этот Ваня будет царевым зятем, жених его дочери.

Ну отправились они домой, а ему, этому Ване, поставили примету: на лоб какую-то примету поставили, в общем. И отправились обратно по домам. Он догнал братьев, дал по разнику плеткой, приехал, быстренько разделся, на печку и залез. На печку залез и сидит там, на печке, да и говорит: «Ну что, братья, там хорошего видели?». — «Что видели... вот царевой дочери жениха выбирают, так может быть который-либо из нас не попадет ли [в женихи]». — «Ну ладно, говорит, завтра поедете, так возьмите и меня».

Опять на следующий день и отправляются. Отправляются на следующий день, Ваня и говорит: «Только, братья, берите и меня». Говорят: «Не возьмем!».

Ну вот они опять отправились, Ваня пошел на могилу матери да и говорит: «Мама, сослужи-ка мне службу».

Мать опять ему службочку сослужит, лошадь оттуда поднимается и говорит: «Ну, Ваня, войди в левое ухо, из правого вый-дешь».

Он снова вошел в левое ухо, в правое вышел; у него опять костюм, плетка для лошади — все принесла лошадь. Он оделся, снова и поехал ('пошел дуть'). Опять он братьев и догоняет. На этот раз по два раза плеткой похлестал, одного и другого. Снова пошли, собрались там. Опять уже на второй этаж эта лошадь с Ваней прыгнула. Ну снова они отправились домой. А братья не узнают, что он их брат. Опять приехали и говорят: «Пожалуй, этот будет царевой дочери жених, что вчера и сегодня его и выбирают».

Ну снова поехали, он снова их догнал, снова плетками похлестал. Приехал он домой: «Ну как, братья, дела у вас там?». — «Ну как, как! Вот кто-то там проезжает, который там всех боевее: вчера и сегодня он нас плеткой стегает ('дует')». Еще завтра посмотрим: поспешает или не поспешает, посмотрим».

Ну опять ночь поспали, отправляются на следующий день. Последний денек. Отправляются опять: «Братья, возьмите меня». — «Не возьмем!».

Опять отправились. Он опять поскорее за дом, пошел на могилу: «Мама, сослужи мне службу!».

Мать опять оттуда лошадь послала. Лошадь пришла сюда с костюмом, с плеткой: «Ну, Ваня, иди в левое ухо, выйдешь в правое».

Он сейчас быстренько оделся и опять поехал. Опять этих братьев догнал, опять уже по три раза их плеткой стегнул: одного три раза и второго три раза. Этим уже и больно, уже и пригорюнились ('губы повесили').

Ну ладно, пришли опять туда, все собрались. Опять царь этого и выбрал. Опять уже на третий этаж этот Иван-дурак и прыгнул на лошади. И поставили эту, в последний раз поставили ему золотую печать вот на лоб и невестинной фатой и перевязали лоб. Он и пошел с перевязанным лбом. Он там вышел в сени или куда-то,

своим кушаком этот девушкин шарф обвязал, чтобы братья не узнали. Пришел раньше их, догнал опять братьев, опять их три раза поклестал плеткой. Братья эти уже и плачут. Пришли домой, он и говорит:

«Ну, братья, как, кого выбрали?». — «Не знаем, какого-то папача такого выбрали, уж очень шикарный, да такой парень, так что рядом с ним нас нельзя поставить, очень хороший парень».

Ну, ладно. Этот только помалкивает, Иван-дурак.

Отправились теперь, завтра уже по-настоящему будут выбирать, уже окончательно, будут выбирать и свадьбу играть.

Ну Иван ничего не говорит. Эти братья отправляются, а он уже молча лежит на печи. Ну а братья говорят там: «Ваня, что у тебя лоб перевязан?». Он отвечает: «Был за грибами да залез на елку на вас посмотреть, в какую сторону вы отправились, да с елки и свалился и лоб расшиб. Вот шарфом обвязал, этим кушаком».

Ну ладно. Обвязал он кушаком. Пошли. Когда собрались, а жениха нет. Этот уже во дворец не пошел, этот жених. Нет жениха. Царь и спрашивает: «Ну, парни, не осталось ли у кого дома брата?».

Никто ничего не говорит. А эти братья говорят, Гриша и Миша: «Ведь у нас Иван-дурак остался, так ведь он здесь не бывал».

Ну ладно, а он: «Не скажем!». А этот говорит: «Скажите, у кого остался дома?».

Он говорит: «У нас — Иван-дурак», — царю отвечают.

Царь и говорит: «Да какой угодно будь, идите приведите его сюда!».

Ну братья побежали. «Ваня, пошли, тебя, говорит, зовут!». Он говорит: «Не пойду, пусть сам царь придет!».

Пошли, говорят: «Не идет: говорит — самого царя зовет!».

Царь говорит: «Что я пойду, идите позовите!». «Не идет», — говорит.

Царь пришел, взял его. Запряг [лошадь] в карету, пошел его взял. Едут сюда, взяли его туда, Ваню. Царь и говорит: «Что у тебя лоб перевязан?». А он говорит: «Да так, с елки упал». — «Ну а покажи-ка!» — «Не покажу!». — «Покажи!».

Стали у него развязывать этот лоб. А у него шарф невестин перемотан и золотая печать поставлена на лбу. Царь и с ума сошел: «Господи! Какой у невесты жених, у моей дочери, дурак!».

Ну царь не остался доволен этим. Ну вот и говорит: «Давайте, кто найдет кошечку, [которая] сидит — песню поет, спит — хлеб печет, лошадь сивку-бурку вещь каурку, двенадцать жеребцов да свинку, [которая] сидит — сказки рассказывает, а спит — песню поет. Если который вот, говорит, это найдет, того и невеста будет моя дочь».

Опять все и пошли по сторонам, по домам. Пошли все по домам, ну и думают.

Царь говорит: «Я дам вам всем по лошади, идите ищите сивку-бурку, вещую каурку».

Ну ладно. Этим две лошади дал, Грише и Мише, и Ване дал лошадей. Эти сели верхом, братья, хорошо, лицом к голове [лошади], а дурак-Иван сел лицом к хвосту да хвост взял в рот и по крупу лошади и бьет ладошкой: «Давай, давай, беги ('дуй') искать невесту!».

Ну и отправились. Пошли: бегали, бегали — нигде не находят лошадей. А этот, Ваня, пошел опять да и говорит: «Мама, послужи-ка мне службу!».

Мать опять жеребца послала, коня, да и говорит: «Вот так и вот так». — «Ну, садись, говорит, на меня верхом», — эта лошадь-то.

На лошадь он верхом сел, лошадь и говорит: «Вот если придут навстречу двенадцать жеребцов, я, говорит, мимо них вихрем пройду, мимо, ты, говорит, правой рукой схвати за гриву».

Он, когда вихрем проходил мимо них, правой рукой схватил лошадь, и у него стало двенадцать жеребцов и матка [кобылица].

Сел, приехал на дорогу. Привязал всю эту партию лошадей к березке и сидит. Сидит и огонек развел тут. У огонька ждет, когда братья придут. Братья приходят, его не узнают. Он опять одет в костюм ('в костюме'), и не узнают его. Ну говорят: «Дядя, продай нам этих лошадей!». А он говорит: «Купите». — «Сколько вам надо?». Ну вот говорит: «Снимите у себя ('у вас') на три пальца по середине спины по ремню кожи. Я, говорит, дам вам этих лошадей».

Они взяли цепочками друг у друга кожу на спине содрали, вокруг руки свернули и дали. Этот кожи эти взял и пошел. Отправились эти, а Иван и остался. Иван и приходит (лошадь он эту, цареву, под мост закинул), а эти пришли с лошадьми. Пришли, царь и говорит: «Ну вот, эти, говорит, лошадей привели и двенадцать жеребцов привели с кобылицей, а ты, говорит, и мою лошадь под мост куда-то угомонил, потерял, и ничего не принес». Он помалкивает.

Ну второй день наступает. Вот на следующий день говорит: «Найдите кошечку, [которая] сидит — хлеб печет, спит — песню поет». А он говорит: «Давайте тогда лошадь».

Эти опять отправляются на лошадях искать, ему лошади не дает. «Я, говорит, без лошади не пойду, дай и мне лошадь, говорит».

Ну царь дал ему клячишко-клячишко. Он опять сел [верхом]. Другие сели вперед лицом, а он опять сел лицом назад: хвост взял в рот опять и начал погонять. Хе-хе! Ну ладно. Опять и пришел к матери своей, и говорит: «Мама, послужи мне службу».

Мать опять ему лошадь оттуда... Лошадь пришла, он опять оделся [быстренько] и пошел, и говорит: «Если я вихрем пройду, кошечка мимо пройдет, говорит, ты ее и схвати».

Ну он там так и сделал: [лошадь] вихрем прошла, он кошечку эту поймал. Опять к березке лошадь привязал, сидит. Цареву лошадь он опять потерял, уже потерял он, не нужна она, кляча. Сидит, костер сделал около березы у обочины дороги. Опять кошечка у него сидит и песню поет, спит — хлеб печет.

Ну хорошо. Опять братья и шагают. Шагают братья: «Ну, добрый молодец, продай, говорит, нам эту кошечку». А он говорит: «Купите». — «Сколько, говорит, возьмешь?». — «Отрежьте, говорит, палец, по одному пальцу от правой руки».

Ну отрезали они по пальцу, дали ему пальцы и отправились опять.

Он опять за ними идет. Ну, значит, кошечку братья опять принесли. А братья не узнают, что он их брат. Опять пришли эти, и тот, Иван, пришел. Пришел тот Иван, и царь опять начал бранить, что эти придут и лошадей приводят, а ты ничего не приносишь, ни лошади не приводишь. Он все помалкивает.

В третий раз отправляются за свинкой. Опять отправляются. Другие сели опять хорошо, а он сел опять так же, как и раньше. Поехали опять. Он опять у матери попросил службу сослужить. Мать службу сослужила. Он опять на лошадь сел, вихрем проехал, свинку схватил. Опять лошадь эту, куда ему надо было, поставил и сидит со свинкой, костер разведен. А братья эти и шагают опять: «Продай нам, добрый молодец, свинку!». — «Купите!». — «Сколько вам заплатить?». — «Вот с ноги (от пальцев ног) по пальцу отрежьте!».

Они отрезали по пальцу от своих ног, дали ему. Он велел завернуть и отправился следом. Приходят вот домой: эти принесли свинку. Пришел Иван-дурак вслед, а они пришли пораньше. Лошадей не могут всей деревней в конюшню закрыть, лошади бегают по деревне, никто закрыть не может. Кошечка сидит — песню не поет, хлеба не печет, свинка тоже самое ничего не делает. Ну они пришли, Иван и шагает. Царь опять стал бранить: «Опять, говорит, ты так и так: ничего не принес, другие приносят, а ты ничего не приносишь и только мое собственное теряешь». А он говорит царю: «Посмотрим, говорит, чьи, их ли, говорит, или мои собственные; может быть, говорит, все мое!». — «Твои! Не ты принес», — говорит. — «Ну, говорит, загоните во двор, если они привели!». Никто не мог, всей деревней загоняют — не могут закрыть.

Иван как голос подал — лошади все к Ивану и бегут; свинка, кошечка — все обрадовались, что Иван пришел. Одна лошадь прибежит — на плечо голову положит. Вот так. Вторая прибежит — опять Ивану на плечо кладет голову. Иван закрыл тех лошадей.

Пришел в избу, подал голос: кошечка стала песню петь, хлеб печен, свинка стала то же самое делать, что положено.

И стали они жить да поживать, добра наживать. И этот Иван стал женихом и зятем у царя, мужем царевой дочери.

И все.

Федорова Александра Ивановича, 34 года, дер. Дальницы Лихослав-ского района. Записал В. Я. Евсеев, 1954 г. (АКФ, разряд III, оп. 2, кал. 148, лл. 26—27).

№ 76. arvawtukšet

1. nel'l'a veikost'a ühen šjapkan
jalla issutah. (stola).
2. valgiezet kanazet ildapuwlla
issutah. (hambahat).
3. istuw t'ut't'o karžinašša, kassa
pihalla. (morkova).
4. kakši čikošt'a rewnakkeh el'e-
t'äh, toine toista ei n'ähä,
(šil'mät).
5. keräzel't'a keriw, orazella no-
fiw. (harakka).
6. ni ikkunja, ni ovie, t'awar
pert'i rahvašta. (ogurča).

№ 76. Загадки

1. Четыре братца под одной
шапкой сидят. (Стол).
2. Беленькие курочки на на-
сесте сидят. (Зубы во рту).
3. Девушка сидит в подполе,
коса на улице. (Морковь).
4. Две сестренки рядом живут,
друг друга не видят. (Глаза).
5. На клубок наматывает, ши-
лом ('шильцом') роет. (Со-
рока).
6. Ни окна нет, ни двери, пол-
ная изба людей. (Огурец).

Бубнова Матрена Корниловна, 60 лет, дер. Большая Горна Рамешков-ского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 137/7).

№ 77

ka miwla jo on šesd'esat' let. mie ol'iin tüt't'öne... en suwfi
t'ut't'öne ollun, a kulleh kun muissan, ka paistih, mainittih barsi-
nua. i miñt'äh-to t'amä barsina jäi puamett'ih. ka mie nüt't'en
i šanelen teil'äs. mie ol'iin, muamorken el'iin, t'ut't'önä. muamo
šanel'i:

...mie viel'ä nuofii ol'iin, a paimen ol'i miän tuhma, vahna, šanow, miwn i annettih paimenella vägeh. a enzimäzen üön, šanow, bajarin'ken magain. pid'aw bajarin'ke muata. enzimäzen üön magain bajarin'ke, šid'ä joi ukolluoh tul'iin. a pid'i el'ia!.. šid'ä l'ieni miwla jo kolme lašta: briha ol'i i kaksi t'ut'tüö. prawda, (miwla) kaiken ijan i l'ieni pakota. kaiken igäzen pakkoin... zavšo, toko, kuin vain pruazniekka i l'ähen, kaikeksi ned'el'iksi, a ei 'nin i enämmäksi petrowšinua kerimäh...".

muamo kaiken aijan igial'ieči, što, ka obiäiäčieči, što ol'i hiän bajaršinalla". „paha, — šanow, — ol'i el'ia: i perret'tih, i obiidittih ul'en, i kaikkie ol'i". ka mie vain t'amän i muissan, kuin hiän miwla šanel'i.

№ 77

Вот мне уже шестьдесят лет. Я была небольшая девочка... небольшая девочка [я] была, а вот как помню [о том], вот говорили, вспоминали про барщину. И [рассказы] про эту барщину почему-то меня остались в памяти. Вот теперь я и расскажу об этом вам. Я жила с матерью, [когда была] девушкой. Мне рассказывала мама:

«Я еще молодая и была, [говорила мама], а пастух, [за которого меня выдали замуж], был некрасивый, старый. Меня и выдали силой за пастуха. А первую ночь, говорит, с барином спала. Надо было с помещиком спать. Первую ночь, [рассказывала мама], спала с барином, а потом вот уже к мужу пришла. А надо было жить!.. Потом у меня стало трое детей, [рассказывала мама]: мальчик был и две девочки. Вот ('правда') всю жизнь (мне) и пришлось по миру ходить. Всю-то я [молодую] жизнь свою и ходила по миру... Всегда, бывало, как только праздник, и пойду на всю неделю, а не то и на дольше собирать милостыню ('петровшину')...».

Мама все время горевала, вот обижалась, что жила она при барщине. «Плохо, — говорит, — было жить: и били, и обижали очень, и всего было». Так вот, я только это и помню, как она рассказывала мне [про старую жизнь].

Бубнова Матрена Корниловна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 137/8).

№ 78

ka mie viel'ä tuas sanon teil'äs. ka miwla ol'i pätnatsat' l'st. vokurat mie postupiin fuabfikkah. silloin fuabfikkah otettjih vata kel'ä tuatto l'ibo veikki, l'ibo ken buit' rodnat ruatah — silloin

i otetah. otetah kogonazeksi vuwvekxi, šie kogonazen vuwven ruat zadarom, što opasšut vai ruadamah, šid'ä šiwlä annetah i maši-nan.

nu ka že näin ol'i miwŋkena, že že azie, konža ol'i voina, šil-loin rahvašta ruvettih ottamah, miwn otettih -- miwšta ni ken ei ruadannun fuabfikašša.

mie tul'iin fuabfikkah, postupiin. da, viel'ä, postuppiesša, d'e-l'ehtor ol'i nemca. ol'i krivoi. aštuw, a mie hänel'l'äh jalgoih ku-marduaciin da hänen i šorrin. enžist'äh käviin, käviin — ei ottan. konža hiän šiiričči milma [proid'iešša] langei, šilloin hiän miwn otti fuabfikkah. otti fuabfikkah miwn ruadamah. rubein fuabfikašša ruadamah. bože sohrañil ješ'i šilmaš nāhah, što šie juot čuajuo, ikkunallai čaškua el'ai pane. čaškat zavšo šreizottih mašinan alla, čaiñikkañe mašinan alla. aštuw t'amä kuin, aštuw vain podmua-št'eri, vain avaimet zvoñitah, kuin zvoñiw, što ni ken ni mišša ei šreizoiš. načal'nikka, al'i d'el'ehtora tul'i t'anne fuabfikkah, ka šiinä ol'i jügie ruadua. morozovan fuabfikkalla, morozovalla mie ruavoin t'verišša, priäd'il'nöišša ruavoin.

šiid'ä miwn šiel'd'ä jo peřvel'i joi hlopkokrašil'nji. šiel'ä rua-voin. šiel'ä oldih tože muast'efit nemcat. i borš ol'i — d'efehtor, ložie. že ol'i, 'oh, min pahukkañe ol'il že tul'i šilloin fuabfikkah, nin tože vain kačo, ei nin tože niškah andaw.

šid'ä kuin konža l'ieñi řevol'ucii, šiinä i l'ieñi kebiembi. a müö ol'ima t'omnoit rahvaš, ni mid'ä emmä maltannun, mih nāh t'amä on řevol'ucii. vot ūhen kerran meil'ä fuabfikašša, šezen, boršua. čut' ei pūwvet't'ü. no hüvā, kuin hiän uid'i viel'ä, ol'i zeml'anoi hodu da žoltikovah kuin l'iew čefež zeml'i uid'i. šiel'd'ä uid'i hiän. hänen piä jai eloh, eiñin oiš tapettu rabočije. nin i huavat-tih tappua. a müö vet emmä t'ied'an, mi že řevol'ucii on, mid'ä hiän on. šiinä že řevol'ucijašša näin i kuin i gubernuatorua kar-gawtettih, řevol'ucii kuin ol'i, gubernatora tože „kargaji“, a šid'ä vintofkalla i tapettih hänen.

a ūksi... papin poiga tappo miän oman salduatan. šilloi kun hänen tavotettih, čerdakalla nowzi, kuin šiel'd'ä hänen annallettih čerdakalda — vain brizgahettih veret. viikon miwla jai na pamät' gubernatoran pal'to, krasnoi potkluatka ol'i, savušša fippu. viikko fippu. illalla, naverno, kerät'tih ket buit'en.

a šiid'ä l'ieñi meil'ä ruado žen hüvehükkäñel i ne že muast'efit oldih, nemcat oldih šiid'ä viel'ä kodvan. nin že tulow toko mua-št'eri, nin ei hawkkunnun. a ruadua l'ieñi ploho materjulašta. nin tulow, kāzie hlowpaičcow, hlowpaičcow i noššattaw šiwn, ješ'i konža nukkevut. ei joi hawkkunnun. ka l'ieñi min slaboihukkañe.

a šid'ä kun meil'ä zaved'ittih enžist'ah stvarostat kaikki... ūhen kerran meil'ä stvarosta kun tul'i, a miän akat mid'ä ruattih? otettih da stvarostan tuan issutettih t'el'eškäl'ä, i müö kaikin händ'äh (šiinä i mie ol'ijn učasñikom...), a šid'ä kuin meil'ä l'ieñi suwdu i ruvettih suwd'imah. mie šiinä yaštai kekšiin, što ei hüviin, müö

eminä hüviin ruadannun. silloin miwlai šanotah: „a mid'ä šie awtoit t'el'eškäh issuttua, šuatoit pois?“. a mie: „kunne rahvaš, šinne i mie“.

prawda, miwn opravdal'i, mie, značit, ni mid'ä en maltannun, kunne rahvaš, šinne i mie.

šiid'ä l'iet't'ih meil'ä sobrañjat, müö rubeimma käwmäh. vähäzen, vähäzen — dai ka kuin' hüviin t'ijjuštima, kuin on sovetskii vlast'. i pri sovetskii vlast'i meil'ä l'ienä gorazdo parembi ruadua. i nütten ka mie jo olen vahna, issun na posobii, a šanon bol'šoi, bol'šoi spašibo kaikilla part'iinji organ'izacii, što meiš'tä šuvit'en zabot'itsä, ob star'ikah.

№ 78

Вот я еще вам опять расскажу. Вот мне было пятнадцать лет, как раз [в это время] я поступила на фабрику. Тогда на фабрику брали только [тех], у кого отец, или брат, или кто-нибудь из родственников работают [на фабрике] — тогда только и берут на работу. Берут на целый год, ты целый год и работаешь даром, что учишься [только] работать. Потом тебе дадут и машину.

Ну вот, так было и со мною, такое же дело. Когда была война, тогда стали народ принимать [на фабрику] и меня взяли, [хотя] из моих родных никто не работал на фабрике.

Я пришла на фабрику, поступила [работать]. Да, еще при поступлении... директор был немец. Был кривой [слепой на один глаз]. Идет, а я ему в ноги поклонилась да его и уронила. Сначала ходила, ходила — не брал. Когда он мимо меня [проходя] упал, тогда он меня и взял на фабрику. Взял меня на фабрику работать. Стала [я] на фабрике работать. Боже сохрани, если тебя увидят, что ты пьешь чай. На окно чашку и не ставь. Чашки всегда были под машиной, чайничек под машиной. Как идет этот, идет помощник мастера ('подмастер'), только ключи звенят, как звонит, чтобы никто нигде не стоял. Начальник, или директор, пришёл сюда на фабрику. Вот тут было тяжело работать. На морозовской фабрике, на Морозова я работала в Твери, в прядильной работала.

Потом меня оттуда уже перевели в хлопкокраильню. Там работала. Там тоже мастера были немцы. И Борш был — директор, толстый. Тот был, ох какой плохой был! Тот приходил тогда на фабрику, так тоже только и смотри. Нет — так тоже по шее даст.

Потом, когда революция стала, тут и стало легче. А мы ведь были темный народ, ничего не понимали, о чем эта революция. Вот однажды у нас на фабрике того Борша чуть не поймали, но хорошо, что он удрал еще. Был земляной ход в Желтиково поле, как-то ('через землю') и удрал. Оттуда он удрал, его голова осталась цела, а то убили бы [его] рабочие. Так и собирались убить.

А мы ведь не знали, какая это революция, зачем она. При этой же революции видела, как губернатора трясли ('заставляли плясать'), когда революция была. Губернатор тоже «плясал», а потом из винтовки и убили его.

А один... поповский сын, убил нашего солдата. Тогда как его поймали, на чердак залез, как оттуда швырнули его с чердака — только кровь брызнула. Долго у меня в памяти было губернаторское пальто, красная подкладка была, в саду висело. Долго висело. Вечером, поди-ка, кто-либо убрал.

А потом работа у нас стала такая хорошая! И те же мастера были, немцы были потом еще долго. Так, бывало, придет тот же мастер, так не ругал. А работать стало плохо из-за сырья ('из-за материала')! Так придет [мастер], руками хлопает, хлопает и разбудит тебя, если когда задремлешь. Даже не ругался. Вот как слабо стало.

А потом, как у нас сперва поставили старост... Один раз к нам как староста пришел, а наши бабы что сделали? Взяли да старосту того и посадили на тележку. И мы все тут его (тут и я была участницей)... а потом как над нами стал суд и стали судить. Тут я только и поняла, что мы нехорошо сделали. Тогда мне и говорят: «А почему ты помогала посадить на тележку, увести его?». А я: «Куда люди, туда и я».

Правда, меня оправдали. Я, значит, ничего не понимала: куда люди, туда и я.

Потом у нас стали собрания, мы стали ходить [на эти собрания]. Помаленьку, помаленьку — да вот как хорошо узнали, что из себя представляет советская власть ('как советская власть'). И при советской власти нам стало гораздо лучше работать. И вот теперь я уже стара, получаю пенсию ('сизу на пособии') и скажу большое, большое спасибо всем партийным организациям, что они о нас заботятся, о стариках.

Бубнова Матрена Корниловна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 137/4).

№ 79

— kis-kas, kažiēni,
miššā šie kāvel'it?
— šuolla i mailla,
keveill'ā uwl'ičõilla,
pit'il'l'a slobodoilla.
— mid'ā šie nāit?

— nāin mie kifiköst'ā
kakkaralla katetušt'a,
kolaččuzella lukutušt'ā.
pufiin mie kolaččuzen,
māniin mie kifikközeh,
pappiine papattaw

ei mæzet jiä'd'eizet,
 ei mæzet pabuzet,
 ei mæzet hernehüöt,
 rappe mie vaßsalla —
 rappe puhkei paßsalla.

d'iekkunua mie karjella —
 d'iekkuna uid'i haŋgella,
 ponomaŋi broŋi,
 aivomma zvoŋi.
 (kaikki).

№ 79

— Кис-кас, кошечка,
 где ты ходила?
 — На болоте и на землях
 по широким улицам,
 по длинным слободам.
 — Что ты видела?
 — Видела я церквушку,
 блином покрытую,
 калачом запертую.
 Перекусила я калачик,
 вошла я в церквушку,
 попик бормочет:

глазки — стекляшки,
 ручки — бобы,
 ножки — горошинки.
 Попа я веником —
 попа забрал понос.
 Дьякона я палкой —
 дьякон удрал на снег ('на
 наст'),
 пономарь-ворона,
 пораньше звони.
 (Все).

Соколов Василий Иванович, 73 года, дер. Пашино (руашина) Есено-
 вичского района. Записал Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед.
 пр. 48, лл. 30—31).

№ 80

kaiken el'ännän aijan müö zaŋimaiččiečima hrist'anstvalla.
 krome hrist'anstvua müö viel'ä zuarabotkilla zaŋimaiččiečima —
 ved'imä peskuo bolot'inan zavodalla, kumbaŋe nüt sanuočow
 „krasnoi mai“. peskuo müö ved'imä nel'l'änkümnenen viršan piäh.
 peskun vejännäl'l'ä müö zaŋimaiččiečima talviloilla. pesku t'isäl'
 on valgie, kuin vehnäŋe jawho l'ibo lumi. peskun müö jo sügä-
 zul'l'ä varussamma: kaivamma kaksi hawdua, mißsä madalemmaldi,
 mißsä süvemmäl'd'i. ollella katamma nämä hawvat, a talvella avu-
 omma i zuastupoilla noßsamma reŋgih, a reŋgistä regeh. zavo-
 dalla peskun priŋimaidih vesoilla, ünnäh rejen i mitattih. reješä
 ol'i konža mi: ol'i i nel'l'äkümmeŋd'ä puwdua, a konža i viiziküm-
 meŋd'ä. sinne müö l'ähemmä illalla i üön aloh doid'imma zavo-
 dalla. zdaicemma ne i kod'ih. peskureješä zarabatjval'i konža
 kolme rubl'ua, konža kolme polt'inaŋken.

Всю свою жизнь мы занимались крестьянством. Кроме крестьянства, мы еще заработками занимались — возили песок на завод Болотина, который теперь называется «Красный май». Песок мы возили за сорок вёрст. Песок мы возили в зимнее время. Песок здесь белый, как пшеничная мука или снег, Песок мы приготовим еще осенью: выроем две ямы, где помельче, а где и поглубже. Ямы эти закрываем соломой, а зимой разроем и заступами поднимаем [его] в ведро, а из ведра в сани. На заводе песок принимали на весах, целиком воз и взвешивали. В возу когда сколько было: было и по сорок пудов, а когда и пятьдесят. Туда мы отправляемся вечером и за ночь доедем до завода. Сдадим это и домой. За воз с песком зарабатывали когда три рубля, когда три с половиной.

Смазнова Екатерина Павловна (smažnakan kat't'i), 74 года, дер. Иваново (Ivan'kova) Есеновичского района. Записал Г. Н. Манаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 48, лл. 9—11).

miän baba pagizi, što t'äššä l'itva proid'i. müö küzüimmä mečäššä „mol, baba, mid'ä t'äššä ollah goruškat kuwt't'ilogazella?“. ¹⁰ (on voločkah päin širokovan dorigalla). baba šano, što t'äššä, lapšet, l'itva proid'i, on kaznat zaroidu. a mänt'ie mid'ä šiel'ä on, krugom on šuo. miššä ollah goruškat, šiel'ä päin vuaran kül'ä, al'i l'itva. venakokši šanotah „f'odorof dvor“, a karielakši kučutah vuara. vuara-kül'ä on šuwfi i srojieččieččen goralla, al'i šärkäl'ä. vuaraššä ollah venakot i paiseššä t'añit'ah: vañä-a-al vuarah müö ajel'ima kataimah muaš'enčana. katka šiel'ä on, kül'ä ol'i äijal'd'i šuwfi, ka en ollun šiel'ä jo vuotta viižitoista: äzieda ei ollun, a gul'aimah vahna et l'ähe.

ka l'ähet ivañkovaalda širokovalla dorogua müöt'en oigiella kiäl'l'ä on gora l'innanšein'ä. mint'äh kučutah l'innanšein'äkši—en tiä. nüt't'en lapšet kävell'äh vavarnoh l'innanšeinäl'l'ä. en tiä, ongo ieil'ä mečä al'i jo on l'eikattu. män-nievuodena čikko nägi unissa l'innanšein'ä: bitto bi šiel'ä el'et'äh voinalla otetuot brihat. hüö aššutah, aššutah jövellä. čikko küzü: „mist'ä t'üö oletta, mist'ä aššutta?“. hüö šanotah: „müö el'ämmä l'innanšeinäl'l'ä, aššumma šil'mie pežemäh čam-kalla“. (jovut on, ruwčča pikkuruñe).

¹⁰ kuwt't'i — kuin lodkañe, kuin plotta luajittu lawvoista, pruavitah dubinoilla. (Объяснение рассказчицы).

Наша бабушка говорила, что здесь проходила литва. Мы в лесу спрашивали: «Мол, баба, почему здесь горушки на Куутти-лога?»¹⁷ (Находится в стороне Вышнего Волочка на Широковской дороге). Бабушка говорила, что здесь, дети, литва прошла, казны зарыты. А поди знай, что там имеется, кругом болото. Где горушки, в той стороне деревня Вуара [Гора], или Литва. По-русски называют Федоров двор, а по-карельски Вуара. Деревня Вуара большая, и построилась [она] на горе, или возвышенности. В Вуаре живут русские, и когда они говорят, то тянут (слова): Ваня-а!

В Вуара мы ездили кататься в масленицу, там каток. Деревня была очень большая. Вот не была там уже лет пятнадцать: дела не было, а гулять старая не пойдешь.

Вот с Иванькова пойдешь в Широково по дороге: по правой руке гора Линнаншейня [Городская стена]. Почему называют Линнаншейня — не знаю. Теперь дети ходят туда за малиной, на Линнаншейня. Не знаю, есть ли там лес или уже вырублен. В прошлом году сестра во сне видела Линнаншейня: будто бы там живут парни, взятые на войну. Они идут и идут на речку. Сестра спрашивает: «Откуда вы, откуда шагаете?». Они отвечают: «Мы живем в Линнаншейня, идем умываться на Чамку». (Речка такая, ручеек небольшой есть).

Никифорова Анна Кузьминична (mikforan ańńi), 80 лет, дер. Жальцы (žal'čsa) Есеновичского района. Записал Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 48, лл. 72—73).

№ 82

mežuivalla seicčemen vuotta jarel'd'äh päin [1950] prijež-d'oi mužikka, kučuttih pet'akši, tahto zaroida, peit'tiä kieve hawdah. (hänen ogordassa ol'i suwri kivi, kuin l'ežarka, l'ibo kiw-gua). muan piäl'l'ä nāgu kivi ei äijäl'd'i, mie muissan t'ämān kiven iral'ikkazeldi. hiän t'ämān kiven tahto kattua muah: kaivo žen rinnalla hawvan i tahto sih ät'ät'ä kiven. kiven rinnalla hawda jo ol'i valmis, i ennen zawtrakkuu hiän tahto viel'ä kohendua hawdua, l'ekahutti mid'ä ollow, mua šarähäl'd'i — kivii laŋgei mužikan piäl'l'ä i mäd'žen'd'i mužikan. mužikan siel'd'ä kaivettih kül'al'l'eh: kieve nossettih nuoroilla i vuagoilla. mužikan piäšsettih i kiven

---

¹⁷ Куутти-лога означает 'лодочная лужайка, лодочный луг'. Куутти — это лодочка или плот, сделанный из досок, правят жердью. (Объяснение рассказчицы).

zaroidh. mežuivalla on viel'ä kaksi kiviä; hiät, šanotah, ei voi koškie: mužikka koški i popad'i kiven alla.

kuzničovalla männeššä molemmin puol'in dorogua ollah kurganat. ammuin, igiä el'äššeh, enämbi kolmiekümmeñd'ä vuotta; mužikat rešil'i t'ijustua, mid'ä t'äššä kurganašša on. hūo ruvettih kaivamah šid'ä, kaivettih äijän, muan tazalla. šiel'd'ä ruvettih ozutuaččemah hiil'et. krivčovalda tuodih šuupan i kuoteldih, i šid'ä ei l'öwvet'tu. hūl'l'at't'ih. do konca ei ruvettu kaivamah, l'ien'i struašno i hūl'l'at't'ih. ei i t'iet'ä, mid'ä niissä kurganoissa on paissah, što ne ollah jianuöt l'itvan aijoilda.

№ 82

В Межуеве семь лет тому назад [в 1950 г.] приезжий мужчина, звали его Петром, хотел зарыть, закопать камень в яму. (На его огороде был большой камень, как лежанка или печка). Над землей камень был виден чуть-чуть. Я очень хорошо помню этот камень. Он хотел этот камень зарыть в землю: выкопал рядом с ним яму и хотел в нее спихнуть камень. Рядом с камнем яма была уже готова, и до завтрака он хотел еще что-то поправить в яме, что-то тронул и земля чуть-чуть вздрогнула — камень и упал на мужчину и задавил мужика. Мужика оттуда выкопали всей деревней: камень поднимали веревками и вагами. Мужика вытащили и камень зарыли. В Межуеве еще два камня; говорят, их нельзя трогать: мужик тронул и попал под камень.

По дороге в Кузнецово по обеим сторонам курганы. Давно еще, когда-то, более тридцати лет [тому назад], мужики решили узнать, что в этом кургане. Они стали рыть этот курган, много вырыли, до самой земли ('на уровень земли'). Оттуда показались углы. С Кривцова принесли щуп и пробовали, и ничего не нашли. Бросили. До конца не стали рыть, стало страшно и бросили. Так и не знают, что в этих курганах. Говорят, что они остались со времен литовского нашествия ('со времен литвы').

Резова Вера Ивановна, 55 лет, дер. Семеновское (s'emnowskoi) Петерельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 146/7).

№ 83

— nu, a mid paiss?... semnowskoi? kafielazet on, on i venül'äzii. muwvannet on miehel' viid'innuöt venül'äzist kül'ist. [koissa] pagizemm enämmän kafielakš i vobšče kaikiŋken pagi-

zemm kaŋielakš... mit l'iew oldjĥ meil' buksorat, hūö paistih kaŋielakš, no hūö vähäin ei niin paist, kuin müö. miän luaduh paistih, no šanat muwvannet ne podhod'ut, ei niin. ƙa šizār ei podoi, vel'l' ei podoi. meil' šanow: šizār, a hūö šanow: čikkoŋ, vel'l' on veikkoŋ, a meil' on šizār, vel'l'... uroš, naiŋ... kül' — t'äm (miss el'ämm) on kül', i peziečömäh käämm i že on kül'. šo ravno on meil' niin...

№ 83

— Ну а что говорить?... Семеновское? Карелы, есть и русские, некоторые замуж взяты ('вышли') из русских деревень.

Дома говорим больше по-карельски и вообще между собой все говорим по-карельски... Какие-то у нас были буксирь [сплавщики], они говорили по-карельски, но они немного не так говорили, как мы [говорим]. По-нашему говорили, но слова некоторые не сходятся ('не подходят'), не так [выговаривают]. У нас скажут: šizār 'сестра', а они скажут čikkoŋ; vel'l' 'брат' по-нашему, по-ихнему: veikkoŋ. А у нас: šizār 'сестра', vel'l' 'брат'... uroš 'муж', naiŋ 'жена', kül' — это [где живем] 'деревня', будет kül', и мыться [куда] ходим, и та также kül'. Все равно, у нас одинаково...

Смирнова Прасковья Ивановна, 48 лет, дер. Семеновское (šemnowskoï) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 146/8).

№ 84

— mie olen šemnowskoist kül'äst. mil'm kuč'tah paraŋkakš. ka pripomnił suarnuw, ka nūgun tahon roskaži¹ [teil].

— ka e'let't'ih ukke da akk^a. ol' heil' vunukkaŋ. buab^o paist kakk^arua. vunukkaŋ l'äks viemäh kakk^arua [d'iadoll]. ka ästuw, ästuw vunukkaŋ i hänel'l' vaštah tulow hukk. — „kunn šie, t'ütt'ön, mänet? — „mänen d'iadoll perhvatkuw viemäh“. — „davai miwl kakk^arat, mie šiwn šüön!“. — „el' süö, miwl d'iadoll pid'äw viij^a“.

ka tütt'ön l'äks, l'äks äst^amah. ästuw i ästuw. ka hukk hänel'l' jäll'est', a šiid' hukk hänel'l' jäll'est' ästuw. — „davai miwl kakk^arat!“. — „en ann, d'iadoll pid'äw!“ — „davai!“. — „en ann, d'ad^o tahtow kakk^arua!“.

nu, ka tütt'ön l'äks i l'äks, hukk kaikk jäll'est', kaikk jäll'est'. a tütt'ön doid' d'iadon luo — hukk skroičči'čči meččäh. hukk ka skroičči'čči meččäh i tütt'ön d'iadoll ando kakk^arat nām. d'iad alott

šūwv, a hukk vul'gaiččow, kuin d'iad šūōw kakk'rua. nu ka t'ūt't'ōn tul', d'iadoll šan, sto hukk miwl pakkoi kakk'rua, a mie hānel' en an-dann.

nu ka d'iad šōi, a t'ūt't'ōn lāks kod'ih. hukk hānen stfied. hukk hānen stfieñ i šanow: „miñt'āh šie miwl kakk'rua et an-dann?“. — „miwn d'iadoll pid' kakk'rua, buab kākš d'iadoll viip“.

nu ka i t'ūt't'ōn l'āks buabon luo, a buaboh ūksin koiss. hukk buabon i šōi. hukk šōi buabon i laškičči krav't'ill, buabon omall, a buab vačašš hānel'l'. a šiid'e, značit, t'ūt't'ōn aštuw kod'ih. tul' kod'ih, a buabuo ei ol. a buabuo ei ol, a hukk venūw buabon kravat'ill, a hiān duwmaččow: buabo. tul' i šanow: „buabo, miñt'āh šiwl moi-zet korvat šuwret?“. a hiān šanow: „štop kuwl'l“. — „a hambhat šuwret?“. — „štop šiw šūwv!“ — i šōi t'ūt't'zen. t'ūt't'ōzen šōi — i buab vačaš, i t'ūt't'ōn vačaš. i hukk uid'i, l'āks aštmah. hānel'l' vačč rozorvičči. rozorvičči vačč hānel'l' — i t'ūt't'ōn viid', i buabo šiel'd' viid' elošš.

№ 84

— Я из деревни Семеновское. Меня зовут Паранькой. Вот при-
помнила сказку и теперь хочу рассказать [вам].

— Вот жили старик да старуха. Была у них внучка. Бабушка
напекла блинов. Внучка пошла отнести блины [дедушке]. Вот идет,
идет внучка, и ей навстречу идет волк. «Куда ты, девочка,
идешь?». — «Иду дедушке завтрак отнести». — «Дай мне блины
[а то] я тебя съем!». — «Не ешь, мне надо дедушке [блины] от-
нести».

Вот девочка пошла, пошагала ('пошла шагать'). Идет и идет,
А ('вот') волк ей следом, ('а вот') за ней следом шагает. — «Дай
мне блины!». — «Не дам, дедушке нужны!». — «Дай!». — «Не дам,
дед хочет блинов!».

Ну вот девочка пошла и пошла [далее], волк все следом за
ней, все следом. Когда ('а') девочка дошла до дедушки — волк
спрятался в лесу. Вот волк спрятался в лесу, а девочка дала эти
блины дедушке. Дедушка начал кушать, а волк следит ('глазами
водит'), как дедушка ест блины. Ну вот, когда девочка пришла,
дедушке и говорит, что волк у меня просил блины, а я ему не дала.

Ну вот дедушка съел [блины], и девочка пошла домой. Волк
ее [на дороге] встретил. Волк ее встретил и говорит: «Почему ты
мне не дала блинов?». — «Моему дедушке нужны были блины, ба-
бушка велела дедушке [блины] отнести».

Ну вот девочка пошла к бабушке, а волк ее догнал и обогнал.
Волк пошел вперед и пришел [раньше девочки] к бабушке. А ба-
бушка была одна дома. Волк бабушку и съел. Волк съел бабушку
и лег на бабушкиной кровати. А бабушка у него в животе.

А волк, значит, девочка приходит ('идет') домой. Пришла до-
ма, бабушки нет, а бабушки нет. А волк лежит на бабушкиной
спинке, а она думает: бабушка. Пришла [девочка] и говорит:
«Бабушка, почему у тебя такие большие уши?». А он говорит:
«Чтобы слышать!». — «А зубы большие?». — «Чтобы тебя
съесть!». И съел девочку. Девочку съел — и бабушка в животе, и
девочка в животе [у волка]. И волк убежал, пошагал. У него живот
разорвался. Разорвался живот у него — и девочка вышла, и ба-
бушка вышла оттуда, [обе] живые.

Чугаева Марфа Ивановна, 62 года, дер. Александровское (o'leksan-
drowskoj) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова,
1960 г. (Каб. яз., запись № 128/8).

№ 85

el'et't'ih ukko da akk, ei ollun heil' lapšii. ukk i šanow: „akk,
mid rubiemm ruadmah? meil' vet' trudno on kahell šiwŋken“.

akk i šanow: „dawai l'eikkuam miwn šormen i panem pečur-
kah“.

l'eikkai akk šormen i pañi pečurkah. i ka paistaw akk kakkor-
rua i šanow: „oh, ka kuin ois vet' poigañ i veiš miwn ukoll per-
fatkuw“. (a ukk kúnd'aw pellošš). a hiän pečurkašt i šanow, šor-
mut še šiel'd': „buab, buab, dawai mie l'ähen vien d'iadoll perfat-
kuw“.

a hiän i šanow: „da vet' šie olet pikkarañe, ei šua“. — „šuw,
buab, dawai“.

i l'äksi. buaboh and hänel' kakkorua, pañ hänel' tofelkall, hiän
i l'äks kadamah. aštuw, aštuw — broñit: „kra-a, kra-a“.

hiän šanow: „naguw i t'eil'l“.

i broñiloill andaw kakkorua. šid aštuw, aštuw, d'iadoh kúnd'aw:
„d'iad, d'iad, aššu vä'l'äzeh perfatkuw šuömäh!“. d'iadoh tul': „oh
šie, muruñ miän om! oh šie miän avutt'janel“ — „d'iad, dawai, da-
vai mie rubien kúnd'ämäh!“. — „da šie et maha, olet pikkarañe“. —
„dawai, d'iad!“.

istucⁱ pluwgan piäl' (šilloin oldih pluwgat, adrat). istucⁱ pluw-
gan piäl', kúnd'aw i lawlaw. aj'tah baj'rit i šantah: „d'iadoñ, d'ia-
doñ, müä meil' t'äm poigañ“. — „en müä“. — „müä, d'iadoñ, müä
šiwł annam šuwret d'engat“. — „ñi mitt't'üzie miwl d'engoi ei pie,
en müä!“.

a hiän: „d'iad, müä, müä, mie tulen jäfel'l'äh, müä!“.

d'iad ott hänen i möi. i zaverñittih hänen, kormañih pandih.
hiän kormañih naguad'i, šial'd' kormñist i uid'i...

konz hiän kormañist kočaht, laškieči kukkzen piäl'l' i uinoi. a
l'ehmⁱ hänen i söi. i tul'ⁱ kod'ih. l'ehm zabol'el. l'ehmän iskiel-

t'ih. nām sūalat luadih. a hukk šöi. hukk šöi i tul¹ ukkzelluh aittah. (taht hiän mid buit', mid l'ienöw, šüwv) i lomočči šipk. a ukkoñ° kuwlust, d'iadoñe, i taht häñd^a ambuo, a hiän i šanow: „d'iadoñ, el' ammu, mie olen vačašša“.

ka hiän hukald viidi vačašt i d'eñgat cial i hukan tawtettjh. i šeičas el't'äh, paživajut i dobra naživajut...

№ 85

Жили старик да старуха, у них не было детей. Старик и говорит: «Старуха, что будем делать. Нам ведь трудно двоим с тобою».

Старуха и говорит: «Давай отрежем мой палец и положим в печурку».

Отрезала старуха [свой] палец и положила в печурку. И вот печет старуха блины и говорит: «Ох, кабы вот был сыночек и отнес бы моему старику завтрак». (А старик пашет в поле), А он, пальчик тот, оттуда из печурки, и говорит: «Бабушка, бабушка, давай я пойду отнесу дедушке завтрак».

А она говорит: «Да ты ведь маленький, не сможешь». — «Смогу, бабушка, давай».

И пошел. Бабушка дала ему блины, положила ему на тарелку. Он и пошел с блинами. Идет, идет — вороны: «Кра-а, кра-а!».

Он говорит: «Вот и вам!».

И воронам дает блинов. Потом идет, идет, дед его пашет.

«Дедушка, дедушка, иди скорее завтракать!».

Дед его пришел: «Ох ты, наш крошечка, ох ты, наш помощничек!». — «Дедушка, дай, дай я буду пахаты!». — «Да ты не умеешь, ты маленький». — «Дай, дедушка!».

Сел на плуг (тогда были плуги, сохи). Сел на плуг, пашет и поет. Едут бояре и говорят: «Дед, дед, продай нам этого мальчика». — «Не продам!». — «Продай, дедушка, мы тебе дадим большие деньги». — «Никаких мне денег не надо, не продам!».

А он [мальчик]: «Дедушка, продай, продай, я вернусь [к тебе], продай!».

Дед взял да и продал его. И завернули его, в карман положили. Он в карман нагадил, потом оттуда [из кармана] и удрал...

Когда он из кармана выскочил, лег на цветок и уснул. А корова его [мальчика с цветком] и съела. И пришла домой. Корова заболела. Корову зарезали. Эти кишки выбросили. А волк и съел [кишки]. Волк кишки съел и пришел к старичку в клеть. (Хотел там что-нибудь, что окажется там, съесть) и громыхать стал сильно. А старик услышал, дедушка, и хотел его [волка] застрелить, а он [мальчик] и говорит: «Дедушка, не стреляй, я в животе [у волка]».

Вот он вышел из живота [у волка]: и деньги целы, и волка поймали. И сейчас [они] живут-поживают и добра наживают...

Павлова Акси́нья, 70 лет, дер. Новое (now'voi) Погорельского рай-
она. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г.
(Каб. зв., запись № 128/1).

№ 86

d'iad° el'i d'evānosto trí god^a i hiān ei muistannun, mist müö
olem^m tuad. i hiān kaik^k šan, što paistih starinnoi narod, što il'i
že na sabaku prameñal bafin, koirah vaihett^u olem^m, il'i že karti-
loil° praigral, mānet^{t'} kartiloil°. vot uhekšān kul'ie meid^ā on t'ial'.
kul'at ollah ka ol'eksandrowskoi i nowvoi, vašil'jew-
skoi—kolm, šemnowskoi—nel^{l'}, mat'ugin—viiž, ivnow-
skoi ol'i papalam—kuwž, galhovo—šeiččimen, bot'in—
kahekšān, ved'ensk—uhekšān. uhekšān kul'ie kaik^k šub pa
d'orže oldih.

№ 86

Дед [мой] жил девяносто три года и он не помнил, откуда мы
привезены. И он всегда говорил, что старики рассказывали ('ста-
ринный народ говорили'), что или же барин на собаку променял
нас], или же мы в карты проиграны, проиграл в карты. Вот девять
деревень нас здесь. Деревни эти вот: Александровское и Новое,
Васильевское — три, Семеновское — четыре, Матюгино — пять, Ива-
новское пополам (с русскими) — шесть, Галахово — семь, Ботино —
восемь, Введенское — девять. Девять деревень, все-все по [рёке]
Дёрже были.

Павлова Акси́нья. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Фи-
латова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 128/6).

№ 87

kun mie kažvoin ka, oldih kitaikat, rāččināt moizet oldih, i
kāv^el'imm karielakš, emm šeñiin. karielañe ol'i meil' ad'ežd, l'en-
točkat kitaikaš, pokromkat, müö ol'imm safšem atd'el'no, meid' jo
tunnušeldih, sobie müöt' tunnušeldih, što karielat olemm.

ei ole [sohrañiecen nāidā sobie], uhel^{l'} akal ol', no hiān nūgūn
moskušš on. da, i hānel^{l'} on joi d'evānost šem godof, da. on vovš
vanha, no hānel^{l'} on, hānel^{l'} on kualendah varoin... a viel^{l'} ni
kel^{l'} et l'öwv. ol' muwvanžil dl'a pamat', a v vainu prapal'i, kaikki
šub kav^otettih. miwl icell tahottaís dastat', da ei ol.

piäss ol' sorokk, sorokat oldih ommeld. i sorovno i bed' on zavšo ol' sorokk, patamu što naiše tukkie nikagda ei ozuttan omis, zavšo oldih zakrjt, peit'et' t' tukat. moiñ ol' mod, da... štoš ol' piä zavšo ub'fitt^u.

sorokat, kitaik, räččinät, hiamut, da... t'ielua vaš räččinät, paeton kitaik, proimat t'äšš, a t'äšš hiamut, raznoit oldih hiamat, toizen muizet, ei ühenmuizet. i ka vüät, šulket. šulk^u vüä... i ka vüäl'oi viel' on muwvanžil. miwl ei ol. a mie t'eil' iuabatan mišš on. t'üö zaid'itt i šiel' kačott... [naižen šovat oldih viel' nigrudnikk i vüä šulkuñ kišt'oirken, kišt'at pit'ät, niin i riputtih kišt'oirken vüä ol', kalžut, kalžut kumakk^užil šivott. ruptetah kalžut i kumakk^užil šiv^otah, i ka l'äht'iet'äh obied'nall. a jallaš bahilkat... näm oldih jo ammuizet starinnoit bahilkat. a talvell čuwnät, stočunkat, sukovkat. piet't'ih mejh šüt't'en, a jo müö emm pid'annan naid'a. a mejh šuw piet't'ih sukovkat. sukovkat kuvott^u šarrah muššašt. omua villua kezät'äh i kuwtah sukovkazet. jallat krowt'tah, kel'l' ei oll^o t'äd'—luapot't'izet, a šiid čunkii ka ruvettih ruad'mah... pelvhašt sučtah sučilkua i l'ijitah kostjigall... čunk^uzet.

a piäl'l' kortjšk. kortjšk mušt, šarrah, tož ič kuvottih. šarrah kezät'äh i kuv^otah, patom val'aijah hiät, val'aijah, štoš hiän ois... kuvott—ved' niin i nügüw lavgazet, a val'aijah hiät, niin lavgoi nügüw. vantetah... i rod'ičow šarg glatkoi muoñ, šiit^u... a šiid ommeldih kortjškoid. kel'l' oldih fantjizirken, a kel'l' jo borirken kortjškat. i muž'koill, muž'koill oldih fantjizirken, a naiš borirken. kaikill šub oldih kortjškat.

a turkit oldih keldazet, nahkuw kul'iss^a ruavettih, poč'i jog kul'äšš ruavettih nahkoi. miwn muist'mua [näm vuattiet oldih] i mie pijin... d'ésaton gadu mie miehelli viijin (miwl ol' dvatsatj got), i viel' mie pijin naid'. a šuappaid jo ka miän vuažiloist ruvettih pid'mäh, ka primerno, šed'movo-vošmovo goda... da, mieheli' dven god kawl'iin naidš viel', a šiid'... v d'ésatom gadu mie viijin mieheli', a da dvenatsatov^o [mie] kawl'iin omis naidš karielazis, a šiid' ka rubein jo ombel'mah plat'jois. kaikin šub kavel'dih [karielazis vuatteis], vain ket m o s k u š š el'et't'ih, näm ka kavel'dih plat'joiss. da. meil vuattiet oldih moizet.

piä ol' zavš ub'fittu, ol' sorokk piäss. kuin mieheli' viijit—sorokk, a t'üt't'ön ei. t'üt't'ön—fatañ... t'üt't'öl'öl' oldih kassat, a mieheli' viijit—sorokk, kičkan ub'fitt šinn sorokkah i sorokašš käv'et.

Когда я была девочкой ('пока я росла') вот, были китайки, рубашки женские такие были, и ходили в карельской [национальной] одежде ('ходили по-карельски'), не так, [как теперь]. Карельская у нас была одежда. Ленточки в китайках, покровки. Мы сильно отличались по одежде от других ('мы были совсем отдельные'), нас узнавали, по одежде узнавали, что мы карелы.

[Эта одежда] не сохранилась, у одной старухи была, но она теперь в Москве живет. Да, ей уже и девяносто семь годов. Да, она совсем старая, но у ней есть [национальная одежда], у ней к смерти припасено [хочет, чтобы ее в этой одежде и похоронили]... А больше ни у кого не найдешь. У некоторых для памяти [были], но в войну все-все потеряли. Мне самой хотелось бы достать, да негде.

На голове была сорока, сороки были шитые. В будничные дни также, всегда в сороках были, потому что женщина никогда своих волос не показывала, волосы всегда были закрыты, закрыты были волосы. Такая была мода, да... чтобы волосы ('голова') всегда были убраны.

Сороки, китайки, рубашки женские, «рукава» [женская рубашка, в которой лиф из фабричной ткани, а низ — из домотканой], на теле рубашки, потом китайка, проймы здесь [показывает], а здесь «рукава» [показывает], разные были «рукава», разные, не одинаковые. И вот пояса шелковые. Шелковый пояс... и вот пояса еще есть у некоторых. У меня нет. А я вам укажу ('напомню'), где есть. Вы зайдите и там посмотрите... [Из женской одежды было еще] нагрудник и шелковый пояс с кистями. Кисти длинные, так и висели, с кистями пояс был, паголенки [были]. И паголенки кумачом перевязаны. Соберут в складочку паголенки и красными [ленточками] подвязывают, и вот так пойдут [в церковь] к обедне. А на ногах бахилки... Это были давние, старинные бахилки. А зимой чуни, а то и чуньки, суконки. Носили до нас, а мы уже не носили их. А до нас носили суконки. Суконки, тканые из черной шерсти. Домашнюю ('свою') шерсть прядут и ткут суконки. Ноги обертывают. У кого нет этого — то лапотки, а потом вот чуньки стали делать. [Чуньки] из льна [делают], скрутят веревку ('сучилку') и плетут костыгом... чуночки.

А на себе были коротышки. Коротышка была черная, шерстяная, сами тоже ткали. Шерсть прядут и ткут, потом валяли [шерстяное полотно], чтобы оно было [помягче]... Тканое ведь — нитки заметны, а поваляют его, так ниток не станет видать. Поваляют... и будет сукно, гладкое такое, ровное... Из него шили коротышки. У кого были с фантами, а у кого со сборками коротышки [были]. И у мужчин, у мужчин были с фантами, а у женщин со сборками. У всех-всех были коротышки.

А шубы были желтые. Овчину в деревнях выделявали, почти в каждой деревне выделявали овчины. На моей памяти [такая одежда была], и я носила... В десятом году я замуж вышла (мне шел двадцатый год), и я еще носила [такую одежду]. А сапоги вот с наших лет стали носить, вот примерно с седьмого-восьмого года... Да, замужем два года я ходила еще в этой одежде, а потом... в [тысяча девятьсот] десятом году я вышла замуж, а до двенадцатого [я] ходила в этой своей карельской [одежде]. А потом, вот стала шить платья. Все-все ходили [в карельской одежде], только [те], кто в Москве жили, эти вот ходили в платьях. Да, вот у нас одежда была такая.

Волосы ('голова') всегда были убраны, была сорока на голове. Как только выйдешь замуж — надеваешь сороку, а в девушках нет. В девушках — фата... У девушек были косы, а замуж выйдешь — сорока. Пучок уберешь туда под сороку и в сороке ходишь.

Стогова Мария Ивановна, 55 лет, дер. Новое (nowv oi) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 128/3).

№ 88

ka el'ett'ih ukke da akk^a. akk ol' moin pattje, ukk häñd^a varaj¹. ka muasl'enč poth^od'iw. akk ukkuw kiruw: „mäñ, aja ka miñn pogrelvah, tua muasl'enčakš kaluw!“. ukk niin i kargjaw hänešt umbär: „ščas, akk, tuan!“. akk i šanow: „šie miwl el' vain kaluw tua, šie miwl tua i od'ožah vorotnikk!“. — „tuan, tuan, akk, tuan, vain el' kiruwč!“.

ukk val'lašt hebžen i l'äks, ott ruaškzen, pattjevui hevošt' št'ogaiččow da ajaw.

nu ka tul' pogrelvah. šiel' ošt kaluw, mid šiel' viel' ošt i l'äks kod'ih ajamah. ajaw kod'ih, a ennen häñd' veñuw dorgall^a reb^o. hiñn ruad'. šanow: „ka akall i vorotnikk! nütten akk ei rubie milm kiruwmah!“. revon jalloist rejen piäl' fufeñ, a ič istuoč, značit, istuw reješš. ajaw i kaikk duwmaiččow: „nu jo hüv^a akall Fiaw vorotnikk! i kaluw vejän, i vorotnikkuw!“. a tavukš ei kačah. a reb^o huolett davai üksin kal^ažin fufaimah. fufaiččow i fufaiččow, kaikk šub fufaičči, kočaht i uid¹. a ukk (ved', ka on vanhat howkat!) ei kačah tavuš päi: mid mie vejän. tul' kod'ih, ni mid: ni kaluw, ni vorotnikkuw! akk häñd' davai viel' kiruwmah tošnei.

a reb^o sobefi kal^ažet, istuw i šüow huolett. mišt' ottu^ačč — hukkl — „e-eh, svuat't' šie, svuat't'! mišt' šie, kaluw otit? anuw

kalani! — „kacu, sie mit'üs miel'ow! män tavot! — da mišt' sie tav^otit? — „ka jovell, män tav^ot! — „da kuin sie tav^otit? — „da niin, ka avandoh hännän riptiin, da issuin üön. ka kalu min verran tav^otijn“.

a hukall hajuw hvat^t vetl män avandoh i istuwč, hännän riputt i istuw. händ' i kül'mäht'. d'ofniw hännän — väh^a on kalua. kodv^azen istuw viel'. viel' kodv^azen istuw — d'orgoni: ei šuw d'ornie. „no viel' kodv^azen issun, viel' enämbän“.

ist, ist — sowsem hänel' händ' šinn kül'mäht huomnekseh šuw.

huomnekšell aštah naizet vett^a vaš, i davai „huwhtmah“ kor-misloill. kol^otittih, kol^otittih hiän t'el'm, t'el'm, d'orgoni — hännän i jat^t joveh.

aštuw kül'äh. aštuw kül'äh — reb aštuw. — „a, reb, mid' ruat? — reb kacow, što pah käd'eh. šiel' emännäl'l'üö tungiečč, tahakšeh (mišš l'iew šiel' emännäl'l' ollun taigin) voiduwčč, da istuw dorgall, it'kōw. hukk aštuw. hukall jo tul' rebuw žual:

„svuat^t, sie svuat^t, mišt' päin šie moiñ ruadičiit? — „ka mišš ruadičiin! ka duiđih, duiđih, ka mit^tüzekš ruatti!.. a šie mid' miwl ruavoit? — „i miwn jel' elošš [eloh] jat^tet^tih! nu jo kuin šiwn duiđih, svuat^t, istuw miwl šel'gäh, mie šiwn viän kunn...“.

reb istuč hänel' šel'gäh, grebieč kaglašt, a hukk händ' i kan-daw. a hiän taguw istuw i lawlaw: „e-eh, duid duimat[tmua] ved'aw, duid duimat[tmua] ved'aw“.

hukk i šanow: „mid šie lawlat, svuat^t? — „lawlan, što «duid duiduw ved'aw, duid duiduw ved'aw»“.

ka hukan i muañitt.

№ 88

Вот жили старик да старуха. Старуха была такая злая, старик ее боялся. Вот подходит масленица. Старуха старика ругает: «Иди, поезжай вот в наше Погорелово, привези на масленицу рыбы!». Старик так и пляшет вокруг нее: «Сейчас, старуха, привезу!». Старуха и говорит: «Ты мне не только рыбу привези, ты мне привези и воротник для пальто (одежды)!». — «Привезу, привезу, старуха, привезу, только не ругайся!».

Старик запряг лошадь и отправился. Взял кнутик, озлился, лошадь стегает и едет.

Ну вот, приехал в Погорелое [городище]. Там купил рыбы, что еще там купил и поехал домой. Едет домой, а впереди на дороге лежит лиса. Он обрадовался, говорит: «Вот старухе и воротник. Теперь старуха не будет меня ругать!». Лису за ноги бросил (фурнул) на сани, а сам сел. Значит, сидит в санях. Едет и все думает: «Ну и хороший же старухе будет воротник! И рыбу везу,

и воротника!». А назад не смотрит. А лиса без заботы давай ерзать по одной рыбке выкидывать. Кидает и кидает — все до единой и повыкидала. Спрыгнула и убежала. А старик (бывают же ведь старые дураки!) не оглядывается назад: что, мол, я везу. Приехал домой — ничего нет: ни рыбы, ни воротника! Старуха давай его еще пуще ('тошней') ругать.

А лиса собрала рыбешки, сидит и ест себе без заботы. Откушав и возьмись — волк! — «Э-эх, сватьяшка ты сватя! Где ты рыбу вяляла? Дай-ка рыбку!». — «Смотри, какой ты умник! Иди лови!». — «Да где ты поймала?». — «Вот на реке, иди лови!». — «Да как ты поймала?». — «Да так: в прорубь хвост опустила на ночь да ночь просидела, вот сколько рыбы поймала!».

А у волка хватает ума ведь! Пришел к проруби и сел, хвост опустил (в прорубь) и сидит. Хвост и примерз. Держит хвост — мало рыбы. Еще немножко посидит. Еще немножко посидит — дернет: не может выдернуть. «Но [думает] еще немножко посиди, пусть больше [пристанет к хвосту рыбы]».

Сидел, сидел — хвост у него совсем примерз [пока сидел до утра]. Утром идут женщины ва водой, и давай [волка] «полоскать» коромыслами. Колотили, колотили, он бился, бился, дернул хвост — хвост и оставил в реке.

Идет в деревню. Идет в деревню, а [ему навстречу] идет лиса. «А, лиса, что делаешь?». Лиса видит, что плохо дело ('пало и руки'). Там к хозяйке сунулась куда-то (где-то там у хозяйки квашня была), в тесто вся измазалась да сидит у дороги, плачет. Идет волк. Волку уже и жаль стало лису: «Сватьюшка ты сватьюшка, где ты так запачкалась ('откуда ты такой сделалась')?» — «Вот где запачкалась. Вот били так били, вот какой меня сделали!.. А ты что делал?». — «И меня еле живым оставили! Ну, раз тебя так побили, сватя, садись мне на спину, я тебя повезу куда-нибудь...».

Лиса села на волка верхом, схватилась за шею. Волк ее и понес. А она сзади сидит и поет: «Э-эх, битый небитого везет, битый небитого везет!».

Волк и говорит: «Что ты поешь, сватьюшка?». — «Пою, что: "битый битого везет — битый битого везет!"».

Вот [лиса] и обманула волка.

№ 89

el'ettih ukke da akk^a. heil' ei ollun lapsutt. heil' tahott äijäl'd
t'ut'ost'. a akk i šanow ukoll: „ukk, davai l'ahem lumest ruavamm
t'ut'zen, i t'ut't'ön l'ienow. rubiemm häänd' beŋgoimah i meil' l'iew
paremb el'ia“.

ka mänd'ih ruavettih t'ut't'zen. t'ut't'ön ol' viikon, keviäh šua.
a šiid' ruwttih käwmäh hänel'üö podruwŋat, kučtah häänd' meččih:
lašš meččäh!“. — „ei voi laškie, emm laššel!“. — „da mid^a šie,
laššel!“.

l'laškiettih. ka hüö šiel' kävel'd'ih, kävel'd'ih, viijit't'ih pelloll.
abei kizuwmah solnišk. t'ut't'ön i šul^l. heil' t'ut'öst' ei i tullun.
t'ut't'zet tuldih toizet, a häänd' ei ol. akke da ukke — davai
krmäh. it'kit't'ih-it'kit't'ih, a t'ut'öst' eii ol.
i kaikk.

№ 89

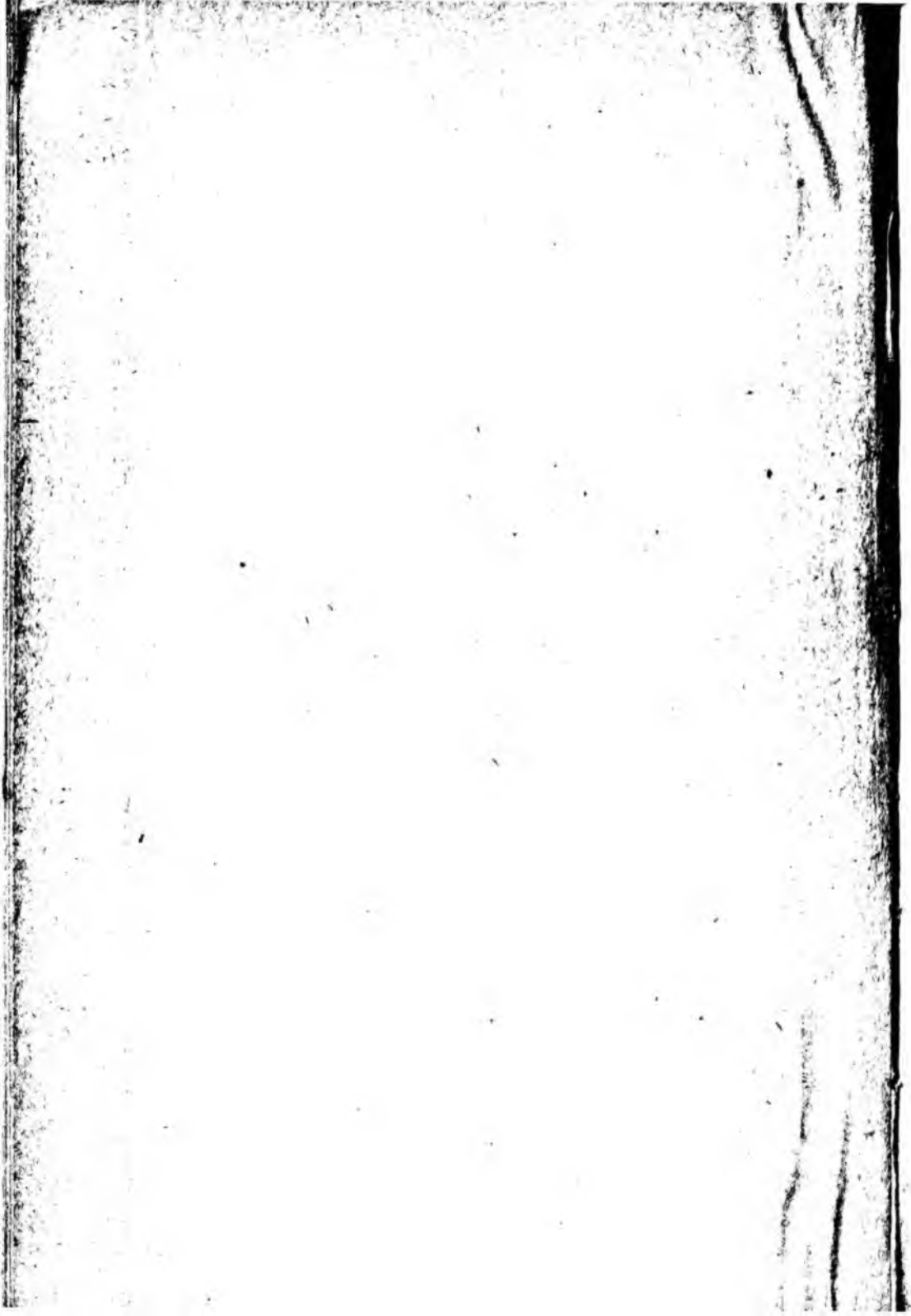
Жили старик да старуха. У них не было ребеночка. Им очень хо-
телось иметь девочку. А старуха и говорит старику: «Старик, да-
вай пойдем из снега вылепим девочку — и будет [у нас] девочка.
будем ее кормить ('беречь'), и нам станет лучше жить».

Вот пошли слепили девочку. Девочка [у них] была долго, до-
лжны. А потом стали к ней приходиться подружки, приглашают ее
в лес: «Пойдем в лес!». — «Нельзя пускать, не отпустим!». — «Да
то ты,пусти!».

И отпустили. Вот они [девочки] там ходили, ходили — и вышла
она поле. Заиграло солнышко. Девочка и растаяла. У них [стары-
ков] и не стало девочки.

Девочки другие пришли [домой], а ее нет. Старуха да старик
давай плакать. Плакали, плакали, а девочки и нет.

И все.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

1. [veššin učit'el'an kirja] [Письмо весьегонского учителя] . . .	8
2. mid'a miwla šanel'i hukkina mihailla-d'iedo Что мне рассказывал дедушка Хуккин Михаил	11
3. «kül'äššä alvin paist'ih. . .» «В деревне всегда говорили. . .» . .	14
4. «šežo ol'i pappi. . .» «Вот был поп. . .»	15
5. «oi-jon, oi-jon, o g o-čikko. . .» «Ой-ён, ой-ён, сестра Ого. . .»	17
6. kuin müö varuššamma silossuo Как мы готовим силос	18
7. «„pakšukiel'el'izet el'et'äh“. . .» «„Толстоязычные“ живут. . .»	19
8. karielazet nimet Карельские имена собственные	21
9. «mišt'ä ottjači miän kariela» «Откуда взялись наши карелы». . .	21
10. «šanel'i miwla miamo. . .» «Мне мать рассказывала. . .»	21
11. «miän kül'ä ol'i bajařin oma. . .» «Наша деревня принадлежала помещику. . .»	24
12. «müö pakšuh pagizemma. . .» «Мы говорим на „ш“. . .»	25
13. «it'kõw muccoŋe meččäziissä. . .» «Плачет молодуха во лесочке. . .»	26
14. *«jäin mie muamošta. . .» «Осталась я от матери. . .»	29
15. «riw-raw, reboženi. . .» «Рив-рав, лисынька. . .»	30
16. *«el'et't'ih briha da miamo. . .» «Жили парень и мать. . .» . .	32
17. *«el'et't'ih ukko da akka. zahot't'ieči. . .» «Жили старик и старуха. Захотелось. . .»	33
18. «el'et't'ih ukko da akka. akalla. . .» «Жили старик да старуха. Старухе. . .»	33
19. «iel'l'ä karielaziissa kül'iissä. . .» «Раньше в карельских деревнях. . .»	34
20. «miän volhova kül'ä on. . .» «Наша деревня Волхово. . .»	35

Тексты, помеченные, расшифрованы с магнитофонной ленты.

21. volhovallia ollah katielazet nimet Карельские имена соб-
ственные на Волхове 36
22. «tuwfin-tawfin, rebozen...» «Туврин-таврин, лисынька...» 37
23. «enžišt'äh ajelemma t'üt'öl'l'üöh bešowdah...» «Сначала садим
и девушке на беседу...» 38
24. «*ošindala, ošindala...» «Осиндала, осиндала...» 39
25. «mužikka l'äksi meččäh...» «Мужик пошел в лес...» 41
26. «a eñnen ol'i ribinska ja volost'...» «А раньше была Ры-
бинская волость...» 41
27. «s viiže nie on, šanotah, stuaro in tagada [tuodu]...» «Вос-
двигенье, говорят, из-под Старого [переехало]...» 42
28. «ka miän kül'än luona on kalmižo...» «Вот около нашей де-
ревни кладбище...» 43
29. «t'läl'ä paikal'l'ine kariela šuošiečow...» «Здесь местные кар-
елы ('карела') одеваются...» 45
30. «eñnen karielazet bohatat...» «Раньше карельские богачи...» 46
31. «eñnen karielašša issuttijh päriel'l'ä...» «Раньше у карел си-
дели с лучинкой...» 46
32. «duwhang šivotah kakši koivupuwhutta...» «В духов день при-
вязывают друг к дружке две березки...» 47
33. «el'et't'ih ukko da akka, ukko...» «Жили старик да старуха.
Старик...» 48
34. «ennen miän kül'ä ol'i vain. puol'i...» «Раньше наша деревня
была наполовину меньше...» 49
35. «kül'ä gorčova ol'i ül'en sprawnol...» «Деревня Горячево
была очень справная...» 51
36. «*mie šunnūin kewhššä pereheššä...» «Я родился в бедной
семье...» 51
37. «*kakši t'üt'öst'ä, tañä i mañä...» «Две девочки, Таня и
Маня...» 52
38. «*l'äksimä meččih šuwfiš eččimäh l'ehmie...» «Пошли в леса
большие искать коров...» 54
39. «*mie šunnūin šel'čašša, kewhän talošša...» «Я родился
в Сельцах, в доме бедняка...» 54
40. «*el'iäššeh näl'l'äštü ükski hukka...» «Однажды проголодался
один волк...» 55
41. «el'et't'ih d'iedo da buabo. ei ollun heil'ä lapšie...» «Жили
дед да баба. Не было у них детей...» 56
42. šuarna. «el'et't'ih d'iedo da buabo. šli heil'ä t'üt't'one...» Сказ-
ка. «Жили дед да баба. Была у них девочка...» 60
43. «*[mid'ä luajittijh tuohešta] [Что делали из бересты] 61
44. pelvahan kezvatanda i t'üksi luajinda Выращивание льна и
обработка волокна 62
45. pelvahan kezriänd'ä i kuvonda Пряденье льна и тканье 64
46. «*mařjah kävel'iin...» «По ягоды ходила...» 67

47. mid'ä meil'ä paisetah	Что у нас пекут	68
48. kuin mi kivist'äw	Названия некоторых болезней ('как что бо- лят')	69
49. kuin šiäd'ä sanotah	Как называют явления природы	70
50. kuin miän t'äl'ä länel'ä tt'kiet'äh, luvetollah pokoiñiekalla (ro- d'it'el'alla, kuolluolla)	Как наши здесь голосят, причитывают по покойнику (по родителям)	71
51. lapšin viržüzie	Образцы детского фольклора	78
52. poslovičat	Пословицы	84
53. äiärit'ükšet i muwt šanonnat	Иносказания, клички и отдельные выражения	94
54. *[kuin suad'bua kizattih]	[Как свадьбу играли]	99
55. *«miwn izäñd'ä šafel'1...»	«Мой хозяин рассказывал...»	100
56. *[kuin talvella nuorlzo gul'aljah]	[Как зимой молодежь гуляет]	102
57. *[švatkina kuwandelomašša]	[Гадания в святки]	104
58. kuin päfet't'ä srugitah	Как строгают дранку	106
59. ruišpuwstah näh	Про деревню Аржамое	108
60. kuin nahka luad'le owfeinakši	Как выделяется овчина	111
61. [hukan heičči il'vewš]	[Рысь вместо волка]	113
62. kuin šuaha rebuo	Как ловить лисицу	117
63. kuin mie kondieda näin	Как я медведя видел	118
64. jöt'kin issunda	Выгонка дегтя	125
65. [vakkazet]	[Коряники]	129
66. pelvašruavot	Работы по льну	131
67. [palavan juablokan šüöja]	[Посла горячей картошки]	145
68. [voin kolawttaja]	[Сбивающая масло]	146
69. oravoissa	За белками	147
70. okružehjašša	В окружении	148
71. tankoin vaštuanda	Встреча танков	149
72. kakši pakast'a	Два Мороза	152
73. *«mie süññüin šüwrella ploskoilla...»	«Я родился в Большом Плоском...»	156
74. *«el'et't'ih muamo i kakši poigja...»	«Жили мать и два сына...»	157
75. *šiwhka-burka, veščaja kaburka	Сивка-бурка, вещая каурка	159
76. arvawtukšet	Загадки	170
77. *«ka miwla jo on šešd'ešat l'et...»	«Вот мне уже шестьдесят лет...»	170
78. *«ka mie viel'ä tuaš šanon...»	«Вот я еще вам опять расска- жу...»	171
79. *«kis-kas, kazizeñi...»	«Кис-кас, кошечка...»	172
80. «kaiken el'ännän aijan müö zañimaičiešima...»	«Всю свою жизнь мы занимались...»	175

	Стр.
81. «miän baba pagizi, što t'äissä l'itva proid'i...» «Наша бабушка говорила, что здесь проходила литва...»	176
82. «me zui valla šeiččemen vuotta järel'd'äh päin...» «В Мекусе семь лет тому назад...»	177
83. *«nu, a mid paiss?...» «Ну а что говорить?...»	178
84. *«mie olen semnowskoist kül'äst...» «Я из деревни Семеновское...»	179
85. *«el'ett'ih ukko da akk, ei ollun heil' lapsii...» «Жил старик да старуха, у них не было детей...»	181
86. *«d'iad° el'i d'evänosto tri god°...» «Дед жил девиносто три года...»	183
87. *«kuñ mie kažvoin, ka...» «Когда я была девочкой, вот...»	183
88. *«ka el'ettih ukke da akk°...» «Вот жил старик да старуха...»	186
89. *«el'ettih ukke da akk°, heil' ei ollun...» «Жил старик да старуха. У них не было...»	189

Карта населенных пунктов Калининской области, говоры которых представлены в настоящем сборнике.